

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

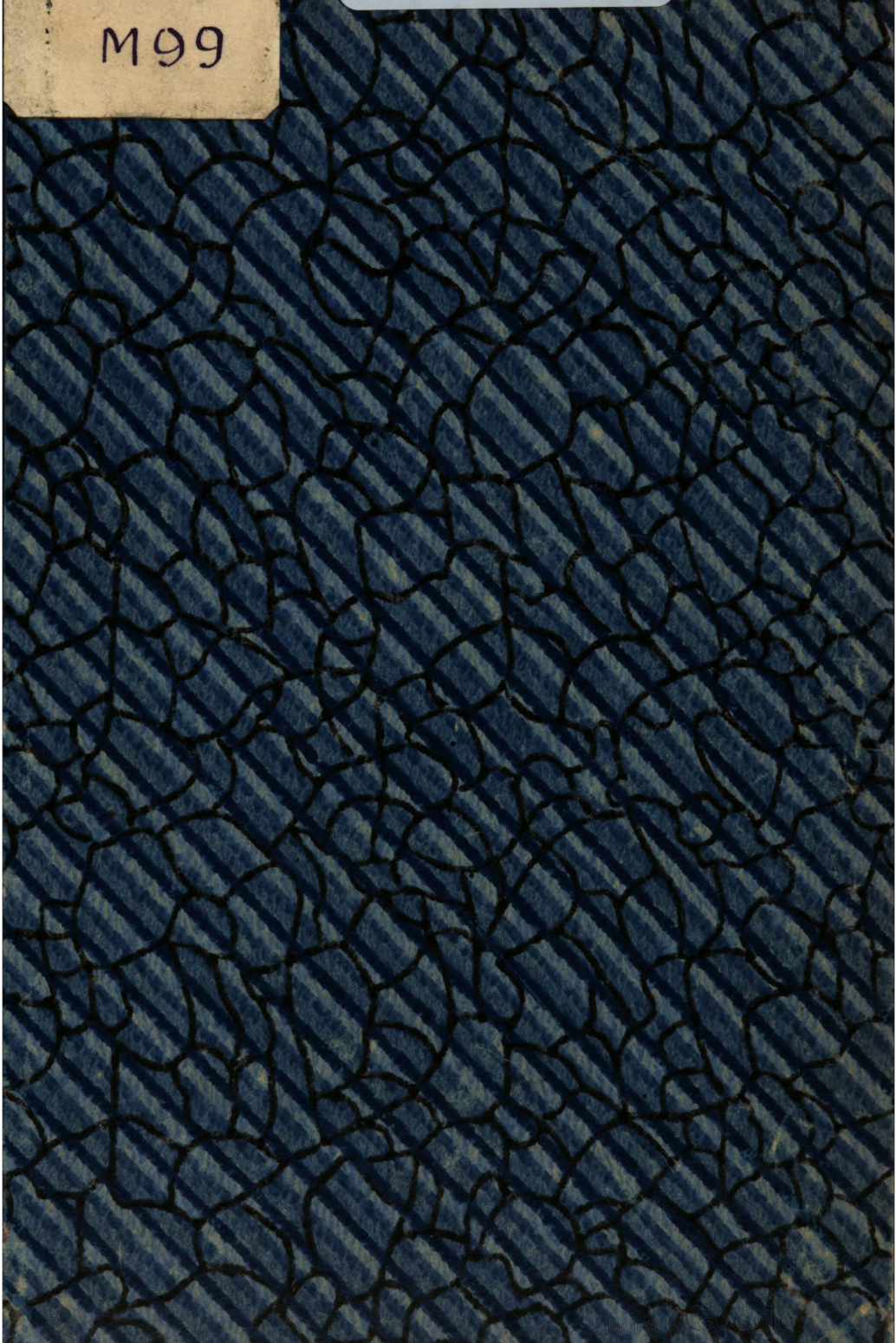
0720
M5

9

M99

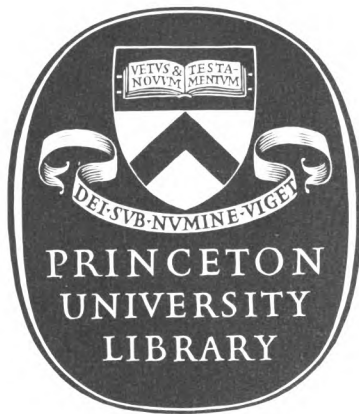

3 2101 04195 9618

~~0220681~~

C-2
1777

Sidney Rheinstein

Class of 1907

Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding

9
М 99

изъ исторіи европейскихъ народовъ.

IV.

*Библиографу
Д. Н. Сивтеревскому
изъ адреса*

**КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ
ВЪ ПОЛЬШѢ
ВЪ ЭПОХУ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.**

В. МЯКОТИНА.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Певскій, № 138—140

1889.

$\frac{y}{199}$

V. A. Miakotin

050

РЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

IV.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ

ЭПОХУ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

В. МЯКОТИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. В. КОМАРОВА. НЕВСКІЙ, № 138—140.

1889.

RECAP

(~~Amex~~)

HD 728

MS

Amex 12/13

MS

12/13

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

ДОРОГАГО УЧИТЕЛЯ

ОРЕСТА ФЕДОРОВИЧА МИЛЛЕРА.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печати. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1953 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

16						4	305	256
								Зак. 828

В в е д е н і е.

Излишне говорить о томъ, какова важность крестьянскаго вопроса въ общей исторіи Польши. Громадное значеніе его признается всѣми изслѣдователями и существуютъ даже историки, пытающіеся всю исторію Польши въ ея цѣломъ опереть на отношенія между шляхтой и крестьянами. Въ виду этого становится просто поразительной бѣдность научной литературы по этому вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что не существуетъ сочиненія, обнимающаго всю исторію польскихъ крестьянъ, если не считать «*Historji włościan w Polsce*» Мацѣевскаго, научное достоинство которой болѣе чѣмъ сомнительно, и «*Очерковъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ*» Горемыкина, представляющихъ во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ компиляцію, равно какъ и польская книжка Пржиборовскаго «*Włościanie u nas i gdzieindziej*», не говоря уже объ этомъ, мы можемъ назвать лишь очень незначительное количество даже монографій, захватывающихъ большій промежутокъ времени и отличающихся серьезными достоинствами. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія; достаточно указать на то, что оно существуетъ. Передъ тѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться исторіей польскихъ крестьянъ, разстиляется, такимъ образомъ, громадное, почти необработанное поле, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тронутое плугомъ научнаго изслѣдованія. Настоящее сочиненіе представляетъ попытку обработать одинъ изъ уголковъ этого обширнаго поля, именно исторію крестьянскаго вопроса въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху раздѣловъ Польши. Это время, безъ сомнѣнія, составляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи польскаго общества и государства. Разразившаяся надъ страной гроза перваго раздѣла заставила опомниться многихъ, жив-

1132(188)

1132(188)

шихъ до того времени безопасно и спокойно; стремленіе къ реформамъ, поддерживавшееся еще раньше Чарторыйскими, усилилось подъ вліяніемъ этого событія и прогрессивная партія начала пріобрѣтать большее значеніе въ странѣ. Лучшіе люди этой партіи ясно понимали опасность, грозившую самому существованію Польши, и, чтобы отвратить ее, пытались убѣдить своихъ соотечественниковъ въ настоятельной необходимости реформировать весь общественный и государственный строй старой Польши, обновить одряхлѣвшую республику и вызвать ее къ новой жизни. Для этого въ ихъ рукахъ находилось могучее средство—литература, не стѣсненная въ Польшѣ ничѣмъ, кромѣ внутренняго убѣжденія самого писателя. Нужно сознаться, что средствомъ этимъ и воспользовались вполне. Исслѣдователь въ изумленіи останавливается передъ громадой политической литературы въ Польшѣ конца прошлаго вѣка. Такъ какъ тогда существовало очень мало газетъ и журналовъ на польскомъ языкѣ, и существовавшіе ограничивались по большей части сообщеніемъ голыхъ фактовъ, преимущественно изъ области внѣшнихъ отношеній, то публицистическое движеніе сосредоточилось въ особой отрасли литературы, — въ брошюрахъ, посвященныхъ обзорѣнію всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни Рѣчи Посполитой, или одной какой-нибудь стороны, иногда даже одного мелкаго вопроса. Число этихъ брошюръ, начиная съ 1775 года, постоянно возрастаетъ и доходитъ до своего апогея ко времени «великаго» или «четырёхлѣтняго сейма», когда ихъ можно считать десятками, едва-ли не сотнями. По характеру своему онѣ крайне разнообразны: мы имѣемъ дѣло то съ цѣлыми учеными трактатами, то съ горячими воззваніями, наминающими рѣчи народныхъ трибуновъ, то съ ѣдкой сатирой, осмѣивающей современное положеніе вещей, то, наконецъ, съ политическими памфлетами, порожденіемъ минуты, исчезающими вмѣстѣ съ событіями, которыми они были вызваны. Всѣ вопросы, стоявшіе тогда на очереди или возникавшіе изъ текущихъ политическихъ событій, находили себѣ обсужденіе и рѣшеніе въ этой литературѣ. Государственное устройство Рѣчи Посполитой, наследственность трона, вопросъ о сеймѣ и *liberum veto*, положеніе городовъ и крестьянъ въ республикѣ, положеніе евреевъ, масса мелкихъ подробностей государственнаго строя, вродѣ вопроса о старостахъ, внѣшнія отношенія и союзы,—словомъ, все,

что только могло волновать душу тогдашняго поляка, находило большій или меньшій отзвукъ въ этихъ брошюрахъ. Само собою разумѣется при этомъ, что не одна прогрессивная партія пользовалась ими: такъ называемая «старо-шляхетская» партія, составлявшаяся изъ людей, стоявшихъ за старое устройство, не желавшихъ реформы и отвергавшихъ ея необходимость, также не оставалась въ долгу у своей противницы. Возраженія и отвѣты сыпались градомъ, борьба разгоралась и противоположность взглядовъ выступала наружу во всей своей рѣзкости. Благодаря этому, мы имѣемъ передъ собою не исключительно взгляды одной какой-нибудь партіи и, до нѣкоторой степени, избавлены отъ опасности составить одностороннее сужденіе о направленіи общественнаго мнѣнія въ Польшѣ въ эту эпоху. Я говорю: до нѣкоторой степени, такъ какъ нельзя все-таки забывать, что эта политическая литература не представляетъ изъ себя вполнѣ точнаго и вѣрнаго отраженія дѣйствительности, что кое-что, существовавшее въ жизни, отразилось въ ней невѣрно или совсѣмъ не нашло себѣ въ ней мѣста. Для полнаго воспроизведенія дѣйствительности, нужно принять во вниманіе всѣ тогдашнія обстоятельства, нужно постоянно провѣрять данныя литературы фактами дѣйствительной жизни, о которыхъ мы имѣемъ несомнѣнныя свѣдѣнія, и только выполнивъ эти требованія, мы можемъ быть увѣрены, что полученная нами картина не содержитъ ничего фантастическаго, не существовавшаго на дѣлѣ, и въ то же время не упускаетъ ничего изъ дѣйствительно бывшаго. Одни литературные факты могли бы ввести изслѣдователя въ заблужденіе уже по тому одному, что часто партія, торжествовавшая свою побѣду въ литературѣ, оказывалась побѣжденною въ жизни и наоборотъ. Тѣмъ не менѣе значеніе литературы, о которой идетъ рѣчь, очень велико, такъ какъ въ ней являюся передъ нами взгляды, если и не всего общества, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе значительной его части и притомъ взгляды эти высказываются передъ нами самими членами этого общества, безо всякихъ посредниковъ.

Среди массы вопросовъ, поднимавшихся и разбиравшихся въ польской политической литературѣ конца XVIII вѣка, не могъ остаться не затронутымъ и крестьянскій вопросъ. Не въ первый разъ появлялся онъ въ литературѣ,—уже польскіе публицисты и писатели XVI вѣка вызывали его,—но едва-ли не

въ первый разъ была выставлена болѣе или менѣе опредѣленная и ясная программа его разрѣшенія. Нужно замѣтить, однако, при этомъ одно обстоятельство, имѣющее не малое значеніе при разборѣ взглядовъ тогдашняго польскаго общества на этотъ вопросъ. Въ массѣ брошюръ сравнительно лишь небольшое количество посвящено исключительно крестьянскому вопросу; по большей части онъ разбирается лишь попутно, среди многихъ другихъ, но даже и число тѣхъ брошюръ, въ которыхъ есть хотя бы бѣглый разборъ его, очень невелико, чтобы не сказать ничтожно, въ сравненіи съ количествомъ сочиненій, занимающихся хотя бы такимъ предметомъ, какъ установленіе наследственности престола. Это объясняется отчасти тогдашними политическими условіями, въ которыхъ находилась Польша, принужденная думать больше о внѣшней безопасности, чѣмъ о внутренней крѣпости, но одного этого объясненія недостаточно; были и другія причины подобнаго явленія, причины внутреннія, съ которыми мы познакомимся ближе, когда будемъ разбирать самыя произведенія этой литературы. Пока достаточно отмѣтить самый фактъ. Но, несмотря на это, уже одна постановка крестьянскаго вопроса въ тогдашней публицистикѣ, уже одинъ вызовъ общества на рѣшеніе его имѣли большое значеніе для общества того времени и сохраняютъ это значеніе для исторіи. У поляковъ XVIII вѣка не хватило силы и возможности заставить исторію отступить съ разъ намѣченнаго пути: Польша исчезла съ карты Европы, какъ самостоятельное государство, и не на ея долю выпало окончательное разрѣшеніе вопроса о судьбѣ крестьянъ, находившихся подъ ея владычествомъ. Исторіи остается рѣшить, могла ли польская Рѣчь Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса и только чисто внѣшнія враждебныя обстоятельства помѣшали ей въ этомъ или же нельзя было рассчитывать на благоприятное рѣшеніе этой задачи силами самой Польши. Матеріаломъ для составленія этого приговора исторіи служатъ съ одной стороны тѣ произведенія польской политической литературы послѣдней четверти прошлаго столѣтія, въ которыхъ высказывались взгляды различныхъ партій на положеніе крестьянъ и необходимость реформы въ этомъ отношеніи, съ другой стороны—факты практической жизни, мѣры, предпринимавшіяся частными землевладѣльцами и государственною властью, вы-

ражавшейся въ сеймахъ, для улучшенія участи крестьянъ. До какихъ положеній дошли въ этомъ отношеніи руководители и вожаки польскаго общества въ теоріи и что изъ этого было принято обществомъ на практикѣ,—вотъ вопросы, которые должны служить намъ, если можно такъ выразиться, вѣхами на пути къ рѣшенію общаго вопроса, указанного выше. Но, чтобы имѣть возможность вполнѣ оцѣнить какъ теоретическія построенія, такъ и практическія реформы, необходимо знать то, что было раньше, какіе пути прошло крестьянское населеніе Польши до послѣдней четверти XVIII вѣка, каково было его юридическое и экономическое положеніе къ этому времени. Въ виду этого настоящее сочиненіе естественно распадается на три части: первую составитъ очеркъ положенія крестьянъ въ Польшѣ ко времени перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, вторую— обзорѣніе политической литературы, относящейся къ крестьянскому вопросу, за періодъ времени между первымъ и третьимъ раздѣлами, и, наконецъ, третью — разборъ попытокъ, сдѣланныхъ государствомъ и отдѣльными его членами и направленныхъ къ улучшенію участи крестьянъ. Въ результатъ и долженъ появиться отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Напрасно было бы уклоняться отъ него по тѣмъ или другимъ побужденіямъ. Исторія, изучая прошлую жизнь человѣчества, выноситъ изъ нея и великіе нравственные уроки для будущаго; поэтому все, что составляетъ достояніе исторической науки, все, что можетъ быть выведено изъ ея данныхъ, должно быть высказано прямо и смѣло. Понятно, что при этомъ необходимымъ условіемъ является отсутствіе въ историкѣ всякаго пристрастія въ ту или другую сторону по отношенію къ событіямъ и лицамъ, которыя онъ описываетъ, Приговоръ исторіи только тогда сохраняетъ вполнѣ свою цѣну, когда онъ составленъ не подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ симпатій отдѣльнаго лица, а на основаніи добросовѣстнаго изученія всѣхъ фактовъ изъ жизни народа въ данную эпоху, изученія, веденнаго спокойно, *sine ira et studio*...

Далеко не будучи высокаго мнѣнія о своемъ трудѣ, увѣренный, что въ немъ найдется много недостатковъ и ошибокъ, въ оправданіе которыхъ я могу привести только старую истину: *ergo — humanum est*, я думаю, однако, что въ одномъ нельзя меня упрекнуть, это — въ недобросовѣстномъ отношеніи къ фактамъ въ пользу той или другой теоріи. Я приступалъ къ этому труду съ искреннимъ желаніемъ узнать и передать одну

истину, и это желаніе одушевляло меня впродолженіе всей работы. Насколько удалось мнѣ постичь эту истину, это, конечно, зависѣло и отъ моихъ личныхъ силъ, и отъ количества матеріала, бывшаго у меня подъ руками, и объ этомъ судить не мнѣ. Но какъ я понялъ ее, я передаю ее здѣсь безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній.

БИБЛЮГРАФІЯ

крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ.

До послѣдняго времени никто изъ ученыхъ не занимался специально исторіей крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ; то и другое входило лишь какъ эпизоды въ сочиненія, посвященныя общей исторіи польскихъ крестьянъ или же эпохъ паденія Рѣчи-Посполитой. Сообразно этому, сравнительно мало обращали до сихъ поръ вниманія и на источники, служащіе для изученія этого вопроса: авторы общихъ сочиненій, пользуясь этими источниками и указывая на нихъ, не приводили, однако, своихъ указаній въ систему. Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ способенъ привлечь вниманіе изслѣдователя, въ рукахъ послѣдняго имѣется для изученія его богатый матеріалъ. Настоящій библиографическій очеркъ и имѣетъ своей цѣлью приведеніе въ извѣстность и систему съ одной стороны существующаго матеріала для исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ (не касаясь, однако, матеріала собственно по исторіи крестьянъ за это время), а съ другой—тѣхъ историческихъ сочиненій, въ которыхъ болѣе или менѣе затрогивался этотъ вопросъ. Такимъ матеріаломъ являются политическія брошюры, въ громадномъ количествѣ выходившія въ Польшѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Несмотря, однако, на то, что этими брошюрами занимались уже многіе изслѣдователи, въ ученой литературѣ до сихъ поръ не существуетъ указателя тѣхъ изъ нихъ, которыя касаются крестьянскаго вопроса. Книга Pilat'a «O literaturze politycznej sejmii czteroletniego», не говоря уже о томъ, что она обнимаетъ сравнительно небольшой промежутокъ времени (1788—1792 гг.), объ интересующихъ насъ брошюрахъ говоритъ лишь очень немного, почти, можно сказать, мимоходомъ, другаго же подоб-

наго труда о политической литературѣ эпохи раздѣловъ Польши и совсѣмъ не имѣется. Между тѣмъ необходимость такого указателя сказывается очень сильно. При отсутствіи его, всякому работнику въ этой области приходится заниматься приведениемъ въ извѣстность существующихъ брошюръ прежде, чѣмъ приняться за ихъ обработку. Разбросанность же и отрывочность указаній на эти брошюры, иногда даже неточности и ошибки въ ссылкахъ на нихъ у различныхъ авторовъ, способны ввести изслѣдователя въ заблужденіе и во всякомъ случаѣ дѣлають эту работу крайне утомительной и непріятной, затягивая ее притомъ иногда сверхъ всякаго ожиданія. Нужно прибавить еще, что при подобной работѣ нельзя руководствоваться одними заглавіями брошюръ, встрѣчающимися въ современныхъ книгахъ, такъ какъ они по большей части или слишкомъ общи, или же не обнимають всего содержанія брошюры. Въ виду всего этого понятна настоящая потребность въ такого рода указателѣ; попытка удовлетворенія ея и сдѣлана здѣсь. Само собою разумѣется, что, какъ первый шагъ на пути къ удовлетворенію этой потребности, предлагаемый указатель не можетъ быть совершененъ. Весьма возможно, можно даже сказать, навѣрное, въ немъ найдутся пропуски и ошибки, тѣмъ болѣе, что пишущему эти строки удалось видѣть самому лишь немногимъ болѣе трети помѣщенныхъ здѣсь брошюръ, остальное же взято изъ ссылокъ и случайныхъ упоминаній у другихъ авторовъ. Во всякомъ случаѣ, даже въ такомъ видѣ, по нашему мнѣнію, указатель этотъ не теряетъ своего значенія: ошибки, если онѣ найдутся, могутъ быть съ теченіемъ времени исправлены, пропуски пополнены, но значительная часть работы уже сдѣлана и будущимъ изслѣдователямъ путь облегченъ, хотя бы до нѣкоторой степени. Что касается тѣхъ авторовъ, у которыхъ взяты указанія на брошюры, то, кромѣ названной уже книги Pilat'a, я пользовался для этой цѣли слѣдующими сочиненіями: Uruskiego, «Sprawa włościanska», гдѣ въ списокѣ сочиненій по крестьянскому вопросу въ Польшѣ, извѣстныхъ автору, помѣщено болѣе 20-ти названій брошюръ конца XVIII вѣка; спискомъ этимъ нужно, однако, пользоваться съ большою осторожностью, такъ какъ въ немъ много неточностей и довольно грубыхъ подчасъ ошибокъ. Поэтому при названіяхъ всѣхъ брошюръ, взятыхъ изъ этого источника, которыхъ я не имѣлъ возможности

провѣрить самъ непосредственно или при помощи другихъ авторовъ, я отмѣчаю, что онѣ названы въ этомъ сочиненіи. Далѣе довольно большой и, хотя также не всегда вполне точный, но гораздо болѣе обстоятельный, чѣмъ у Урускаго, списокъ брошюръ находится у Maciejowskiego въ его «Historji włościan w Polsce». Затѣмъ много названій брошюръ встрѣчается въ ссылкахъ у Калинки (Kalinka, Sejm czteroletni), Корзона (Korzon, Dzieje wewnętrzne Polski za Stanisława Augusta), Крашевскаго (Polska w czasie trzech rozbiorów) и Лимановскаго (Limanowski, Historja ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stulecia). Изъ русскихъ авторовъ названія нѣсколькихъ брошюръ передаетъ Костомаровъ въ своемъ трудѣ «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой», въ списокѣ источниковъ, изъ нѣмецкихъ—названо нѣсколько брошюръ,—очень немного,—у Hüppe, «Verfassung der Republik Polen» и Von der Brüggena, «Polens Auflösung». Наконецъ, для полноты назову еще книжку, изъ которой почерпнуто нѣсколько указаній, это именно Wł. Smoleńskiego, «Kuźnica Kolałajowska». Я не останавливаюсь здѣсь подробнѣе на этихъ книгахъ, такъ какъ краткій разборъ ихъ будетъ сдѣланъ ниже, когда придется говорить объ ученой литературѣ, здѣсь же мнѣ важно было только указать на источники моихъ свѣдѣній о брошюрахъ.

Прежде, чѣмъ перейти теперь къ самому списку или указателю брошюръ, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ методѣ, котораго я держался при составленіи его. Какъ было уже сказано выше, небольшое сравнительно число брошюръ посвящено исключительно крестьянскому вопросу: въ большинствѣ случаевъ объ этомъ послѣднемъ говорится между многими другими, иногда даже только мимоходомъ, всего нѣсколько словъ. Далѣе, какъ я уже говорилъ, по заглавію брошюры далеко не всегда можно судить о ея содержаніи: очень часто между тѣмъ и другимъ существуетъ полное несоотвѣтствіе; брошюра, которая, судя по заглавію, должна бы быть посвящена крестьянскому вопросу, уходитъ далеко въ сторону отъ него и, наоборотъ, чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія находишь иногда тамъ, гдѣ почти не ожидалъ ихъ встрѣтить. Все это привело меня къ мысли о необходимости присоединить къ названіямъ брошюръ краткія критическія замѣчанія, которыя давали бы въ то же время хотя приблизительное понятіе о содержаніи данной брошюры. Само собою понятно, что не при

всѣхъ брошюрахъ могъ я самъ сказать что-нибудь; но въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ брошюра оставалась неизвѣстной, я бралъ свѣдѣнія изъ указанной выше литературы (если они были въ ней) и отмѣчалъ тотъ источникъ, изъ котораго они получены. Гдѣ не оказывалось и такихъ свѣдѣній,—что бывало преимущественно съ брошюрами, названными у Урускаго,—тамъ, конечно, приходилось оставлять пробѣлы.

Что касается самаго расположенія брошюръ въ указателѣ, то здѣсь мнѣ представлялись два способа: расположить ихъ въ порядкѣ хронологическомъ или алфавитномъ. Первый имѣетъ за себя два важныхъ преимущества. При хронологическомъ порядкѣ, то есть при расположеніи брошюръ по годамъ изданія, наглядно уяснилось бы постепенное возрастаніе числа брошюръ, доходящее до своего апогея во время четырехлѣтняго сейма. Это одно преимущество такого способа. Другое, не менѣе, если не болѣе важное, заключается въ томъ, что при немъ не пришлось бы раздѣлять одну отъ другой брошюры, связанныя единствомъ содержанія: брошюры, вызвавшія какіе-либо отвѣты и возраженія, и эти послѣдніе помѣщались бы рядомъ. Несмотря, однако, на эти удобства хронологическаго порядка, очевидныя съ перваго взгляда, и на его естественность, пришлось отказаться отъ него въ виду того, что около седьмой части брошюръ не имѣетъ на себѣ года изданія и лишь для немногихъ изъ нихъ можетъ быть опредѣлено точно время ихъ появленія. Такимъ образомъ, въ силу свойствъ самыхъ брошюръ, оказалось необходимымъ располагать ихъ въ алфавитномъ порядкѣ и эти же свойства заставили далѣе положить въ основаніе алфавита заглавія, а не имена авторовъ, такъ какъ въ значительной части случаевъ эти послѣдніе неизвѣстны, не говоря уже о томъ, что на большинствѣ брошюръ имя автора не помѣщено.

Чтобы закончить эти предварительныя замѣчанія, нужно указать еще одно обстоятельство: въ списокъ брошюръ помѣщены мною и ученые сочиненія того времени, выходившія въ Польшѣ, и польскіе журналы, въ которыхъ было что-нибудь важное по крестьянскому вопросу. Такая неточность оправдывается тѣмъ, что этихъ ученыхъ сочиненій и журналовъ существуетъ сравнительно слишкомъ небольшое количество для составленія изъ нихъ особаго отдѣла источниковъ; но, чтобы неточность эта не была слишкомъ рѣзкой, они всѣ вмѣстѣ вы-

дѣлены въ конецъ списка, въ томъ соображеніи, что хотя этимъ нарушается алфавитный порядокъ, но за то соблюдается другое, болѣе важное требованіе, именно требованіе внутренняго единства.

Польскія брошюры послѣдней четверти XVIII вѣка, относящіяся къ крестьянскому вопросу.

1. *Buntu Ukrainkie, czyli Ukraina nad Ukrainą uwagi, z przydanem kazaniem w czasie kłującego się buntu, Franciszka Makulskiego, w drukarni Wolney. Roku 1790, in 8°, s. 206.* Посвящена Северину Потоцкому, послу воеводства Брацлавскаго. Здѣсь изображается тяжелое положеніе крестьянъ на Украинѣ, рисуются злоупотребленія поссессоровъ и экономовъ, выставляемыя главной причиною народныхъ бунтовъ, и предлагается планъ помѣшать этимъ послѣднимъ, составляющій вмѣстѣ съ тѣмъ и планъ реформы положенія крестьянъ. Авторъ принадлежитъ къ либеральной партіи, хотя въ его сочиненіи и проглядываетъ иногда страхъ шляхтича передъ хлопами.

2. *Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa reformation projetée. En Avril 1772. I. I. Rousseau.* Въ сочиненіи этомъ, написанномъ Руссо по просьбѣ гр. Вьельгорскаго, посланника Барской конфедераціи въ Парижѣ, или, по другому источнику, Виомені'я (v. d. Brüggen, *Polen's Auflösung*, s. 390), крестьянскій вопросъ затрогивается лишь мимоходомъ и притомъ такъ нерѣшительно, что оно сдѣлалось въ этомъ отношеніи оплотомъ консервативной партіи въ Польшѣ.

3. *Discours patriotique sur le decadence de la Pologne. En Europe 1787; chés (sic) des libraires, qui vendent des nouveautés.* Требуешь вообще реформъ въ Польшѣ и, между прочимъ, въ крестьянскомъ вопросѣ законодательства, достойнаго XVIII вѣка (Korzon, *Dzieje wewnętrzne Polski za Stanisława Augusta*, I, s. 401 и пр. 1).

4. *Do Hugona Kollątaja o sprawiedliwości.* Warszawa, 1789, in 4°. Названа у Uruskiego, *Sprawa włościanska*, I, Warszawa, 1858, s. XX.

5. *Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym autorowi odpowiedzi czyli dodatku do księgi o poddanych polskich.* 1790 roku w Styczniu, podpisano X. Ignacy a S. Maria de Mercede

Trynitarz, in 8°, s. 42 нenumерованныхъ. Извлеченіе изъ этой брошюры, довольно большое, находится у Uruskiego, l. c., t. I. Авторъ—представитель крайней консервативной партіи,—возражая на брошюру «Odpowiedź na pytanie», защищаетъ крѣпостное право и доказываетъ ненужность и невозможность освобожденія крестьянъ, признавая лишь необходимость устранить нѣкоторыя крайнія злоупотребленія. Написана очень плохимъ языкомъ, разсужденія автора слабы и порою очень наивны.

6. Do Stanisława Małachowskiego, referendarza koronnego, o przyszłym seymie Anonima listów kilka. Część I. O podźwignieniu sił krajowych. Część II. O poprawie rzeczypośpolitéj. Część III. O poprawie rzeczypośpolitéj, in 8°, ss. 190, 255, 350. Авторъ этихъ писемъ Hugo Kołłątaj. Они важны, какъ произведеніе одного изъ лучшихъ писателей либеральной партіи и въ то же время одного изъ главныхъ вожаковъ 4-лѣтняго сейма. Вышли они съ августа до декабря 1789 года. Собственно для крестьянскаго вопроса болѣе имѣется въ четвертой части этихъ писемъ, составившей отдѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ: Prawo polityczne narodu polskiego, см. ниже.

7. Do uprzędzonych względem konstytucyi 3 Maja 1791 upadłej, in 8°, Brodnica (Strassburg), 1845, новое изданіе, K. Sierakowskiego. Названа у Uruskiego, l. c., t. I, s. XXI.

8. Du gouvernement et des lois de Pologne. Mably. A. M-r. le comte Vielhorsky, ministre plénipotentiaire de la confédération de Bar en France. Къ аббату Мабли Віельгорскій обращался еще ранѣе, чѣмъ къ Руссо, съ просьбой указать программу необходимыхъ для Польши преобразованій. Выполняя эту просьбу, Мабли коснулся и крестьянскаго вопроса; совѣты его въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія.

9. Dusza krajów, czyli o poddanych polskich, treść dysertacyi, Warszawa, 1790 г., in 8°, s. 16. Названа у Uruskiego, l. c., t. I, s. XXI.

10. Dwanaście listów przeciw poparcia Uwag nad życiem Jana Zamoyskiego, 1791 г. Извѣстна мнѣ только по заглавію.

11. L'esprit du vrai patriotisme. Avis aux pōlonais. Hamburg, 1791, in 8°, s. 45. Названа у Uruskiego, l. c., t. I, s. XXI.

12. Fórtka mała do obszernego ogrodu, plewidła potrzebujacego, otwarta. S. I. F. K. M. S. W. O. Warszawa, 1791, in 8°, s. 26. Названа тамже.

13. Głos miłośnika ludności i człowieczeństwa do narodu. Warszawa, 1790, in 4°. Названа тамже.

14. Głos na przedce do ludu miejskiego, безъ года и мѣста печатанія, in 8°, s. 15. Авторъ, не названный въ самой брошюрѣ,—Franciszek Salezy Iezierski, извѣстный помощникъ Коллонтая въ распространѣнїи либеральныхъ идей среди общества путемъ литературы. Брошюра эта приведена въ спискѣ Uru-skiego, l. c., s. XXI, но является сомнительнымъ, имѣетъ ли она дѣйствительно какое-либо отношеніе къ крестьянскому вопросу, такъ какъ въ довольно подробномъ изложенїи ея у Smoleńskiego (Kuźnica Kołatajowska, s. 42), ничего не упоминается объ этомъ. Самъ я не могъ провѣрить показанія Урускаго, за неимѣніемъ этой брошюры въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

15. Głos poddaństwa do stanów sejmujących, перепечатана въ Zbiorze mów i pism niektórych w czasie seymu stanów skonfederowanych w roku 1788. T. III w Wilnie. Написана неизвѣстнымъ лицомъ отъ имени крестьянъ, которые общаются охотно остаться въ крѣпостной зависимости, лишь бы ихъ защитили отъ жестокости пановъ, открыли имъ доступъ въ мѣстные суды, признали собственность заработка и опредѣлили закономъ дни панщины. См. Maciejowski, *Historya włościan w Polsce*, s. 341, и подробнѣе у Limanowskiego, *Historja ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stulecia*, s. 295—7.

16. Głos za włościanami, безъ года и мѣста печатанія, in 8°, s. 15, съ эпиграфомъ: *Amica veritas*. Вышла во время Костюшковскаго возстанія; неизвѣстный авторъ, одобряя конституцію 3-го мая, желаетъ расширенія правъ крестьянъ и допущенія ихъ ко всѣмъ должностямъ. См. Maciejowski, l. c., s. 342 и Korzon, l. c., s. 459—60.

17. Goworek, herbu Rawicz, wojewoda sandomirski. Powieść z widoku we śnie. W Warszawie, nakładem i drukiem Grölla in 8°, s. 122. Авторъ, Францискъ Салезій Езерскій, нападаетъ, между прочимъ, на произволь шляхты надъ крестьянами и указываетъ ненормальность такого порядка вещей, при которомъ крестьяне находятся внѣ опеки закона. См. Kraszewski, *Polska w czasie trzech rozbiorów*, II. прим. къ s. 189 и ss. 189—90.

18. L'horoscope politique de la Pologne, 1779, in 8°, p. 108. Названа у Kraszewskiego, l. c., I, s. 224, 227—8, гдѣ приведены и отрывки изъ нея, касающіеся крестьянъ; см. еще у v. der Brügggen', *Polen's Auflösung*, s. 55.

19. Jak zyczy, tak pisze. Jacka Jezierskiego, kasztelana Łukowskiego. Warszawa, 1791, in 8°, s. 16. Названа у Uruskiego, I. c., t. I, s. XXI. Авторъ, подобно своему однофамильцу, ксендзу Франциску Салезію, былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ литературныхъ пособниковъ Коллонтая, но держался болѣе умѣренныхъ мнѣній.

20. Katechizm o tajemnicach rządu polskiego, jaki był około r. 1735 napisany przez I. P. Sterne w języku angielskim, potem przełożony po francusku, a teraz nakoniec po polsku, w Samborze (въ дѣйствительности въ Варшавѣ), w drukarni Jego Ces. Król. Apost. Mości, 10 Stycznia 1790 roku. Въ томъ же году была переиздана подъ заглавіемъ: Rząd polski w tajemnicach odkryty, jaki był ... przez I. P. Sterne w języku angielskim, a teraz oczyszczonym języku przedrukowany r. 1790. Оба изданія in 8°, s. 24. Подъ этимъ замысловатымъ заглавіемъ вышла брошюра Фр. С. Езерскаго, заключающая въ себѣ рѣзкія нападки на весь государственный и общественный строй Польши, въ томъ числѣ и на отношенія шляхты къ ея крѣпостнымъ.

21. List pierwszy do Adama, ojca całego świata, o równości między ludźmi, wierszem i prozą. Franciszka Makulskiego. Warszawa, 1790, in 8°. Названа у Uruskiego, I. c., s. XXI.

22. Listy Anonima, opisujące kommissyą wolnych włościan Pawłowskich z dziedzicem swoim IW. IX. Brzostowskim, Ex-referendarzem W. X. Litewskiego Kaw. ord. pols., adresowane do Grebla bibliopoli krakowskiego z powodu wyszłej w drukarni jego książki «o poddanych polskich», Kraków, 1788, in 8°, s. 19. Названа тамже, s. XX и у Kraszewskiego, III, прим. къ s. 63.

23. Listy Patryotyczne do Jaśnie Wielmożnego ex-kanclerza Zamoyskiego, prawa układającego, pisane, w Warszawie, Gröll, 2 tt. T. I—1777, in 8°, s. 382, t. II—1778, s. 162. Письма эти принадлежать Іосифу Выбицкому, одному изъ помощниковъ Андрея Замойскаго въ дѣлѣ составленія кодекса законовъ, порученномъ ему сеймомъ 1776 года, и служили какъ бы приготовленіемъ общества къ этому кодексу. Изъ нихъ письма VI—IX посвящены специально крестьянскому вопросу. По отношенію къ нему авторъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какаю была принята Замойскимъ въ его кодексѣ. Письма эти имѣютъ большую важность, какъ первое произведеніе либеральной партіи въ Польшѣ, заключающее въ себѣ сравнительно широкую программу разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

24. Łzy nie wodne, ale krwawe jęczących pod najszrońszym uciskiem i nieznośnymi ciężarami poddanych do litości nad sobą względy N. Króla P. M. i S. Rp. stanów na seymie w r. 1788... błagające, d. 12 Maja R. 1789 wylane. Folio, s. 8. Съ подписью: Wierni, przychylni i pracowici poddani. Написана отъ имени крестьянъ, съ претензіями на ученость, но довольно безграмотно. Авторъ, ссылаясь на общее происхождение крестьянъ и шляхты, умоляетъ послѣднюю прекратить жестокости, совершаемыя ею надъ своими крѣпостными.

25. Mowa za czterema stanami: kupieckim, rolniczym, żołnierskim i ludzi uczonych. Warszawa, Dufour, r. 1775. Собственно это переводъ съ французскаго, сдѣланный однимъ изъ варшавскихъ мѣщанъ, Barrs'омъ, но въ немъ есть и нѣкоторыя дополненія сравнительно съ подлинникомъ. Здѣсь разбросано нѣсколько мыслей, касающихся крестьянъ. Korzon, l. c., I. 381.

26. Mowy Imci Xiędza Gwillelma Kalińskiego do rolników miane w Pawłowie, w Wilnie, w Drukarni Królewskiej przy Akademii. На оборотной сторонѣ: Imprimatur.—Datt. Vilnae in Cancellaria Generali Vilnensi A. D. 1779 d. 29 Julii Petrus Samson Toczyłowski Cantor Praelatus Catt. & Officialis Generalis Vilnensis, in 8°, s. 72, не считая заглавной и оглавленія въ концѣ. Калининъ, профессоръ виленской академіи, говорилъ эти рѣчи Павловскимъ крестьянамъ по желанію владѣльца ихъ, Бржостовскаго. Всѣхъ рѣчей 3. Первая озаглавлена: о росieciechach stanu rolniczego и распадается на двѣ части: въ одной (s. 3—20) авторъ доказываетъ, что земледѣльческое сословіе наиболѣе близко къ счастью, въ другой (s. 21—28), что земледѣльческое сословіе наиболѣе способно удержать людей въ невинности. Вторая рѣчь (о wolności, s. 29—48), разъясняетъ Павловскимъ крестьянамъ, какой свободой они пользуются. Третья (о rozutkach z nauk dla rolników, s. 49 — 72) говорена предъ учениками павловской школы и ихъ родителями. Всѣ онѣ переполнены общими разсужденіями и для исторіи крестьянскаго вопроса не даютъ ничего, исключая лишь нѣкоторыхъ подробностей объ устройствѣ Павлова.

27. Myśl do równowagi prawa w ciele rzeczypospolitéj Polskiej, czyli nikt wyższy nad prawo. Projekta, Lipsk, 1791, in 8°, s. 48. Названа у Uruskiego, l. c., s. XXI.

28. Myśli Obywatelskie z okoliczności projektu pod tytułem: Zbiór praw sądowych, mocą konstytucyi roku 1776 ułożonego, jako

tez z okoliczności Listów Patryotycznych do tejże materji ściągających się. Akademickimi literami drukowano we Wrocławiu, roku 1780, in 8°, s. 48. Заключаеьт въ себѣ возраженія на сочиненіе Выбицкаго и проектъ Замойскаго съ точки зрѣнія консервативной партіи.

29. Myśli patryotyczno-polityczne do stanów Rzpltej polskiej na seym 1788 r. zgromadzonych przez obywatela o wolność i samowładztwo Rzeczypospolitej swojej gorliwego, spisane. Część I. r. 1788, in 8°, s. 124. Авторъ касается, между прочимъ, и крестьянскаго вопроса, желая, по крайней мѣрѣ, постепеннаго освобожденія крестьянъ. См. Kraszewski, l. c., II, прим. къ s. 29 и s. 30.

30. Myśli polityczne dla Polski, w Warszawie, roku 1789, w drukarni Wolney, in 8°, s. 259. Другое изданіе этого же сочиненія носить слѣдующее заглавіе: «Przydatek do uwag nad życiem I. Zamoyskiego pod myśl nad stanem Polski do druku podane w Chełmnie», in 8°, s. 259. Касается, между прочимъ, и крестьянскаго вопроса, разбирая его съ точки зрѣнія прогрессивистовъ. Относительно автора этой брошюры въ научной литературѣ существуетъ разногласіе. Kalinka (Sejm czteroletni) считаетъ авторомъ брата короля, примаса; Limanowski, l. c., s. 289, напротивъ, сообщаетъ о существованіи мнѣнія, по которому она принадлежитъ Выбицкому. Оба эти предположенія не имѣютъ, однако, за себя достаточныхъ основаній. Гораздо вѣроятнѣе является мнѣніе Pilat'a (O literaturze politycznej sejm 4-letniego, s. 66, пр. 1), въ силу котораго авторъ этого произведенія тождественъ съ авторомъ брошюры «O roddanych polskich, r. 1788». Это послѣднее мнѣніе находитъ подтвержденіе въ самой брошюрѣ, именно въ ссылкахъ ея автора на брошюру «O roddanych polskich». Говоря о крѣпостномъ правѣ, онъ замѣчаетъ, что не будетъ подробно описывать его слѣдствій, но отсылаетъ читателей къ сочиненію «O rodd. p.» (s. 42—3). Другая ссылка еще яснѣе: «мы желали, говорить авторъ, въ сочиненіи «O rodd. p.», для крѣпостныхъ прежде всего просвѣщенія...» (s. 45).

31. Na pismo, któremu napis: o konstytucyi 3 Maja 1791 r., do Michała Zaleskiego i Tadeusza Matuszewicza posłów odpowiadź, Lwów, 1791. Названа у Uruskiego, l. c., s. XXI.

32. Niektóre wyrazy porządkiem abecadła zebrane у stosownemi do rzeczy uwagami objaśnione. Dzieło pogrobowe przez

księdza Franciszka Salezego Iezierskiego, kanonika Krakowskiego i Kaliskiego napisane, po śmierci jego wydane. Cena w opr. alla rust. złp. 4. (съ девизомъ: Sunt certa piacula, quae te ter pure lecto potuerunt recreare libello. Horatius). W Warszawie 1791. Nakładem i drukiem M. Grölla, księgarza nadwornego I. K. Mci, in 8°, s. XX и 292. Содержить, между прочимъ, нападки на ту-неядство шляхты и ея отношеніе къ хлопамъ. Smoleński, Kuźnica Kołatajowska, ss. 105, 42.

33. Nie wszyscy błądzą. Rozmowa Bartka z Panem rzecz całą objaśni. Warszawa, r. 1790, druk Zawadzkiego. Вся брошюра, написанная въ видѣ бесѣды хлопа съ паномъ, представляетъ рѣзкія возраженія противъ брошюры I. Iezierskiego: «Wszyscy błądzą» и нападки на шляхту. Pilat (l. c., s. 161, пр. 1.) предполагаетъ авторомъ ея варшавскаго банкира Barss'a.

34. Nowy układ zdań patriotycznych, stosowny do sentymentów obywatelskich w obradach dzisiejszych pod tytułem «Zbogacenie kraju», pismo ciekawe. Warszawa, 1790, in 8°, s. 18. Названа у Uruskiego, l. c., s. XXI.

35. Obronca ludu do Cesarza Józefa Drugiego względem jego ustawy, zakazującej wychodu z kraju, względem jego rozmaitych reform, etc. etc. Z niemieckiego, 1785 (у Maciejewskiego, s. 349, невѣрно показанъ 1786 годъ), in 8°, s. 87. Нападаетъ на законъ Іосифа II противъ эмиграціи во имя права каждаго чело-вѣка избирать отечество тамъ, гдѣ ему хорошо; о крестья-нахъ говорится лишь нѣсколько словъ мимоходомъ и собственно для крестьянскаго вопроса значенія эта брошюра не имѣть.

36. Odezwa Galicyanina do Polaków r. 1790, in 8°, s. 45. Не-извѣстный авторъ требуетъ для блага Польши улучшения уча-сти крестьянъ, ограничиваясь, впрочемъ, желаніемъ немногихъ и умѣренныхъ реформъ.

37. Odezwa zmarłego Szlawskiego, posła krakowskiego, do publiczności polskiej, a mianowicie do stanów skonfederowanych... z tamtego świata... s. 45, безъ обозначенія мѣста печатанія. Бро-шюра рѣзко консервативнаго направленія; между другими во-просами авторъ затрогиваетъ и крестьянскій. См. Kraszewski, II, 282.

38. Odpowiedź autorowi prawdziwemu uwag Dyzmy Bonczy Tomaszewskiego nad konstytucyą i rewolucyą, dnia 3 Maja; безъ обозначенія года и мѣста печатанія, in 8°, нумерованная страница предисловія (Do moich współziomków i przychylnych i

niezyczliwych konstytucyi 3 Maja) и с. 159. О выходѣ ея извѣщало дополнение къ № 9 Gazety Warszawskiej 1 lutego 1792 г. См. Smoleński, l. c., s. 154 и пр. 1. Авторъ, Трембицкій, возражаетъ противникамъ конституціи 3 мая и оправдываетъ послѣднюю отъ упрека въ стремленіи возмутить крестьянъ. Урускій сдѣлалъ изъ нея двѣ брошюры (Odpowiedź.... и Do moich współziomków...), приписавъ къ тому же первую Томашевскому, l. c., s. XXI.

39. Odpowiedź na pytanie: Izali nieczulość w wyższych wiekach ku poddanym tak była opranowała serca Polaków, iż uczeni nawet nią żarżeni zostali? czyli dodatek do księgi o poddanych polskich, roku 1789, in 8°, s. 147. Эта брошюра, безъ имени автора, написана кс. Давидомъ Пильховскимъ (Maciejowski. l. c., s. 350—1, сообщаетъ, что ему говорили, но безъ доказательствъ, будто авторъ ея—Franc. Maur. Kurp'; это, очевидно, смѣшеніе съ книгой «o poddanych polskich»). Авторъ, соглашаясь въ общемъ со взглядами на крестьянское дѣло, высказанными въ брошюрѣ «O podd. p.», доказываетъ, что и въ прошлые вѣка болѣе просвѣщенные люди были настроены въ пользу крестьянъ и выступали въ защиту ихъ.

40. Ostatnia przestroga dla Polski, Warszawa, Gröll, 1790, in 8°, s. 54. Авторъ этой брошюры, Гуго Коллонтай, убѣждая своихъ соотечественниковъ въ настоятельной необходимости быстрой реформы, касается, между прочимъ, и крестьянскаго вопроса.

41. Pamiętnik pierwszy, 1772, in 8°, s. 12 нумерованныхъ. На оборотной страницѣ: Ten Pamiętnik czytany był w przytomności Króla Imci dnia 11 Czerwca, podczas zgromadzenia, na które w zamku со Czwartek wyznaczeni od Króla Imci schodzą się. См. Maciejowski, l. c., s. 365.

42. Les paradoxes, 1775. Названа у Kraszewskiego, I, 149, и v. d. Brügger'a, s. 55.

43. O podatkowaniu. Dembowski Sebastyan. Kraków, 1791, in 8°, s. 100. Названа у Uruskiego, l. c., s. XXI.

44. O poddanych polskich, roku 1788, Kraków, in 8°, s. 115. Брошюру эту, вышедшую безъ имени автора, написалъ Francyszek Maurycy Kurp'. Она представляетъ одно изъ важнѣйшихъ произведеній польской политической литературы этой эпохи въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ по либеральнымъ взглядамъ автора, такъ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ имъ о положеніи польскихъ крестьянъ. Главная задача автора—дока-

зять, что и страна, и помѣщики много теряютъ при существованіи крѣпостнаго права.

45. *Podróżny w Rawłowie*. Принадлежитъ Іосифу Выбицкому и представляетъ описаніе реформъ Бржостовскаго въ Павловѣ, см. *Korzon*, I, 382.

46. *Polak odrodzony na nowo napisany przez Franc. Makulskiego 1790 r. w Warszawie, w drukarni nowój I. K. Mci Piotra Zawadzkiego, na ulicy Piekarskiej, Nr. 129, in 8°, s. 31. Maciejowski (s. 386—7)* только упоминаетъ эту брошюру.

47. *Poparcie uwag nad życiem Iana Zamojskiego z roztrząśnieniem pism, które się z ich powodu zjawiły. Roku 1788*. Авторъ неизвѣстенъ. По своему направленію эта брошюра принадлежитъ къ произведеніямъ либеральной партіи и много мѣста отведено въ ней крестьянскому вопросу. Авторъ желаетъ освобожденія крестьянъ и дарованія имъ земли въ аренду или въ вѣчное владѣніе. Брошюра эта мало извѣстна; самый подробный разборъ ея см. у Лимановскаго; I. c., s. 293—4.

48. *Prawo polityczne narodu polskiego czyli. układ rządu rzeczypośpolitéj. Projekt w trzeciej części listów do Stan. Małachowskiego, marszałka sejmowego i konfederacyi jeneralnej, obiecany, a prześwietnej deputacyi do układu przyszłego rządu wyznaczonej podany, służący do dzieła listów rzeczonych za część IV. Księga. Salus populi suprema lex esto. Warszawa, Gröll, 1790 r. in 8°, ss. 60, XXXVII, VI и 190*. Продолженіе названнаго выше (№ 6) сочиненія Коллонтая. Крестьянскому вопросу посвящено здѣсь много вниманія. Пламенное краснорѣчіе автора, его широкіе сравнительно взгляды и практическая почва, на которой онъ стоитъ, дѣлаютъ эту брошюру однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній этой эпохи.

49. *Projekt seymowy z Autora Zgoda i Niezgoda wynikajacy, bezъ обозначенія года и мѣста печатанія, s. 100 и столько же бѣлыхъ страницъ, вставленныхъ, какъ говорить авторъ (s. 4 въ предисловіи), для замѣчаній читателя*. Одно изъ произведеній консервативной партіи, вышедшихъ по поводу сочиненія Сташица «*Uwagi nad życiem I. Zamoyskiego*».

50. *Prośba włościan w Krolewszczyznach do Króla*. Maciejowski (s. 388) упоминаетъ ее, не отмѣчая ни года, ни содержанія.

51. *Przestrogi dla Polski z terażniejszych Europy związków i praw natury wypadające przez pisarza. Uwag nad życiem Iana Zamoyskiego, dnia 4 Stycznia 1790 roku, in 8°, s. XX и 340*.

Принадлежит Станиславу Сташицу и перепечатано, между прочимъ, въ собраніи его сочиненій: *Dzieła Stanisława Staszica*, 1816, Т. I, s. 1—199. Сочиненіе это посвящено разбору всего положенія Польши, но значительная часть его—около трети—занята крестьянскимъ вопросомъ. Авторъ, вмѣстѣ съ Коллонтаемъ, Курпемъ и авторомъ *Uwag praktycznych*, принадлежитъ къ лучшимъ дѣятелямъ по этому вопросу на поприщѣ литературы. Доказывая, что изъ политическаго положенія Польши вытекаетъ для нея необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса, онъ ставитъ широкую программу его. Ни у одного изъ авторовъ нѣтъ такихъ яркихъ изображеній нужды польскаго хлопа и такихъ горячихъ воззваній къ шляхтѣ о необходимости коренной реформы быта крестьянъ. Это могло зависѣть и отъ мѣщанскаго происхожденія самого Сташица, въ которомъ такимъ образомъ не могли укрѣпиться шляхетскіе предрассудки.

52. Pytanie, czy do doskonałości konstytucyi politycznej państwa naszego koniecznie potrzeba, aby gmin miał udział w Prawodawstwie? albo raczej, czyli przez to konstytucya jest naogorsza i potworna, iż chłopci rolnicy nie są do prawodawstwa przypuszczeni? a w przypadku nieuchronney portzeby przyjęcia ich do niego, komu by raczej tego zaszczytu udzielić, chłopom wieśniakom, czy kurcom mieszczańom, pod ogólnym imieniem gminu u nas zajętem? Безъ года и мѣста печатанія, in 8°, s. 31. Maciejowski (l. c., s. 370) относитъ эту брошюру ко времени до конституціи 3 мая, руководясь тѣмъ, что авторъ совѣтуетъ не допускать мѣщанъ на сеймъ. Uruski (l. c., s. XX) сообщаетъ такія даты втораго изданія: Warszawa, 1790, in 8°, s. 32. Это окончательно разсвѣяло бы недоумѣніе, если бы показаніямъ Урускаго можно было вполне довѣрять. Что касается личности автора брошюры, то Pilat (l. c., s. 167, пр. 1) сообщаетъ, что ее написалъ Маурусу Францискъ Карп, starosta jodaucki i poseł zmudzki. Авторъ, стоя за реформу положенія крестьянъ, предлагаетъ допустить ихъ въ мѣстные суды, дозволить имъ приобрѣтать земельную собственность, а со временемъ, когда они будутъ болѣе просвѣщены, допустить ихъ и на сеймъ, если ужъ придется выбирать между ними и мѣщанами, къ которымъ онъ относится крайне недоброжелательно.

53. Question de la liberté des paysans, Mehèc, Paris, 1792, in 8°. Названа у Урускаго, l. c., s. XXII.

54. Reflexye nad projektem pod tytułem: Zbiór praw sądowych

wydrukowanym przez delegowanych od wojewodztwa Lubelskiego pisane. Roku 1780, in 4°, 52 нeнyмepoв. cтpаницы cъ пpeдиcлoвiемъ. По замѣчанiю Масiеjовскiеgо, l. c., s. 371, важна болѣе для исторiи проекта Замойскаго, чѣмъ для крестьянскаго дѣла. Проектъ этотъ, посколькy онъ относится къ хлопамъ, находитъ здѣсь строгое порицанiе.

55. Rozmowa ojczyzny z snotą do Ign. Potockiego, I. B. Warszawa, 1789, in 8°. Названа у Uruskiego, s. XX.

56. Rzepicha, matka królów, żona Piasta, między narodami sarmackimi słowiańskiego monarchy tej części ziemi, która się nazywa Polska. W Warszawie, w drukarni P. Dufour Kons. Nad. I. K. Mci, Dyr. druk. korp. kadetów. 1790 r., in 8°, część I, s. 1—220, cz. II, s. 221—428 и 4 str. оглавления обѣихъ частей. Принадлежитъ она Фр. Сал. Евeрскому и, подобно другимъ его брошюрамъ, содержитъ болѣе нападокъ на шляхту, чѣмъ защиты хлоповъ. Здѣсь развивается, между прочимъ, теорiя возникновeнiя шляхты изъ завоевателей.

57. Sposób edukacyi w XV listach opisany, które do komisji edukacyi narodowej od bezimiennego autora były przesyłane. R. P. 1775. in 8°, s. 244. Вызвана учреждeнiемъ эдукационной комисси. Авторъ, между прочимъ, требуетъ просвѣщенiя крестьянъ и облегченiя ихъ положенiя. См. Kraszewski, l. c., I, s. 136—7 и пр. къ s. 136.

58. Sposób łatwy i pewny ulepszenia losu ludzi poddanych. Warszawa, 1792, Dufour, in 8°, s. 71. Авторъ доволенъ конституцiей 3-го мая и не желаетъ никакого измѣненiя въ судьбѣ крестьянъ, исключая изгнанiя евреевъ и уменьшенiя панцины. См. Korzon, l. c., I, s. 410, пр. 2 и подробности Pilat, l. c., s. 189.

59. Starych uprzedzeń nowe roztrząśnienie do reformy rządu krajowego służące, r. 1790, in 8°, s. 47 (такъ у Pilat'a; у Масiеjовскiеgо—s. 74).

60. Testament polityczny synowi ojczyzny zostawiony z planem bezpiecznym formy republikańskiego rządu. Warszawa, 1789, in 8°, s. 219. Авторъ ея — майоръ Łobarzewski — занятъ, главнымъ образомъ, другими вопросами, но касается и крестьянскаго, желая улучшенiя судьбы хлоповъ и уничтоженiя крѣпостнаго права. См. Pilat, l. c., s. 69 и пр. 1.

61. O uszczęśliwieniu narodów, Puszet (Xiądz Józef de Puget),

2 tt. Warszawa, 1788—89, ss. 315 и 277. Названа у Uruskiego, l. c., s. XX.

62. Uwagi Dyżmy Bonczy Tomaszewskiego, komisarza cywilno-wojskowego wojewodztwa braclawskiego nad konstytucyą i rewolucyą dnia 3 maja roku 1791, безъ года и мѣста печатанія, in 8°, s. 80. Представляетъ образецъ нападеній крайней консервативной партіи на конституцію 3-го мая, между прочимъ, и за льготы, данныя крестьянамъ. Smoleński, l. c., s. 152 и подробнѣ Limanowski, l. c., s. 347—8. Томашевскій былъ затѣмъ секретаремъ Тарговицкой конфедерации, но, хотя на этой брошюрѣ и стоитъ его имя, написана она, кажется, не имъ.

63. Uwagi nad projektem sprzedaży starostw (noty 1792). Warszawa, 1792, in 8°, s. 75. Названа у Uruskiego.

64. Uwagi nad stanem nieszlacheckim w Polsce, Jarosza Kutasińskiego, herbu Dęboróg, szlachcica Łukowskiego. Warszawa, 1790, in 12°, s. 40. Принадлежитъ Фр. Сал. Езерскому и посвящена, главнымъ образомъ, мѣщанскому вопросу, о крестьянахъ же говорится очень немного, и то мимоходомъ.

65. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, Kanclerza i Hetmana W. K., do dzisieyszego stanu Rzeczypospolitey Polskiej przystosowane. 1785, w Heilsbergu (такъ подписано предисловіе; собственно въ Варшавѣ), in 8°, s. 365. Перепечатано въ Dzieła Stanisława Staszica, 1816. Т. I. Это сочиненіе чрезвычайно важно для исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, какъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по тому вліянію, какое оно оказало на современниковъ. Хотя оно посвящено разбору всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики Рѣчи Посполитой, но первое мѣсто между ними занимаетъ крестьянскій по тому значенію, какое придаетъ ему самъ Сташиць.

66. Uwagi na niektóre punkta nowo utworzonego prawa y dowody, że mimo woła J. W. Zamoyskiego musieli być umieszczone, przez JMci pana Feliksa Trojanowskiego, obywatela ziemi Bielskiej, napisane, do roztrząsania na seymiku przedseymowym w Brańsku JWW. Urzędnikom i Obywatelom teyże prześwietney Ziemi Bielskiej podane. Roku 1780, in 4°. Брошюра эта принадлежитъ къ числу произведеній консервативной партіи, выванныхъ кодексомъ Замойскаго. Авторъ рѣзко нападаетъ на реформы въ положеніи крестьянъ, предложенныя послѣднимъ. См. Kraszewski, l. c., I, прим. къ стр. 267 и стр. 268—70.

67. Uwagi nad Uwagami czyli Obserwacye nad książką, która w roku 1785 wyszła pod tytułem: «Uwagi nad życiem J. Zamoyskiego, Kanclerza i Hetmana W. Kor.» W Warszawie, Dufour, 1789. Возражая Сташицу, неизвѣстный авторъ находить всѣ предлагаемыя имъ реформы въ крестьянскомъ вопросѣ преждевременными.

68. Uwagi o chłorach, w Warszawie, w drukarni uprzywilejowanej Michała Grölla, księgarza nadwornego J. K. Mci, in 8°, s. 52, безъ даты (съ девизомъ: non juvat ex facili lecta corona jugo). Время появленія этой брошюры легко опредѣлить по содержанию: въ ней говорится о сеймовомъ засѣданіи 30-го марта 1789 г. и, вѣроятно, она вышла вскорѣ послѣ него. Авторъ ея—Тадеушъ Морскій, каштелянъ львовскій. Онъ опровергаетъ возраженія консерваторовъ противъ предложеннаго на сеймѣ закона о наказаніи помѣщиковъ, неправильно слагающихъ подати съ себя на крестьянъ, и предлагаетъ реформу крестьянскаго положенія, очень, впрочемъ, умѣренную.

69. Uwagi ogólne nad stanem rolniczym i mieyskim z powodu przyszléj rządu narodowego formy w Warszawie, P. Dufour, Kopsyl. Nadwor. druk. korp. kad., 1789, in 8°, s. 46. По предположенію Pilat'a (l. c., s. 163 и пр. 1) написалъ ее Выбицкій, хотя онъ не приводитъ никакихъ основаній въ пользу этого, кромѣ гладкаго слога и широкихъ взглядовъ автора брошюры. Цѣль неизвѣстнаго автора — доказать, что всѣ жители Польши имѣютъ равное право на вниманіе законодательства. Дальнѣйшее развитіе въ продолженіи:

70. Ciąg dalszy uwag ogólnych nad stanem rolniczym i miejskim. Uwaga II. Czyli słuszne są dzisiejsze uprzedzenia niektóre, przeciwko stanowi miejskiemu i rolniczemu w Polsce? безъ года и мѣста печатанія, in 8°, s. 64.

71. Uwagi polityczne dla prawideł religii i zdrowéj filozofii zastosowane, tyczące się władzy kościelnej, i t. d., i udzieleniu sprawiedliwości poddaństwu polskiemu, Warszawa, 1789, in 8°. Названа у Uruskiego s. XX. У Kraszewskiego, III, 37, прим., называется брошюра приблизительно съ такимъ же заглавіемъ: Uwagi... zastosowane, odpowiadające na krytykę anonyma pod tytułem: Prawo polityczne narodu polskiego, но Kr. приводитъ другія даты: Warszawa, 1791, in 8°, s. 168, и не упоминаетъ, что эта брошюра занимается крестьянскимъ вопросомъ.

72. Uwagi praktyczne nad uwłaszczeniem włościan w Polsce.

Golebiowskiego. Warszawa, nakładem Dufoura. Названа тамже, s. XX.

73. Uwagi praktyczne o poddanych polskich, względem ich wolności i niewoli. W Warszawie, w drukarni P. Dufour, Kons. Nad. J. K. Mci. Dyr. druk. korp. kadetów, 1790, in 8°, s. 178 i 2 ненумеров. стран. предисловія. Русскій переводъ этой брошюры Червяковскимъ въ Славянскомъ Сборникѣ, Спб., 1876, т. III, отд. 3, с. 69—139, подъ заглавіемъ: «Крестьяне въ Польшѣ». Брошюра эта чрезвычайно важна для исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ, какъ по широтѣ взглядовъ ея неизвѣстнаго автора на этотъ вопросъ, такъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сообщаются въ ней объ экономическомъ положеніи польскихъ крестьянъ въ эту эпоху. Кромѣ того въ ней находится разборъ трехъ другихъ брошюръ: «O poddanych polskich r. 1788», «Odpowiedź na pytanie»... и ксендза Игнатія «Dopytanie się».

74. O włościanach, w Warszawie, w drukarni uprzywilejowanej J. K. Mci P. Zawadzkiego, Roku 1791. Вышла послѣ конституціи 3-го мая. Неизвѣстный авторъ желаетъ точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и расширенія ихъ правъ.

75. Wszyscy błędzą. Rozmowa rolnika z panem. Warszawa, r. 1790, 2 cz. Написана Яцкомъ Езерскимъ, каштеляномъ луковскимъ. Авторъ, хотя и принадлежавшій самъ къ либеральной партіи, думалъ этой брошюрой удержатъ крайнихъ, по его мнѣнію, ревнителей крестьянскаго дѣла. Поэтому въ произведеніи его господствуетъ не совсѣмъ доброжелательный къ крестьянамъ тонъ, который вызвалъ рѣзкую критику Barss'a въ брошюрѣ «Nie wszyscy błędzą».

76. Wywód o skutecznym sposobie zaprowadzenia i ugruntowania dobrych obyczajów. Józefa Sołtykowicza. Kraków, 1791. Названа у Uruskiego, s. XXI.

77. Zastanowienie się nad całym kraju włościanami z uwag nad projektem X. Ossowskiego, ich urządzenie w starostwach przeznaczającym, wynikię dnia 25 marca 1792, in 8°, s. 47. Извѣстна мнѣ только по заглавію.

78. Zbiór niektórych materyi politycznych przez A. P. (X. Antoniego Popławskiego) 1774. Здѣсь затрогивается, между прочимъ, и крестьянскій вопросъ, разбираемый съ точки зрѣнія либеральной партіи, но желанія автора довольно умѣренны.

79. Zdanie obywatela prowincyi W. X. Litewskiego na pismo

p. t. Głos na przedce do ludu miejskiego, in 8°, s. 22. Warszawa, 1791. Названа у Uruskiego, l. c., s. XXI.

80. Zgoda i niezgoda z autorem' uwag nad życiem Zamoyskiego, r. 1788, in 8°, s. 58. Принадлежит каштеляну Езерскому и составляет разбор названнаго выше сочиненія Сташица, причеь, касаясь крестьянскаго вопроса, онъ считаетъ его разрѣшеніе преждевременнымъ, въ виду упорства массы шляхты.

81. Nauka Prawa Przyrodzonego, Politycznego etc. Strojnowski Edycya 2-ga, 1791 г. Касаясь, между прочимъ, крестьянскаго вопроса, рисуеьт бѣдственное положеніе крестьянъ и желаетъ обезпеченія имъ личной свободы и движимаго имущества.

82. Prawo polityczne i cywilne Korony Polskiej i Wielkiego Xięstwa Litewskiego to jest: nowy zbior praw obojga narodow od roku 1347 aż do terażniejszych czasów. T. I, w Warszawie, w drukarni P. Dufour, 1789, in folio, s. 757 и s. 9 предисловія. Въ предисловіи (Uwagi nad prawami polskimi) авторъ, Антоній Трембицкій, касается и крестьянскаго вопроса. Мнѣніе его важно, какъ одного изъ близкихъ помощниковъ Коллонтая; онъ былъ, какъ извѣстно, секретаремъ такъ называемаго радзивилловскаго клуба.

83. Prawo Polityczne Narodu Polskiego. Skrzetuski, edycya 2-ga, 1787 г. Затрогивая крестьянскій вопросъ, авторъ желаетъ умѣренной реформы.

84. Wykład pocz. prawideł Ekonomii Politycznej etc. Naх.

Авторъ принадлежитъ къ либераламъ, но требованія его въ крестьянскомъ вопросѣ весьма умѣренны, чтобы не сказать больше.

85. Dziennik Handlowy, издавался Podleskim. Здѣсь много статей по крестьянскому вопросу.

86. Gazeta Narodowa у obsa. Здѣсь помѣщено письмо литовскаго дворянина о крестьянахъ.

87. «Monitor», еженедѣльный польскій журналъ Franciszka Rohomolca, изд. съ 1765 г. По крестьянскому вопросу особенно живыя статьи помѣщались въ началѣ изданія и затѣмъ еще болѣе въ 1779 и 1780 гг.

88. Pamiętnik Historyczno-Polityczny, издавался Świtkowski. Заключаетъ въ себѣ много статей по крестьянскому вопросу.

Ученыя сочиненія, затрогивающія исторію крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ:

а) польскія.

1. Edmund Stawiski, Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego. Warszawa, 1858. Книга эта представляетъ первую попытку дать общую исторію польскихъ крестьянъ и при нѣкоторыхъ недостаткахъ обладаетъ и крупными достоинствами. Авторъ излагаетъ исторію крестьянъ въ связи съ исторіей земледѣлія въ Польшѣ. Собственно исторіи крестьянскаго вопроса во второй половинѣ XVIII вѣка посвящена послѣдняя глава книги Ставискаго. Онъ придаетъ, однако, слишкомъ много значенія реформаторскому движенію этой эпохи.

2. Sprawa włościanska, wyjątki z nowożytnych polskich Ekonomistów. Wydał Sz. D. J. C. K. M. Sew. hr. Uruski, Marszałek szlachty gubernii Warszawskiej. Warszawa, t. I, 1858, t. II, 1860. Эта книга имѣется и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Крестьянское дѣло въ Царствѣ польскомъ. Отрывки изъ новѣйшихъ польскихъ экономистовъ, собранные графомъ Севериномъ Урускимъ, перевелъ Е. Моллеръ», изд. «Русскаго Слова», Спб., 1859; переводъ этотъ, однако, далеко нельзя назвать хорошимъ. Книга Урускаго важна тѣмъ, что къ ней приложенъ обширный списокъ польскихъ брошюръ по крестьянскому вопросу, изъ которыхъ многія относятся къ эпохѣ раздѣловъ Польши; къ сожалѣнію, этотъ списокъ не отличается особенной точностью. Кромѣ того, въ первомъ томѣ этого труда находится извлеченіе изъ сеймоваго дневника 1780 г., относящееся къ проекту А. Замойскаго, и довольно большой отрывокъ изъ брошюры кс. Игнатія «Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym».

3. Еще въ 1857 году началось въ журналѣ «Biblioteka Warszawska» печатаніе статей Тад. X-cia L. (Tadeusza księcia Lubomirskiego), продолжавшихся до 1862 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Rolnicza ludność w Polsce». Для нашего предмета особенно важны статьи, напечатанныя въ 1862 г. (Bibl. Warsz.,

1862 г., II, 1—42 и 210—246). Авторъ не касается политической литературы по крестьянскому вопросу, но очень подробно разбираетъ практическія попытки реформы, сдѣланныя въ XVIII вѣкѣ частными землевладѣльцами и законодательствомъ. Тутъ же находится изложеніе очень важной рукописи «Projekt, znalezione w Tarczynie... г. 1768», свѣдѣнія о которой имѣются у одного Любомирскаго. Статьи эти очень цѣнны, но къ выводамъ автора слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью: такъ, онъ находитъ возможнымъ утверждать, что въ концѣ XVIII вѣка вся польская шляхта стремилась къ освобожденію крестьянъ.

4. Вышедшее въ 1868 году сочиненіе ксендза Waleryana Kalinki «Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta» (Pamiętniki z XVIII wieku, Poznań, 1868, t. X, cz. 1 и 2) заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ подробностей о крестьянскомъ дѣлѣ въ Польшѣ конца XVIII вѣка.

5. O literaturze politycznej sejmu czteroletniego (1788—1792) pisał Roman Pilat, Kraków, 1872 (сперва печаталось въ Przeglądzie Polskim, 1872 г.). Для насъ въ этомъ трудѣ особенно важна глава, посвященная брошюрамъ общаго характера (s. 19—79) и нѣсколько страницъ (s. 184—189) о брошюрахъ, занимающихся специально крестьянскимъ вопросомъ. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о самыхъ брошюрахъ, ихъ изданіяхъ и содержаніи и біографіи нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся, авторовъ ихъ.

6. *Historya włościan i stosunków ich, politycznych, społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX wieku, napisana przez Wacława Aleksandra Maciejowskiego.* Warszawa, 1874. Сочиненіе это, не лишнее удачныхъ мыслей, много, однако, теряетъ благодаря запутанности и неясности изложенія автора. Особенно неудачно обработаны здѣсь первые вѣка исторіи крестьянъ, гдѣ авторъ такъ перепутываетъ польскихъ крестьянъ съ германскими, франкскими, скандинавскими и т. д., что подъ конецъ не знаешь, о комъ онъ говоритъ. Единственно, чѣмъ эта книга можетъ служить для исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ, — это довольно подробное и обстоятельное, хотя и не совсѣмъ ясное, изложеніе проекта А. Замойскаго (s. 203—230). Въ числѣ приложеній къ этой книгѣ помѣщенъ списокъ брошюръ по крестьянскому вопросу, вышедшихъ въ

Польшѣ въ XVIII и XIX вв. Среди этихъ брошюръ есть и такія, названія которыхъ встрѣчаются у одного Мацѣвскаго.

7. Трудъ Kraszewskiego, «Polska w czasie trzech rozbiorów» 3 tt., Poznań, 1873, 1874 и 1875, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности относительно исторіи крестьянскаго дѣла въ Польшѣ въ эту эпоху.

8. Сочиненіе Waleryana Kalinki: «Sejm Czteroletni» (Т. I, Kraków, 1880. Т. II въ неполномъ видѣ, Lwów, 1881 г.) содержитъ нѣкоторыя свѣдѣнія о крестьянскомъ дѣлѣ на четырехлѣтнемъ сеймѣ. Особенно важна глава, посвященная украинскому бунту 1789 г., по отношенію къ которому авторъ держится той же точки зрѣнія, что и Костомаровъ, считая бунтъ исключительно произведеніемъ страха шляхты (I, s. 335—400), и другая глава, занятая обзоромъ политической литературы того времени, изъ которой, однако, Калинка разбираетъ лишь немногія явленія.

9. Появившееся въ томъ же году, какъ и второй томъ труда Калинки, сочиненіе: «Włoszanie u nas i gdzieindziej. Szkice historyczne przez Walerego Przyborskiego. Wilno, 1881», не даетъ ничего новаго. Это не болѣе, какъ компиляція, преимущественно изъ Мацѣвскаго и Любомирскаго, написанная съ цѣлью доказать, что положеніе крестьянъ въ Польшѣ было не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Съ этой цѣлью авторъ, не довольствуясь польскими крестьянами, прибавляетъ очерки исторіи крестьянъ въ другихъ странахъ, очень короткіе (во всей книгѣ 231 стр. малаго формата), неполные и часто невѣрные. Доказывая свою мысль, авторъ часто прибѣгаетъ и къ натяжкамъ ¹⁾).

10. Въ 1884 году вышло сочиненіе Korzona, «Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta», 4 tt. Въ первомъ томѣ его

¹⁾ Книга Приборовскаго вызвала въ польской литературѣ возраженія Smoleńskiego и Jelskiego, съ которыми, однако, я ближе незнакомъ; изъ русскихъ ему возражалъ С. Шашковъ въ статьѣ «Крестьяне въ Польшѣ», помѣщенной въ «Дѣлѣ», за 1881 г., № 12, стр. 91—120. Это, впрочемъ, скорѣе не возраженіе, а очеркъ исторіи польскихъ крестьянъ, написанный на основаніи того же Приборовскаго, съ присоединеніемъ Горемыкина, Брюггена и Зугенгейма, но съ совершенно противоположнымъ освѣщеніемъ. Научнаго значенія эта статья не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ ней попадаются грубыя ошибки: такъ, племянникъ короля Станислава-Августа, Станиславъ Понятовскій, названъ сыномъ его (стр. 114).

третья глава, озаглавленная: «Rolnictwo i rolnicy» (s. 321—496) посвящена разбору крестьянского вопроса въ Польшѣ при Станиславѣ-Августѣ и представляетъ лучшій, существующій до сихъ поръ въ научной литературѣ трудъ по этому вопросу. Авторъ подробно и обстоятельно разбираетъ какъ произведенія польской политической литературы конца XVIII вѣка, касающіяся крестьянскаго вопроса, такъ и практическія попытки реформы въ этомъ отношеніи со стороны частныхъ лицъ и законодательства, заканчивая свой обзоръ возстаніемъ Костюшки. Обширная эрудиція автора и талантливость его изложенія придаютъ его книгѣ большой интересъ и значеніе, но выводъ, къ которому онъ приходитъ, по нашему мнѣнію, не можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ. Какъ на недостатокъ Корзона, можно указать на то, что онъ слишкомъ легко отвергаетъ тѣ источники, показанія которыхъ не отвѣчаютъ главной идеѣ его очерка, будто къ концу независимаго существованія Польши въ понятіяхъ шляхты относительно крестьянскаго вопроса произошелъ коренной переломъ. Недостатокъ этотъ лишаетъ выводы Корзона той устойчивости, которую имъ слѣдовало бы имѣть, чтобы не навлечь на себя упрека въ односторонности ¹⁾.

11. *Kuźnica Kołatajowska, studyum historyczne, napisał Władysław Smoleński, Kraków, 1885.* Эта небольшая книжка (въ 202 стр. малаго формата) представляетъ характеристику и разборъ трудовъ нѣкоторыхъ ближайшихъ помощниковъ Коллонтая на поприщѣ литературы. Для нашего вопроса особенно важны заключающіяся здѣсь свѣдѣнія о литературной дѣятельности Фр. Сал. Езерскаго. Книжка эта написана легко, читается съ интересомъ и отличается точностью библиографическихъ указаній.

12. Въ прошломъ году въ польской литературѣ появилось еще одно сочиненіе, затрогивающее нашъ предметъ. Это—*Historja ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stulecia, przez Bolesława Limanowskiego, Lwów, 1888.* Объ интересующемъ насъ предметѣ здѣсь говорится въ двухъ мѣстахъ: въ

¹⁾ Полное заглавіе книги Корзона: «Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego przez Tadeusza Korzона. Wydanie Akademii Umiejętności w Krakowie Kraków, 1882.

главѣ первой (Prądy dorewolucyjne...) и седьмой (Polska w czasie wielkiej rewolucyi francuskiej i wpływ tej ostatniej na nią, s. 278—399). Авторъ разбираетъ здѣсь нѣкоторыя малоизвѣстныя брошюры, но въ фактическомъ отношеніи книга его даетъ очень мало въ сравненіи съ Костомаровымъ и Корвономъ. По взглядамъ своимъ онъ болѣе приближается къ первому, признавая, что польская шляхта въ концѣ XVIII столѣтія была неспособна собственными силами разрѣшить крестьянскій вопросъ.

б) русскія.

1. Ю. Рехневскаго. Крестьянское сословіе въ Польшѣ («Русскій Вѣстникъ», 1858, № 5, стр. 43—84 и 236—276; насъ касается только первая половина; вторая трактуетъ о крестьянскихъ отношеніяхъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ и Царствѣ Польскомъ). Статья эта представляетъ довольно хорошій и полный очеркъ исторіи барщины въ Польшѣ. О концѣ XVIII вѣка авторъ говоритъ очень немного, распространяясь главнымъ образомъ о проектѣ Замойскаго.

2. И. А. Горемыкина. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. СПб., 1869. Книжка эта представляетъ въ сущности компиляцію, но написана очень живо и не безъ таланта. Для нашего вопроса авторъ даетъ очень мало; польской литературы XVIII в. по крестьянскому вопросу онъ совсѣмъ не касается, но за то въ ней есть нѣсколько удачныхъ замѣчаній о реформахъ частныхъ землевладѣльцевъ. Распоряженія Костюшки въ этомъ трудѣ, какъ и въ предъидущемъ, совсѣмъ не разсматриваются.

3. Н. И. Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой, 2 т. СПб., 1870 (Печаталось сперва въ «Вѣстникѣ Европы»; въ 1886 году вышло третьимъ изданіемъ). Въ своемъ трудѣ Костомаровъ касается крестьянскаго вопроса лишь между другими, но тѣмъ не менѣе посвящаетъ ему очень много вниманія, такъ что его сочиненіе послѣ труда Корвона представляетъ наиболѣе полную обработку матеріала въ этомъ отношеніи. Польскихъ брошюръ, посвященныхъ крестьянскому вопросу, онъ разсматриваетъ очень немного, и то мимоходомъ, равно какъ и реформы частныхъ лицъ, но за то подробно разсматриваетъ законодательство послѣдней четверти XVIII вѣка и распоряженія Костюшки, касающіяся крестьянъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и изображеніе судьбы послѣднихъ за это время. Обстоятельно разсмотрѣнъ у него также, т. н. украинскій бунтъ

1789 года, котораго Корзонъ касается лишь слегка. По взгляду Костомарова, польская шляхта никоимъ образомъ не могла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса и рѣшиться на потери личныхъ выгодъ, даже въ минуту крайней опасности для отечества. Либеральной партіи въ Польшѣ онъ приписываетъ очень мало силы. Вообще сочиненіе Костомарова по взглядамъ, проводимымъ авторомъ, находится въ рѣзкой противоположности съ трудомъ Корзона, по временамъ впадая даже нѣсколько въ крайность.

4. М. Де-Пуле. Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литва въ 1794—1797 годахъ. СПб., 1871, второе изданіе. Въ этомъ трудѣ, значительная часть котораго занята описаніемъ частной жизни бывшаго польскаго короля, находится нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о положеніи литовскихъ крестьянъ за это время и объ отношеніи къ нимъ русскихъ военачальниковъ въ періодъ возстанія Костюшки. Авторъ рѣзко полемизируетъ съ Костомаровымъ по поводу отношенія послѣдняго къ полякамъ, но выводы его въ крестьянскомъ вопросѣ не разнятся отъ выводовъ Костомарова.

5. Кояловичъ. Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ. СПб., 1873. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія преимущественно о религиозныхъ притѣвленіяхъ, совершавшихся поляками надъ литовскими и украинскими крестьянами, о бунтѣ Желѣзняка, дѣятельности арх. Садковскаго и украинской смутѣ 1789 года.

6. Въ архивѣ Юго-Западной Россіи, во 2-мъ томѣ VI части, гдѣ собраны акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ, актамъ этимъ предшествуетъ предисловіе, написанное В. Антоновичемъ (с. 1—64) и намѣчающее главныя черты исторіи крестьянъ въ польской Малороссіи въ концѣ XVIII вѣка.

7. Въ «Вѣстникѣ Европы» за нынѣшній годъ, въ майской и іюньской книжкахъ, помѣщена статья Н. И. Карѣева. «Польскія реформы XVIII в.», въ которой нѣсколько страницъ посвящено и крестьянской реформѣ.

с) нѣ м е ц к і я.

1. Hüppe, Verfassung der Republik Polen, Berlin, 1867. Здѣсь помѣщенъ общій, очень краткій, очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ и въ приложеніи есть нѣсколько—очень не-

много—указаній на литературу крестьянскаго вопроса въ ней въ XVIII вѣкѣ.

2. Von Brüggem. Polen's Auflösung. Kulturgeschichtliche Skizzen. Lpz., 1878. Книжка эта представляетъ въ сущности живую и бойкую компиляцію, написанную преимущественно по Костомарову и Крашевскому и не заключающую въ себѣ почти ничего новаго.

3. Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des 19 Jahrhunderts. St.-Petersburg. 1861. Изд. Академіи Наукъ. Въ этомъ трудѣ польскимъ крестьянамъ посвящено очень мало мѣста (s. 399—406). Давши общій, чрезвычайно короткій очеркъ положенія польскихъ крестьянъ въ XVIII в., авторъ излагаетъ вкратцѣ реформы Фридриха II въ областяхъ, отошедшихъ къ Пруссіи, и Маріи-Терезіи и Іосифа II—въ Галиціи.

ГЛАВА I.

Положеніе польскихъ крестьянъ къ послѣдней четверти XVIII вѣка.

Краткій историческій очеркъ положенія крестьянъ въ Рѣчи Посполитой. Положеніе ихъ въ XVIII вѣкѣ. Королевскія имѣнія. Имѣнія духовныя. Положеніе шляхетскихъ крестьянъ. Существованіе болѣе свободныхъ крестьянъ. Общее положеніе. Произволъ помѣщичьей власти. Паящина и другія повинности. Поссессоры и роль ихъ по отношенію къ крестьянамъ. Пропинація. Экономическое положеніе польскихъ крестьянъ. Паденіе сельскаго хозяйства. Отдѣльныя исключенія. Эмиграція крестьянъ. Гайдамачество на Украинѣ и бунтъ Гонты и Желѣзняка. Заключеніе.

Полное и всестороннее пониманіе судьбы польскихъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ возможно только въ томъ случаѣ, если мы хоть мелькомъ заглянемъ въ ихъ исторію и попытаемся прослѣдить ее въ главныхъ чертахъ. XVIII вѣкъ въ этой исторіи представляетъ лишь результатъ долгаго развитія и, какъ таковой, не можетъ быть оцѣненъ и понятъ, взятый отдѣльно, самъ по себѣ.

Первоначальный періодъ исторіи польскихъ крестьянъ до сихъ поръ не можетъ считаться окончательно разъясненнымъ. Особенно относительно происхожденія сословій въ старой Польшѣ существуютъ еще сомнѣнія, различно разрѣшаемыя разными изслѣдователями. Старая теорія возникновенія шляхты и крестьянъ изъ двухъ различныхъ, хотя и родственныхъ народовъ, изъ которыхъ одинъ былъ покоренъ другимъ, продолжаетъ находить себѣ сторонниковъ и въ настоящее время 1). Тѣмъ не

1) Теорія эта высказывалась, между прочимъ, и въ политической литературѣ конца XVIII в., именно въ брошюрѣ F. S. Jezierskiego: *Rzeczica, matka królów*, см. Wł. Smoleński, *Kuźnica Kollatajowska*, s. 72—3. Изъ ученыхъ занимавшихся исторіей крестьянъ, ее защищаетъ Maciejowski, *Historya włóścian w Polsce*, s. 21.

менѣе, большинство ученыхъ сходится уже теперь въ томъ мнѣніи, что эта теорія не имѣетъ за собою серьезныхъ основаній и что различіе шляхты отъ массы простаго народа вызвано исключительно политическими и экономическими условіями жизни самаго народа 1). Несомнѣннымъ можно считать далѣе, что во времена языческой Польши въ ней существовало общинное владѣніе землею, котораго въ его полномъ видѣ мы уже не знаемъ въ ней въ историческое время 2). На ряду съ этимъ общиннымъ владѣніемъ встрѣчаются во всякомъ случаѣ уже очень рано и слѣды частнаго землевладѣнія, которое наврядъ-ли пользовалось, однако, въ это время особеннымъ развитіемъ 3). Такое положеніе дѣль подверглось существеннымъ измѣненіямъ со времени введенія въ Польшу христіанства, вмѣстѣ съ которымъ хлынула въ страну волна понятій, заимствованныхъ съ Запада. Вмѣстѣ съ появленіемъ въ странѣ римско-католическаго духовенства и родоваго дворянства по западному образцу начались пожалованія тому и другому земель королями въ полную частную собственность. Такимъ образомъ эта послѣдняя росла все болѣе и болѣе и вскорѣ усилившіеся поземельные владѣльцы нашли возможнымъ выступить съ притязаніями на нѣкоторыя права надъ людьми, жившими въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ. Первымъ вступило на этотъ путь духовенство. Первоначально всѣ туземные жители Польши были людьми лично свободными и въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ повиновались только королю и назначаемымъ отъ него чиновникамъ. Но уже въ концѣ X вѣка духовенство стало получать привилегіи, по которымъ ему давалось право суда надъ жившими на его имѣніяхъ людьми 4). По слѣдамъ духовенства такія же привилегіи начали выхлопывать себѣ и отдѣльныя дворянскія фамиліи. Движеніе въ этомъ направленіи все росло, число привилегій

1) E. Stawiski, Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego, Warsz. 1858, s. 209. Горемыкинъ, Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ, Спб., 1869, стр. 8 и слѣд. М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши (русскій переводъ), Спб., 1888, т. I, стр. 81, пр. 1.

2) Stawiski, l. c., s. 142.

3) Бобржинскій (l. c., s. 55) и Рехневскій (Крестьянское сословіе въ Польшѣ, Русскій Вѣстникъ, 1858, май, стр. 43) отрицаютъ существованіе частной собственности до христіанства.

4) Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce, Biblioteka Warszawska, 1861, III, s. 3—4.

увеличивалось и такимъ образомъ, послѣ нарушенія перваго положенія стариннаго польскаго устройства, по которому вся земля въ государствѣ принадлежала князю, нарушалось и второе, въ силу котораго въ его же рукахъ долженъ былъ находиться судъ надъ всѣми жителями страны. Разрушенію этого строя много содѣйствовало паденіе монархической власти въ XIII вѣкѣ и распаденіе Польши на удѣлы, при которомъ главная роль въ государствѣ перешла къ богатому высшему дворянству и духовенству 1). Князья, державшіеся на своихъ престолахъ только благодаря помощи этихъ послѣднихъ, естественно должны были дѣлать имъ всевозможныя уступки и принимать ихъ сторону противъ простаго народа. Благодаря этому, судебная власть князей все болѣе падала, замѣняясь постепенно патримоніальными и земскими судами. Первоначально, однако, князья, давая привилегіи духовенству и шляхтѣ, выговаривали себѣ право суда въ важнѣйшихъ дѣлахъ и въ случаѣ апелляціи. Постепенно и отъ этого успѣли освободиться владѣльцы: къ концу XIII и въ началѣ XIV вѣка духовенство сумѣло добиться отъ князей отмены права апелляціи изъ его имѣній почти во всѣхъ областяхъ Польши 2). Нѣсколько позднѣе достигла того же шляхта: число привилегій, данныхъ отдѣльнымъ шляхетскимъ фамиліямъ, увеличивается до громадныхъ размѣровъ къ XIV вѣку. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей 3), населеніе само первоначально сочувствовало происходившей перемѣнѣ княжескихъ судовъ на доминіальные въ виду большаго удобства и доступности послѣднихъ. Но если и было такое сочувствіе, то оно скоро исчезло подъ вліяніемъ произвола, господствовавшаго въ этихъ судахъ, особенно съ того времени, когда была уничтожена послѣдняя защита отъ него въ формѣ апелляціи къ князю. Мы имѣемъ свидѣтельство Кромера, что «владѣльцы и панскіе намѣстники судятъ въ деревняхъ, какъ имъ вздумается, и скорѣе по произволу, чѣмъ по закону» 4). Правда, свидѣтельство это относится къ значительно позднѣйшему времени, но оно вполне примѣняется и

1) Костомаровъ, Последніе годы Речи Посполитой, Спб., 1886, стр. 26. Lubomirski, l. c., s. 7.

2) Lubomirski, l. c., s. 8.

3) Stawiski, l. c., s. 144.

4) De situ etc., s. 156, приведено у Stawiskiego, l. c., s. 145.

къ болѣе раннему періоду, что доказывается волненіями крестьянъ. Народъ не могъ, само собою разумѣется, относиться равнодушно къ коренному измѣненію въ своей жизни подъ вліяніемъ чуждыхъ началъ. Уже по смерти Болеслава Храбраго поднялось возстаніе кметей, но возстаніе это было подавлено и положеніе ихъ послѣ этого только ухудшилось. Оно становилось еще тяжелѣе, вслѣдствіе того, что высшій классъ, въ числѣ получаемыхъ имъ привилегій, добивался и освобожденія отъ различныхъ государственныхъ податей и повинностей, которыя тѣмъ большею тяжестью ложились на массу народа. Такимъ образомъ ко времени вторичнаго воссоединенія Польши въ XIV вѣкѣ Владиславомъ Локеткомъ внутренняя жизнь государства уже существенно измѣнилась. Препжній общинный строй землевладѣнія исчезъ, оставивъ по себѣ только слѣды и замѣнился частнымъ землевладѣніемъ шляхты и духовенства; бывшее равенство всѣхъ предъ общей государственной властью также погибло: высшіе классы несли теперь меньше повинностей, чѣмъ крестьяне, а въ своихъ имѣніяхъ отправляли судъ надъ послѣдними. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство, имѣвшее значительное вліяніе на судьбы польскаго крестьянства, — именно, нѣмецкая колонизація въ эту страну. Послѣ того, какъ междуусобныя войны и татарскіе набѣги въ значительной степени опустошили и обезлюдили Польшу, князья ея, чтобы вознагражить эти потери, старались привлечь въ свои земли колонистовъ съ запада, обѣщая имъ большія преимущества и льготы ¹⁾. Расчетъ оказался вѣрнымъ: толпы нѣмецкихъ крестьянъ потянулись дѣйствительно въ Польшу, поселяясь здѣсь на отводимыхъ имъ князьями, духовенствомъ и шляхтой пустыхъ земляхъ подъ условіемъ большихъ привилегій. Въ число этихъ привилегій входили, какъ важнѣйшія, освобожденіе отъ ополья или общины, отъ десятинъ, право суда у собственныхъ начальниковъ или солтысовъ по нѣмецкому праву и уничтоженіе нѣкоторыхъ, слишкомъ тяжелыхъ государственныхъ повинностей ²⁾. Глав-

¹⁾ Одинъ изъ первыхъ случаевъ, привлеченія колонистовъ представляетъ данное Болеславомъ Силесскимъ въ 1209 г. цистерціанцамъ позволеніе поселить у Любушкаго монастыря 8 нѣмецкихъ деревень. Lubomirski, l. c., s. 10. Впрочемъ, подобное же позволеніе было получено цистерціанцами въ Силезіи еще въ 1175 году, см. Maciejowski, *Historya włościan w Polsce*, s. 75.

²⁾ Maciejowski, l. c., s. 79—81.

ное лицо въ такомъ нѣмецкомъ поселеніи, солтысъ, кромѣ того, что получалъ судебную власть надъ его жителями и служилъ посредникомъ между ними и владѣльцемъ имѣнія, имѣлъ большій участокъ земли, отправлялъ военную службу и, вообще, по положенію своему, занималъ середину между шляхтой и простымъ народомъ ¹⁾). Такія значительныя льготы поселеній на нѣмецкомъ правѣ побудили и туземное крестьянское населеніе стараться получить для себя это же право и такъ какъ желаніе это часто согласовалось съ выгодною владѣльцевъ, которые при нѣмецкомъ правѣ получали болѣе денежныхъ повинностей, чѣмъ при туземномъ, то такой переходъ чисто польскихъ деревень подъ нѣмецкое право получилъ широкое распространеніе. Но переходъ этотъ представлялъ свои неудобства для княжеской власти, лишавшейся при немъ значительной доли своихъ доходовъ, и поэтому являются постановленія, задерживающія его и воспреещающія принимать польскихъ крестьянъ въ деревни, основанныя на нѣмецкомъ правѣ. Одно изъ такихъ постановленій было издано уже Лешкомъ, княземъ краковскимъ и сандомирскимъ, и мотивировано опасностью опустѣнія старыхъ польскихъ деревень ²⁾). Нѣмецкіе колонисты дѣйствительно оживили земледѣліе и торговлю Польши, но вмѣстѣ съ ними явилось, какъ мы видѣли, въ страну и зло, заключавшееся въ возникновеніи еще новаго неравенства между населеніемъ туземнымъ и пришлымъ въ податномъ и судебномъ отношеніяхъ, зло, едва-ли не перевѣшавшее всѣ принесенныя ими выгоды ³⁾). Такимъ образомъ къ концу удѣльнаго періода положеніе польскаго крестьянства, подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ, существенно измѣнилось къ худшему. Тѣмъ не менѣе за крестьяниномъ оставалось еще неприкосновеннымъ право его личной свободы. Старая Польша не знала крѣпостныхъ въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Когда съ XII вѣка пало окончательно общинное землевладѣніе и на мѣсто его возвысилась частная собственность дворянъ и духовенства ⁴⁾, масса земледѣльческаго населенія Польши состояла изъ двухъ разрядовъ:

¹⁾ Maciejowski, l. c., s. 68.

²⁾ Lubomirski, l. c., s. 15.

³⁾ Рехневскій, l. c., s. 49.

⁴⁾ Stawiski, l. c. s. 55.

свободныхъ и несвободныхъ людей (*liberi, illiberi*). Последніе носили названія *adscriptitii, originarii, obnoxii, servi*, и, какъ можно думать, происходили изъ военноплѣнныхъ 1). Первые, то есть свободные люди, жили на земляхъ различныхъ владѣльцевъ за опредѣленную плату деньгами или натурой; существованія панщины въ этомъ періодѣ нельзя подовѣрять, такъ какъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ ея. Къ тому же въ это время, когда шляхта составляла классъ рыцарей-дружинниковъ князя и, занятая походами и войнами, не могла лично вести хозяйства, ей не было и особой нужды въ работѣ крестьянъ. Далѣе, свободные крестьяне пользовались неограниченнымъ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, правомъ, которое и не могло, само собою разумѣется, быть стѣснено при существованіи нѣсколькихъ мелкихъ и независимыхъ другъ отъ друга удѣльныхъ княжествъ: въ случаѣ нужды крестьянинъ всегда могъ перейти изъ одного такого княжества въ другое и тѣмъ самымъ избавиться отъ всякаго преслѣдованія.

Первый государь воссоединенной Польши, Владиславъ Локетекъ, извѣстенъ своимъ хорошимъ отношеніемъ къ крестьянамъ 2), такъ же, какъ и его сынъ и преемникъ, Казиміръ Великій, получившій даже прозваніе «хлопскаго короля», но это ни мало не измѣняло общаго положенія крестьянъ. Напротивъ, при Казимірѣ положено было даже начало новому стѣсненію крестьянъ или кметей 3), именно со стороны свободы ихъ передвиженія. Причины этого новаго направленія во внутренней политикѣ государства коренились въ измѣненіи условій народной жизни. Къ половинѣ XIV вѣка Польша, благодаря своей силѣ и спокойствію извнѣ, постепенно крѣпнеть и богатѣетъ и это обстоятельство, въ свою очередь, даетъ толчокъ развитію земледѣлія страны. На мѣсто прежней системы обра-

1) Stawiski (I. c., s. 57) соглашается признать такое происхожденіе невольниковъ (*servi*), но, вопреки Бандтке и Нарушевичу, отказывается принять его для адскриптицевъ, мотивируя это слишкомъ большимъ количествомъ послѣднихъ. Бобржинскій (I. c., s. 80), также не признаетъ адскриптицевъ невольниками.

2) Рехневскій, I. c., с. 50.

3) Ко времени Казиміра прежнія раздѣленія крестьянскаго класса исчезаютъ и Вислицкій статутъ устанавливаетъ общее названіе: *rustici, villani seu kmetiones*. Stawiski, I. c., s. 61.

ботки помѣщичьихъ земель по мелкимъ участкамъ крестьянами въ свою пользу, начинаетъ выступать система крупнаго фольварочнаго хозяйства, требующая большого количества рабочихъ рукъ и, какъ результатъ ея, является желаніе шляхты обезпечить себѣ эти рабочія руки прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ 1). Въ Вислицкомъ статутѣ Казимира Великаго выступаетъ уже такое желаніе, хотя во время его изданія (1361 г.), описываемый переворотъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ страны находился еще, можно сказать, въ зародышѣ. По этому статуту прекращается прежняя неограниченная свобода перехода кметей съ одного мѣста на другое: съ этихъ поръ только два кметя со своими семьями могутъ выселиться втеченіе года изъ деревни безъ позволенія пана, всѣ же остальные должны были оставаться на мѣстѣ. Были установлены еще три случая, когда кмети могли оставлять своего владѣльца безъ его согласія, даже цѣлой деревней: это имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, если владѣлецъ былъ отлученъ отъ церкви, или если онъ насилывалъ женъ и дочерей кметей, или, наконецъ, угнеталъ ихъ самихъ, лишая средствъ къ пропитанію. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ замѣтилъ еще Костомаровъ 2), законъ не доставлялъ кметямъ особаго облегченія, такъ какъ существовало другое постановленіе, по которому кметь, бѣжавшій отъ господина вслѣдствіе угнетенія, могъ быть отыскиваемъ втеченіе года и, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, долженъ былъ заплатить своему владѣльцу штрафъ въ 3 гривны и годовой оброкъ 3). Но не всѣ постановленія Вислицкаго статута были такъ неблагоприятны для крестьянъ, мы находимъ и такія, которыя свидѣтельствуютъ объ участіи въ немъ «хлопскаго короля»: такъ, напримѣръ, отмѣненъ прежній обычай, по которому имущество бездѣтнаго кметя, какъ *res nullius*, переходило къ землевладѣльцу. Тѣмъ не менѣе, приходится признать, что съ изданіемъ этого статута положеніе крестьянъ въ польскихъ владѣніяхъ должно было еще болѣе ухудшиться, хотя, понятно, въ это время оно было еще до нѣкоторой сте-

1) Stawiski, l. c., s. 32—35.

2) Последніе годы Рѣчи-Посполитой, Спб., 1886. Изд. 3, т. I, стр. 30.

3) Рехневскій (l. c., с. 55), почему-то находить этотъ штрафъ небольшимъ, не принимая, очевидно, во вниманіе того, что его долженъ былъ платить кметь, уже лишенный всего имущества.

пени различно въ разныхъ областяхъ, смотря по мѣстнымъ обычаямъ. Въ Великой Польшѣ власть владѣльцевъ была больше и вслѣдствіе этого положеніе крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ въ Малой Польшѣ 1). Въ Мазовіи отношенія между кметями и владѣльцами основывались на особомъ обычаѣ, носившемъ названіе поручительства (*rekojemstwa*) и имѣвшемъ, по выраженію одного изъ изслѣдователей 2), для кметей значеніе *Nabeas Corpus Akt*. Поручительство это заключалось въ своего рода круговой порукѣ кметей и владѣльцевъ другъ передъ другомъ, со стороны первыхъ — въ исправной уплатѣ податей и оброковъ, со стороны вторыхъ — въ точномъ исполненіи условій. Что касается повинностей кметей въ Польшѣ въ этотъ періодъ, то онѣ, какъ было уже упомянуто выше, состояли преимущественно въ оброкѣ или чиншѣ продуктами и мѣстами, особенно въ поселеніяхъ на нѣмецкомъ правѣ, въ денежномъ чиншѣ 3). Вислицкій статутъ не измѣнилъ этой стороны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, но за то онъ недоброжелательно отнесся къ лицамъ, занимавшимъ высшее положеніе среди крестьянства, именно къ тѣмъ солтысамъ, о которыхъ мы говорили выше. Имъ предписывалось теперь послушаніе владѣльцу имѣнія, въ которомъ они имѣли солтыство, запрещалось продавать солтыства безъ согласія пана и послѣднему предоставлялось право первенства при покупкѣ ихъ 4). Вглядываясь во всѣ эти постановленія, не трудно замѣтить, что они создавались подъ сильнымъ вліяніемъ шляхты и, вѣроятно, и духовенства, какъ сословія землевладѣльцевъ, хотя, въ иныхъ случаяхъ, оно и стояло за крестьянъ 5). Не смотря на нѣкоторыя частныя постановленія Вислицкаго статута въ пользу крестьянъ, общая роль его въ отношеніи послѣднихъ должна быть опредѣлена, какъ крайне для нихъ неблагоприятная: въ этомъ законодательномъ памятникѣ второй

1) Рехневскій (I. с., с. 55), вслѣдъ за Лелевелемъ (*Polska wieków średnich*, III, 275), заключаетъ объ этомъ изъ меньшей виры за убитого кмета въ Великой Польшѣ, чѣмъ въ Малой.

2) *Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce*, Biblioteka Warszawska, 1857, III, s. 803—4.

3) Рехневскій, I. с., с. 57.

4) *Maciejowski*, I. с., s. 89—90.

5) Первые два случая, при которыхъ возможенъ былъ уходъ кмета отъ владѣльца безъ согласія его, очевидно, опредѣлены подъ вліяніемъ духовенства.

половины XIV вѣка сдѣланъ былъ первый шагъ къ закрѣпленію кметей и къ униженію наиболѣе выдающагося класса изъ этого сословія въ лицѣ солтысовъ. Въ послѣдующіе вѣка исторіи Польши развитіе крестьянскихъ отношеній продолжало неуклонно идти по пути, опредѣленному этимъ статутомъ, и если такой король, какъ Казиміръ Великій, извѣстный при томъ своими симпатіями къ простому народу, не смогъ сдержатъ притязаній шляхты на лишеніе крестьянъ свободы въ ея пользу, то тѣмъ менѣе была эта задача подъ силу его преемникамъ, все болѣе и болѣе терявшимъ свою собственную власть. Въ XV вѣкѣ одна за другою падаютъ послѣднія опоры, поддерживавшія еще нѣкоторую независимость крестьянскаго населенія. Опорами этими были солтысы, пользовавшіеся правомъ суда въ деревняхъ на нѣмецкомъ правѣ, земскіе суды, куда шли апелляціи на патримоніальный судъ отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на польскомъ правѣ, и, наконецъ, короли съ ихъ правомъ опеки надъ кметями.

Въ 1420 году изданъ былъ Владиславомъ Ягелло такъ называемый Вартенскій статутъ, по которому владѣлецъ деревни, въ случаѣ непослушанія ему солтыса, можетъ принудить послѣдняго продать солтыство и, если не окажется покушниковъ, купить его самъ по опредѣленной судомъ цѣнѣ 1). Статутъ этотъ нанесъ смертельный ударъ значенію солтысовъ: вся самостоятельность и независимость ихъ была теперь потеряна и при всякомъ неповиновеніи волѣ шляхтича—такъ какъ статутъ этотъ имѣлъ значеніе преимущественно въ шляхетскихъ имѣніяхъ 2)—имъ угрожала потеря мѣста. Шляхта не замедлила съ своей стороны воспользоваться добытымъ правомъ и въ короткое сравнительно время масса солтыствъ была или скуплена ею для себя, или же передана такимъ лицамъ, на повиновеніе которыхъ она могла рассчитывать. Такимъ образомъ рушилось одно изъ важныхъ преимуществъ нѣмецкаго права—независимость суда,—и выражавшіе его солтысы или исчезли, или превратились въ простыхъ подчиненныхъ панамъ лицъ.

Въ то время, какъ падала такимъ образомъ судебная независимость нѣмецкихъ общинъ и онѣ приравнивались къ

1) Maciejowski, l. c., s. 99.

2) Ibidem, s. 100.

польскимъ 1), эти послѣднія также переживали тяжелую пору своего существованія, теряя свои права на пользованіе общимъ государственнымъ судомъ. Духовенство первое начало дѣлать заявленія противъ права крестьянъ, жившихъ въ его имѣніяхъ и подлежавшихъ поэтому его патримоніальному суду, апеллировать въ общіе земскіе суды 2), а когда такой же способъ дѣйствій приняла и шляхта, то сами земскіе суды, подчиняясь общему теченію, стали отказывать крестьянамъ въ приѣмѣ ихъ жалобъ. Въ концѣ XIV вѣка, какъ замѣчаетъ одинъ изъ исследователей 3), изъ дѣлъ, ведшихся въ судахъ, около половины было такихъ, гдѣ кметъ является или истцомъ, или отвѣтчикомъ, въ началѣ XV вѣка такихъ дѣлъуже не болѣе четверти, а во время Казимира III, Яна Альбрехта и Александра ихъ уже не встрѣчается совсѣмъ.

Наконецъ, стремленіе шляхты къ закрѣпощенію кметей также продолжало еще развиваться въ XV вѣкѣ. Въ 1445 году уже было постановлено, что изъ деревни, панъ которой отправился на войну, не можетъ выселиться въ его отсутствіе ни одинъ кметъ ни подъ какимъ предлогомъ 4). Въ 1496 году, кметямъ, по закону Яна Альбрехта, запрещено было выселяться изъ деревни, исключая одного только въ годъ. вмѣстѣ съ этимъ дозволено было только одному изъ сыновей кмета,—если у него ихъ было нѣсколько,—отправляться въ ученіе съ согласія пана, всѣ же другіе сыновья должны были непременно оставаться на пашнѣ. Кромѣ того этимъ же закономъ лицамъ хлопскаго и мѣщанскаго состоянія было безусловно воспрещено владѣть земскими имѣніями и подтверждался патримоніальный судъ надъ крестьянами. Королевская власть къ концу XV вѣка, такимъ образомъ, стояла еще болѣе на сторонѣ шляхты и духовенства, чѣмъ во второй половинѣ XIV-го. Это объясняется важными событіями, происшедшими въ исторіи Польши въ концѣ XIV и началѣ XV вв. Въ 1374 году король Людовикъ, не имѣя мужскаго потомства и желая утвердить польскій престолъ за одною изъ своихъ дочерей, сдѣлалъ

1) Нѣкоторыя деревни на нѣмецкомъ правѣ паны прямо принуждали отрезать отъ него. См. Lubomirski, Roln. ludn. w P. B. W. 1861, III, s. 48.

2) Lubomirski, l. c., s. 45—6.

3) Lubomirski, l. c., s. 47—8.

4) См. Maciejowski, *Historya włościan w Polsce*, s. 103.

важныя уступки шляхтѣ: на сѣздѣ въ Кошицахъ онъ обязался не взимать безъ согласія шляхты съ ея имѣнной податей болѣе, какъ по два гроша съ лана. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1384 году этотъ договоръ былъ распространенъ и на имѣнія духовенства. Такая льгота поставила королевскую власть въ полную зависимость отъ шляхты и принудила будущихъ королей строго сообразоваться съ желаніями этой послѣдней. Съ другой стороны, хотя шляхтичъ платилъ въ государственную казну только 2 гроша съ лана, никто не препятствовалъ ему самому собирать съ своихъ крестьянъ болѣе и нѣтъ сомнѣнія, что это дѣйствительно практиковалось ¹⁾. Съ этого времени уже не государственныя повинности крестьянъ преобладали надъ частными, какъ это было въ предыдущемъ періодѣ, а уже наоборотъ ²⁾, и съ этимъ же совпадаетъ общее увеличеніе числа повинностей ³⁾. Не только увеличивалась тяжесть существовавшихъ уже раньше повинностей и оброковъ, но къ нимъ прибавлялись и новыя, и къ этому же времени относится начало выросшей потомъ до такихъ гигантскихъ размѣровъ барщины. Первое общее постановленіе о ней находится въ мазовецкомъ статутѣ князя Іоанна 1421 года, въ которомъ она опредѣлена въ размѣрѣ одного рабочаго дня въ недѣлю съ лана и половины дня съ полу-лана ⁴⁾. Появленіе и дальнѣйшее развитіе барщины обуславливается тѣми же самыми причинами, какія повліяли и на закрѣпощеніе кметей. Развитіе крупнаго фольварочнаго хозяйства занимало главное мѣсто въ ряду этихъ причинъ. Усиливаясь подъ вліяніемъ торговыхъ отношеній и большаго спроса за границей на польскій хлѣбъ, это хозяйство, естественно, требовало все большаго числа рабочихъ рукъ и, при недостаткѣ населенія, при несовершенствѣ земледѣлія, не могло найти другаго средства для удовлетворенія этого требованія, какъ прикрѣпить къ землѣ жившихъ на ней кметей. Примѣненіе этого средства казалось еще болѣе необходимымъ послѣ присоединенія Руси, въ которую толпами двинулись польскіе крестьяне, привлекаемые какъ плодородіемъ страны, такъ и большими льготами, дававшимися здѣшними

¹⁾ Maciejowski, l. c., s. 134.

²⁾ Stawiski, l. c., s. 55.

³⁾ Maciejowski, l. c., s. 141—2.

⁴⁾ Рехневскій, l. c., с. 57 и Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce. Bibl. Warsz. 1857, II, s. 827.

владѣльцами, чтобы привлечь населеніе въ бѣдную людьми мѣстность. Наконецъ, къ этимъ побужденіямъ присоединилась и фискальная выгода. Дѣло въ томъ, что при переселеніяхъ крестьянъ страдала и казна, такъ какъ подать, взимаемая съ обработанныхъ лановъ земли (lanowe), поступала въ этихъ случаяхъ не сполна ¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній хозяйственнаго и фискальнаго характера и произведено было, какъ мы видѣли, закрѣпощеніе кметей, начатое во второй половинѣ XIV и почти завершившееся къ концу XV вѣка. Но вскорѣ оказалось, что это средство не вполне достигаетъ своей цѣли: помѣщичьи хозяйства продолжали нуждаться въ рабочихъ рукахъ и, чтобы удовлетворить этой нуждѣ, является новое средство: обязательная работа вмѣсто чинша или панщина прикрѣпленныхъ къ землѣ кметей. Мы видѣли, что ранѣе всего панщина, въ видѣ общаго постановленія, появилась въ Мазовіи, но она существовала и въ другихъ частяхъ Польши, не въ формѣ, однако, государственнаго установленія, а въ формѣ частныхъ договоровъ. Вообще нужно замѣтить, что въ старой Польшѣ законъ является по большей части лишь утвержденіемъ совершившагося уже въ жизни народа факта ²⁾. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: втеченіе XV вѣка мы не знаемъ общаго государственнаго установленія для всей Польши относительно панщины, но, тѣмъ не менѣе, она существуетъ и развивается посредствомъ частныхъ условій землевладѣльцевъ съ крестьянами ³⁾. Нетрудно видѣть, такимъ образомъ, что къ концу XV вѣка положеніе крестьянъ въ областяхъ польской Рѣчи Посполитой значительно ухудшилось. Тяжесть этого положенія еще яснѣе встанетъ передъ нами, когда мы присмотримся къ содержанію жалобъ кметей на помѣщиковъ, шедшихъ въ земскіе суды, пока эти послѣдніе не были еще закрыты для подобнаго рода жалобъ ⁴⁾. Кмети жалуются съ одной стороны на плохое обхожденіе и непрерывныя угнетенія, испытываемыя ими отъ помѣщиковъ, на то, что ихъ бьютъ, калѣчатъ, безъ суда заключаютъ и держатъ въ колодкахъ и т. п., съ другой стороны на то, что помѣщики отнимаютъ у

¹⁾ Lubomirski, l. c., s. 809—813.

²⁾ Hüppe, Verfassung der Republik Polen, Berlin, 1867, s. 25 и 28.

³⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. Warsz. 1857, II, s. 828.

⁴⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. W. 1861, III, s. 31—2.

нихъ землю или уменьшаютъ ея количество, не выполняютъ договоровъ, выгоняютъ изъ имѣній раньше срока, повышаютъ чиншъ и неправильно собираютъ его, жалуются на потери отъ грабежа за долги и вины помѣщиковъ и т. д.; словомъ, передъ нами рисуется уже полный произволь помѣщичьей власти надъ крѣпостными, который несомѣнно долженъ былъ еще усилиться послѣ закрытія общихъ судовъ для крестьянскихъ жалобъ на судъ патримоніальный. Само собою разумѣется, что всѣ эти постепенныя измѣненія въ судьбѣ польскаго крестьянства не могли пройти вполнѣ спокойно, безъ какого бы то ни было протеста съ его стороны. Дѣйствительно, въ XV вѣкѣ замѣчается сильное броженіе крестьянъ почти на всемъ протяженіи Рѣчи Посполитой ¹⁾, но это броженіе крестьянъ выразалось только въ единичныхъ вспышкахъ и преступленіяхъ, совершавшихся надъ жизнью и имуществомъ помѣщиковъ, не переходя въ общее возстаніе. Для этого, не говоря уже о слишкомъ большой придавленности и угнетенности кметей, были особыя причины. Возставшіе крестьяне не могли бы ни отъ кого ожидать себѣ поддержки: города, солидарные въ другихъ странахъ по своимъ интересамъ съ крестьянствомъ, въ Польшѣ были населены чуждыми ему нѣмцами и евреями и не только не оказывали никакой поддержки кметямъ, но еще сами стремились къ большому закрѣпощенію подвластныхъ имъ деревень ²⁾. Эта рознь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ не мало содѣйствовала униженію послѣдняго. Между тѣмъ у крестьянъ оставалось еще другое средство спасенія отъ угнетенія тамъ, гдѣ оно становилось невыносимымъ; средство это заключалось въ бѣгствѣ. На югѣ государства лежали еще крайне рѣдко населенныя области и владѣльцы находившихся въ нихъ имѣній не жалѣли усилій и льготъ, чтобы привлечь сюда въ возможно большемъ количествѣ работниковъ и тѣмъ поднять свои доходы. Понятно, что они охотно принимали къ себѣ кметей, бѣжавшихъ изъ другихъ частей Польши, и не обращали особеннаго вниманія на законы, воспрещавшіе это и требовавшіе немедленной выдачи бѣглыхъ ³⁾. Кромѣ этихъ частныхъ имѣній на югѣ го-

¹⁾ Ibidem, s. 38—42.

²⁾ Lubomirski, l. c., s. 43.

³⁾ На Руси еще въ началѣ XVI столѣтія различныя привилегіи обуславливали невыдачу бѣжавшихъ и поселившихся здѣсь кметей. См. Lubomirski, *Roін. ludn. w Polsce*, Bibl. W. 1857, II, s. 817.

сударства, подобное же убѣжище бѣжавшимъ отъ пановъ крестьянамъ доставляли королевскія имѣнія, преимущественно тѣ, гдѣ еще сохранились до нѣкоторой степени старыя польскія общины съ собственнымъ, хотя и неполнымъ, самоуправленіемъ ¹⁾). Народный протестъ противъ утверждавшагося строя крестьянскихъ отношеній въ Польшѣ напелъ, такимъ образомъ, себѣ выраженіе въ отдѣльныхъ вспышкахъ и въ бѣгствѣ кметей, которое подъ конецъ XV вѣка приняло почти повальный характеръ. Отсюда для государственной власти, воплощавшейся теперь въ землевладѣльческой шляхтѣ, являлась задача—докончить закрѣпощеніе кметей и направить всѣ усилія къ тому, чтобы предотвратить возможность ихъ бѣгства, что, дѣйствительно, и произошло въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Но, прежде чѣмъ продолжать этотъ краткій очеркъ исторіи крестьянскихъ отношеній въ Польшѣ, мы должны вернуться еще разъ назадъ и бросить бѣглый взглядъ на то, какъ складывался строй государственной жизни страны въ это время. Мы видѣли, что по договору, сдѣланному Людовикомъ Венгерскимъ въ 1374 году въ Кошицахъ съ шляхтой, королевская власть лишилась одного изъ важнѣйшихъ своихъ правъ—назначенія податей и тѣмъ самымъ попала въ зависимость отъ шляхты и духовенства. Съ теченіемъ времени эта зависимость все болѣе усиливалась. Когда, посредствомъ брака Ягелла на польской королевѣ Ядвига, Литва соединилась съ Польшею, Ягелло распространилъ на литовскихъ дворянъ всѣ права и привилегіи польской шляхты, а въ 1422 году издалъ въ Едльнѣ знаменитый статутъ, по которому обязался никакого шляхтича не арестовать безъ суда. При Ягеллѣ же шляхта получила и нѣкоторыя новыя существенныя привилегіи: король обязался, между прочимъ, ничего не предпринимать безъ согласія шляхты. Послѣдовавшія по смерти Ягелла смуты только усилили значеніе шляхты и льготы ея остались ненарушимы. Послѣ льготъ, данныхъ шляхтѣ Ягеллой, власть землевладѣльческаго сословія можно было уже считать вполне установившеюся и всѣ остальные полученныя имъ привилегіи имѣютъ уже не такое важное значеніе. Чрезвычайную важ-

¹⁾ Такова была, напр., община курпей въ Остролецкой пушчѣ. См. объ этой интересной общинѣ Przyborowski, Włościanie u nas i gdzieindziej. Wilno 1881 и Maciejowski, l. c., s. 52—60.

ность для исторіи Польши имѣло соединеніе ея съ Литвою: это соединеніе дѣлало Польское государство однимъ изъ сильнѣйшихъ въ Европѣ, но въ то же время ставило Польшу лицомъ къ лицу съ опаснымъ врагомъ, именно съ русскими, значительная часть которыхъ принадлежала въ то время къ великому княжеству Литовскому и успѣла уже до нѣкоторой степени руссифицировать его, распространяя здѣсь православную вѣру, русскій языкъ и гражданственность. Борьба между двумя элементами — русскимъ и польскимъ — началась уже вскорѣ послѣ соединенія, и началась съ того самаго вопроса, который вызывалъ столкновенія русскихъ съ поляками три съ половиной вѣка спустя, въ эпоху раздѣловъ Рѣчи Посполитой, именно съ вопроса религіознаго. Ягелло, распространяя на литовскихъ дворянъ привилегіи польской шляхты, устранилъ отъ участія въ нихъ православныхъ. Но особенное значеніе пріобрѣтаетъ для насъ эта борьба лишь съ той минуты, когда національные и исповѣдныя интересы совпали съ интересами сословными, когда крестьянство русскихъ областей, перешедшихъ теперь вмѣстѣ съ Литвою подъ польское владычество, выступило въ роли главнаго представителя русскаго и православнаго элемента въ этомъ краѣ. Это произошло уже позже.

Уже въ XV вѣкѣ, какъ мы видѣли, польское дворянство, отказавшись отъ военной и завоевательной дѣятельности, занялось преимущественно земледѣліемъ и съ цѣлью обезпечить себѣ необходимое количество рукъ для увеличенія распашки земли начало обязывать кметей договорами къ работѣ на своихъ земляхъ. XVI вѣкѣ въ Польшѣ представляетъ окончательное торжество крупнаго хозяйства надъ мелкимъ ¹⁾ какъ и, и слѣдовало ожидать, полную побѣду помѣщичьей власти надъ беззащитнымъ теперъ кметемъ. Въ началѣ этого вѣка, именно въ 1420 году, сдѣлано было первое общее постановленіе относительно барщины, по которому всѣ кмети могли быть принуждаемы владѣльцами къ отработкѣ одного дня въ недѣлю съ лана ²⁾. Но этотъ законъ даже не выражалъ уже существующихъ отношеній: во время его установленія панщина ушла уже впередъ. Въ 1530 году обязательной работой счита-

¹⁾ Stawiski, l. c., s. 37.

²⁾ Lubomirski, Roln. ludn. m Polsce, В. W. 1857, II, s. 829.

лось уже два дня въ недѣлю съ лана ¹⁾, въ 1581 году, слѣдовательно къ концу XVI вѣка, панщина доходила уже до 6 дней въ недѣлю. Напрасны были старанія государственной власти остановить это чрезмѣрное увеличеніе работы, истощавшее силы крестьянъ и доводившее ихъ до отчаянія. Мѣры, предпринимавшіяся къ этому, не достигали цѣли и часто даже вредили самимъ крестьянамъ ²⁾. Соразмѣрно съ увеличеніемъ панщины росъ и выкупъ отъ нея ³⁾. Въ то же время помѣщики, привлекаемые той выгодой, которую доставляло имъ земледѣліе, начинаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ все болѣе уменьшать земельные участки крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже отбираютъ ихъ и обращаютъ на потребности двора ⁴⁾. Мелкое крестьянское хозяйство съ уплатою чинша помѣщику удержалось только на югѣ государства и частью въ срединныхъ областяхъ; на сѣверѣ оно пало безвозвратно ⁵⁾.

Въ XVI же вѣкѣ пала и послѣдняя поддержка, какую еще имѣли крестьяне въ судахъ и въ королевской власти. Конституція 1496 года сдѣлала помѣщика отвѣтственнымъ за долги его кметя и поручила мѣщанамъ, давшимъ крестьянину деньги въ долгъ, обращаться къ доминіальному суду ⁶⁾. Въ 1531 году мазовецкимъ статутомъ воспрещено было крестьянамъ личное хожденіе по дѣламъ въ судахъ, какъ лицамъ несамостоятельнымъ ⁷⁾. Къ концу XVI вѣка крестьяне уже окончательно потеряли право становиться въ судѣ безъ помѣщика, а, слѣдовательно, и противъ него ⁸⁾. Наконецъ, въ 1566 году король Сигизмундъ Августъ торжественно отказался отъ всякихъ правъ короля вмѣшиваться въ шляхетскую собствен-

¹⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, B. W. 1857, II, s. 830; также и слѣдующее.

²⁾ Lubomirski, I. c., s. 836 — 7. Перечень этихъ мѣръ см. у него же, s. 820—2.

³⁾ Lubomirski, I. c., s. 835—6.

⁴⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, B. W. 1858, I, s. 248 и Stawiski I. c., s. 37. Впрочемъ, послѣдній считаетъ такіе случаи рѣдкими.

⁵⁾ Lubomirski, I. c., s. 267.

⁶⁾ Stawiski, I. c., s. 144 и Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, B. W. 1858, IV, s. 644.

⁷⁾ Рехневскій, I c., с. 69.

⁸⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. Warsz. 1862, II, s. 1—2.

ность ¹⁾, и такимъ образомъ судьба крестьянъ была рѣшена безповоротно въ смыслѣ полного подчиненія ихъ волѣ пановъ. Съ этихъ поръ прекращается, если можно такъ выразиться, политическая исторія крестьянъ и хотя законы часто говорятъ еще объ нихъ, но уже не какъ о самостоятельныхъ лицахъ, а какъ о собственности помѣщиковъ, правила возвращенія которой, на случай ея потери, и опредѣляются преимущественно конституціями ²⁾.

Такой взглядъ рѣзко проявился уже въ конституціи 1543 года, по которой кметъ, оставившій землю помѣщика, не исполнивъ всѣхъ предписаній закона, не могъ откупаться деньгами, но долженъ быть выданъ лично ³⁾. Такимъ образомъ ограниченіе права перехода крестьянъ постепенно преобразовывалось въ полное закрѣпощеніе и прежній свободный кметъ становился уже совершенно на ряду съ крѣпостнымъ ⁴⁾. При этомъ сліяніи кметей съ крѣпостными происходило въ то же время и сліяніе всѣхъ кметей въ одну массу: прежнія различія между ними исчезали; мѣстные льготы, существовавшія еще въ предшествовавшемъ вѣкѣ, одна за другой отнимались или приходили въ забвеніе. Такъ, въ Мазовіи въ 1563 году отмѣнено было поручительство, представлявшее до того времени значительную защиту кметямъ отъ произвола помѣщиковъ. Наконецъ, въ 1573 году, послѣдовало постановленіе Варшавской генеральной конфедераціи, собранной по смерти Сигизмунда и окончательно установившей полную и неограниченную власть пановъ надъ своими крѣпостными. «Духовные и свѣтскіе владѣльцы, говорится здѣсь, имѣютъ право на полное повиновеніе и послушаніе своихъ подданныхъ, и еслибы послѣдніе осмѣлились подъ предлогомъ вѣры имъ сопротивляться, то такіе владѣльцы могутъ своихъ подданныхъ, непослушныхъ имъ въ духовномъ ли, или въ гражданскомъ отношеніи, подвергать наказаніямъ по своему

¹⁾ Костомаровъ, Последніе годы рѣчи Посполитой, т. I, с. 44. Lubomirski Bibl. W. 1861, III, с. 48.

²⁾ Hüppe I. с., с. 62.

³⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. Warsz. 1857, II, с. 815

⁴⁾ вмѣстѣ съ этимъ и прежнее названіе крестьянина, кметъ (kmiec, kmetho), исчезаетъ, и его мѣсто занимаетъ въ обыкновенной рѣчи слово chłop, а въ официальномъ языкѣ poddany. См. Hüppe, Verfassung der Republik Polen, с. 63.

усмотрѣнію» ¹⁾). Это постановленіе было апогеемъ развитія помѣщичьей власти. Дѣйствительно, по ясному свидѣтельству Кромера, помѣщики имѣли власть надъ жизнью и смертью своихъ крестьянъ и начало этой власти можно видѣть только въ приведенномъ постановленіи Варшавской конфедераціи ²⁾. Не нужно, конечно, думать, что такимъ правомъ пользовались часто уже съ самаго начала: самая неопредѣленность постановленія указываетъ скорѣе на то, что первоначально оно могло и не имѣть того роковаго значенія, какое ему придали впоследствии. Не лишено значенія и то обстоятельство, что это постановленіе совпадаетъ съ прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ и началомъ правленія избирательныхъ королей, еще менѣе, чѣмъ первые, имѣвшихъ средствъ вступить за угнетенный народъ. XVI вѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи окончаніе предъидущаго періода: то, что начато было въ XIV и XV вѣкахъ, въ видѣ патримоніальнаго суда, ограниченія права перехода крестьянъ, сближенія различныхъ ихъ разрядовъ, получило въ XVI вѣкѣ полную законченность въ совершенномъ сліянніи крестьянъ въ одну крѣпостную массу, безусловной и неограниченной ничѣмъ власти помѣщиковъ надъ нею и прикрѣпленіи ея къ землѣ. Теперь, когда крестьяне не имѣли за себя никакихъ представителей, когда престоль сдѣлался избирательнымъ, и вслѣдствіе этого королевская власть все болѣе и болѣе уменьшалась, когда городское населеніе теряло послѣднія права на участіе въ политической жизни

¹⁾ Въ полномъ видѣ эта статья (4) акта конфедераціи гласитъ слѣдующее: «Wszakże przez konfederacyją naszą zwierchności żadnej nad poddanymi ich, tak panow duchownych jak i świeckich nie derogujemy i posłuszeństwa żadnego przeciwko panom ich nie psujemy; i owszem, jeśliby takowa licencyja gdzie była «sub praetextu religionis», tedy, jako zawsze było, będzie wolno i teraz każdemu panu poddanego swego nieposłusznego «tam in spiritualibus, quam in saecularibus» podług rozumienia swego skarac».

²⁾ Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, Kraków, 1882, t. I, s. 355. Корзонъ приводитъ предшествующія постановленія, по которымъ убійство хлопа въ Коронѣ (конст. 1496, 1581 и 1631 гг.) наказывалось денежной пеней, а въ Литвѣ (Литовскій статутъ) смертною казнью. Постановленія эти не были отменены, но толкованіе шляхтой приведеннаго акта Варшавской конфедераціи въ пользу своей безграничной власти надъ хлопами заставило забыть ихъ. Корзонъ, однако, забываетъ, что приводимыя имъ постановленія относятся не къ господину крестьянина, а къ чужому шляхтичу; послѣдній денежной пеней возмѣщалъ нанесенный убытокъ. Ср. Hüppe, I. с., s. 63.

страны подъ напоромъ враждебной ему шляхты, и эта послѣдняя дѣлалась полновластной распорядительницей судебъ государства, крестьяне, конечно, могли ждать поворота въ своемъ положеніи скорѣе въ худшую, чѣмъ въ лучшую сторону.

Такъ оно и случилось на дѣлѣ. При Стефанѣ Баторіи былъ послѣдній случай принятія крестьянина въ дворянское сословіе королемъ. Съ 1588 года одинъ только господинъ крестьянина имѣлъ право освободить его ¹⁾, а право нобилитациі перешло отъ короля къ сеймамъ. Кромѣ своего господина, крестьянинъ не зналъ теперь никого: ни судъ, ни высшая правительственная власть не имѣли никакого отношенія къ нему. Только въ королевскихъ имѣніяхъ еще сохранялась для крестьянъ возможность апелляціи отъ старостъ къ королевскому суду ²⁾.

Въ этомъ же XVI вѣкѣ, закончившемъ собою исторію паденія свободнаго крестьянства старой Польши, положено было начало новыхъ отношеній между крестьянами и шляхтой, въ которыхъ послѣдняя выступаетъ уже не въ роли помѣщика, эксплуатирующаго трудъ своихъ крѣпостныхъ, а въ роли купца - монополиста. Собственно говоря, первые зачатки такихъ отношеній появились еще въ XV вѣкѣ, когда кмети сдѣлались объектомъ пропинаціи, т. е. когда они обязаны были покупать всякіе крѣпкіе напитки исключительно у своего помѣщика, сдававшаго обыкновенно должность корчмаря еврею, который платилъ за это болѣе или менѣе значительную сумму денегъ и затѣмъ, стараясь возратить ее съ барышемъ, всѣ усилія употреблялъ къ тому, чтобы спаивать крестьянъ, въ чемъ находилъ помощь и содѣйствіе со стороны помѣщичьей власти, или, какъ говорилось въ Польшѣ, двора ³⁾. Но дальнѣйшее развитіе это начало получило только въ XVI вѣкѣ, именно въ 1507 году, когда издано было запрещеніе всякой торговли въ селахъ, за исключеніемъ торговли хлѣбомъ и скотомъ ⁴⁾. Вслѣдствіе этого распоряженія, вызваннаго чисто экономическими соображеніями, которыя, встаети сказать, почти исключительно и руководили въ

¹⁾ Hüppe, I. c., s. 63.

²⁾ Hüppe, I. c., s. 61.

³⁾ Maciejowski, I. c., s. 104.

⁴⁾ Рехневскій, I. c., s. 69.

этотъ періодъ государственной властью, направляемой помѣщиками-шляхтичами, крестьяне попадали въ тѣснѣйшую зависимость отъ своихъ господъ, зависимость уже вполне экономического свойства. Между тѣмъ въ это самое время характеръ самой шляхты подвергся коренному измѣненію: подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, преимущественно же благодаря множеству важныхъ льготъ, добытыхъ ею, шляхта къ концу XVI и началу XVII вѣка потеряла свою прежнюю подвижность и воинственность и, усѣвшись по своимъ имѣніямъ, усердно занялась сельскимъ хозяйствомъ. Мы видѣли выше, что начало и этого явленія коренилось въ предъидущемъ времени, но съ особенною силою оно выказалось именно въ XVI вѣкѣ; мы видѣли далѣе, что, благодаря этому, закрѣпленіе крестьянъ производилось съ особенною строгостью и мѣры противъ бѣгства ихъ принимались съ особенною настойчивостью. Это же поселеніе шляхты по деревнямъ, оставленіе ею военнаго поприща, повліяло и въ другомъ смыслѣ на ея характеръ: постепенно прежняя простота и строгость нравовъ стали исчезать и замѣняться роскошью и распущенностью, которыя были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче былъ шляхтичъ и чѣмъ ближе жилъ онъ къ городамъ. Понятно, что такое измѣненіе образа жизни шляхты должно было замѣтно отразиться на отношеніяхъ ея къ своимъ крѣпостнымъ, и, дѣйствительно, не трудно замѣтить, что съ конца XVI вѣка все болѣе и болѣе и въ этихъ отношеніяхъ исчезаетъ старый патріархальный строй, все тяжелѣе становится угнетеніе крестьянъ и полнѣе эксплуатация ихъ труда. Были и тогда уже люди, замѣчавшіе это зло и приглашавшіе своихъ соотечественниковъ обратить свое вниманіе на его исправленіе ¹⁾, но увѣщанія ихъ остались тщетны: плохо понимаемая экономическія соображенія заглушали голосъ сердца, и отношенія между шляхтой и крестьянами съ неумолимою послѣдовательностью продолжали развиваться все по тому же пути. Но, какъ было уже показано, къ концу XVI вѣка польскіе крестьяне потеряли всѣ свои личные права, сдѣлались полной собственностью помѣщиковъ и дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи возможно было исключительно въ области практической жизни. Такъ оно и

¹⁾ Перечисленіе ихъ находится, между прочимъ, въ брошюрѣ «Odpowiedź na pytanie», Давида Пильховскаго, вышедшей въ 1789 г.

вышло на дѣлѣ. Нужно думать, что изданное въ 1496 году запрещеніе мѣщанамъ и крестьянамъ владѣть земскими имѣніями не сразу было выполнено, такъ какъ въ XVI вѣкѣ оно еще подтверждалось нѣсколько разъ ¹⁾. Подобныя запрещенія исходили изъ того положенія польскаго государственнаго права, что владѣніе земскими имѣніями, какъ необходимое условіе для пользованія всѣми гражданскими правами, можетъ принадлежать только шляхтѣ. Но этого мало: вскорѣ и та земля, на которой сидѣлъ крестьянинъ, обязанный пану, стала рассматриваться, какъ полная и неотъемлемая собственность послѣдняго, въ прямой противоположности съ крѣпко державшимся еще у народа взглядомъ, по которому земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ. Изданъ былъ цѣлый рядъ предписаній, воспрепятствовавшихъ крестьянину заключать долги подъ залогъ земли, а затѣмъ и инвентаря; наконецъ, эта забота простерлась такъ далеко, что законодательнымъ путемъ опредѣлена была величина возможныхъ для крестьянина займовъ, къ концу XVI вѣка не свыше 2-хъ копъ грошей ²⁾. Подобное вторженіе въ область частной собственности, лишеніе свободы распоряжаться своимъ имуществомъ, само собою разумѣется, не могли дать хорошихъ результатовъ и на дѣлѣ привели къ фактамъ, совершенно противоположнымъ основной мысли этихъ распоряженій, — именно къ страшной задолженности отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлыхъ общинъ евреямъ ³⁾. Эти послѣдніе рѣшались давать крестьянамъ деньги въ долгъ безъ обезпеченія въ видѣ залога, но при этомъ вознаграждали себя за рискъ такими процентами, которые въ конецъ разоряли крестьянъ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, въ XVII вѣкѣ начинается быстрое паденіе крестьянскаго хозяйства, сопровождавшееся все большимъ угнетеніемъ со стороны помѣщичьей власти. Власть эта была тѣмъ тяжелѣе, что въ большинствѣ случаевъ она не знала непосредственнаго сношенія съ народомъ. Мало-мальски крупный помѣщикъ управлялъ обыкновенно своимъ имѣніемъ не самъ лично, а при посредствѣ экономовъ-управляющихъ, или же сдавалъ его въ аренду, по большей части евреямъ. Управляющіе и арендаторы, стре-

¹⁾ Напр. въ 1538 г. См. Рехневскій, I, с., с. 68.

²⁾ Lubomirski, Roln. iudn. w Polsce, Bibl. Warsz. 1858, IV, s. 644.

³⁾ Lubomirski, I, s. 64-с7

мься нажитья сами и не имѣя ничего почти общаго съ подчиненнымъ имъ народомъ, кромѣ національности и языка,—да и то не всегда,—не задумывались безпоощадно притѣснять этотъ народъ, въ чемъ ихъ не могли остановить и соображенія личной выгоды, такъ какъ ихъ судьба не была связана съ судьбою имѣнія. Какъ увидимъ ниже, эта характерная черта польскаго хозяйства—управленіе, основанное на арендѣ,—особенно останавливала на себѣ вниманіе постороннихъ наблюдателей и вызывала протесты со стороны самихъ поляковъ. Эта особенность еще усиливала то тяжелое бремя, которое лежало на польскихъ крестьянахъ, содѣйствуя въ то же время большому разединенію ихъ съ помѣщиками. Между тѣмъ, отрицаніе всякихъ правъ крестьянъ на землю нашло свое высшее выраженіе въ переселеніи ихъ съ одного мѣста на другое, совершавшемся по желанію помѣщика, иногда даже безъ согласія самихъ крестьянъ, и въ полномъ отнятіи у нихъ земли, что также иногда имѣло мѣсто. Подобныя насильственныя переселенія сдѣлались особенно часты къ концу XVII вѣка, преимущественно въ Малой Польшѣ ¹⁾. Подъ вліяніемъ всего этого, хозяйство крестьянъ все болѣе и болѣе падало и къ концу того же XVII столѣтія оно находилось въ самомъ печальномъ положеніи ²⁾. Рядомъ съ экономическимъ паденіемъ крестьянъ существовало и все болѣе усиливалось глубокое нравственное паденіе. Если въ XV вѣкѣ польскіе крестьяне, несмотря на всю тяжесть своего положенія, не нашли въ себѣ достаточно силы, чтобы поднять возстаніе, то въ XVII-мъ тѣмъ менѣе могли они найти эту силу. Бывали случаи неповиновенія помѣщикамъ или ихъ управителямъ отдѣльныхъ громадъ, какъ такіе случаи бывали и раньше, но, не говоря уже объ общемъ возстаніи, среди крестьянъ собственной Польши въ это время нельзя замѣтить даже такого броженія, какое происходило между ними въ XV вѣкѣ. Пассивно и какъ бы безучастно относились крестьяне къ своей судьбѣ, отказавшись, повидимому, отъ всякой надежды на ея улучшеніе и безропотно перенося тяжелыя угнетенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крестьянинъ все болѣе терялъ свои надежды и становился униженнымъ и забитымъ, онъ терялъ и всякую

¹⁾ Lubomirski, l. c., s. 649 и пр. 1.

²⁾ Неопровержимыя доказательства этого приведены Любомирскимъ, l. c., s. 650, 659, 663—674.

охоту къ работѣ, подь непосредственнымъ давленіемъ своихъ пановъ приучался къ пьянству ¹⁾, и самыя тяжелыя наказанія не могли его принудить къ тому, всякія побужденія къ чему у него были отняты,—къ добросовѣстному земледѣльческому труду ²⁾. Значительная часть сельскаго населенія обращалась въ бремя для самихъ помѣщиковъ и еще болѣе значительная—проникалась ненавистью и враждой не только къ этимъ послѣднимъ, но и ко всему государственному строю Рѣчи Посполитой, представительницей котораго являлась все та же полновластная шляхта.

Такъ было дѣло въ собственно польскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. Иначе шло оно въ земляхъ, гдѣ коренное населеніе принадлежало къ русской, или, вѣрнѣе, малорусской національности. Въ Литвѣ, гдѣ массу населенія составляло бѣлорусское племя, угнетеніе крестьянъ было нисколько не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ въ собственной Польшѣ, чему содѣйствовали въ значительной степени и утвердившійся здѣсь феодальный строй ³⁾. Но въ Украинѣ, населенной энергическимъ, живымъ и сильнымъ малорусскимъ племенемъ, пріобрѣтшимъ особенную воинственность благодаря сосѣдству съ хищными крымцами, угнетенія никогда не могли достигнуть той степени, чтобы задавить окончательно въ народѣ способность сопротивленія. Здѣсь всегда готово было вспыхнуть возмущеніе противъ пановъ, обостряемое еще различіемъ національности и вѣры. Громадное вліяніе послѣднихъ двухъ факторовъ не требуетъ здѣсь поясненій и доказательствъ, но главную роль въ возстаніяхъ козаковъ противъ Польши играло все-таки угнетеніе крестьянъ. Выше было уже говорено, что недовольные крестьяне спасались бѣгствомъ въ южно-русскія области по преимуществу; здѣсь они или поселялись на панскихъ земляхъ, пользуясь льготными условіями, или же уходили на Запорожье и пополняли собою ряды козачества. Понятно, что среди нихъ и жила, главнымъ образомъ, ненависть къ пан-

¹⁾ Каждый крестьянинъ обязанъ былъ брать отъ двора или его арендатора извѣстное количество крѣпкихъ напитковъ.

²⁾ Любомирскій приводитъ поразительный примѣръ этого: въ 1666 г. въ имѣніяхъ Конецпольскаго крестьянинъ Альбертъ Зыска былъ приговоренъ къ казни за нерадѣніе къ хозяйству. Lub. I. c., s. 648, прим. 2.

³⁾ См. Новицкій, Крестьяне въ Польшѣ, Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I. Киевъ, 1876.

скому владычеству и когда шляхта, неуклонно преслѣдуя свои интересы и цѣли, попыталась провести на практикѣ взглядъ на всѣхъ такихъ козаковъ, какъ на бѣглыхъ крѣпостныхъ, и обработить ихъ снова въ то состояніе, изъ котораго они вышли ¹⁾, то послѣдоваль рядъ козацкихъ возстаній и войнъ, послѣдствіемъ которыхъ было, наконецъ, отдѣленіе лѣвобережной Украины отъ Польши и присоединеніе къ Московскому государству. Но этимъ присоединеніемъ части Малороссіи къ Московскому государству не окончились смуты въ той части, которая осталась за Польшей. Польская шляхта, не проученная тяжелымъ урокомъ, продолжала тѣснить и угнетать въ ней народъ, не только отягощая его непосильными коборами и работами, но и тяжело оскорбляя его религіозное чувство, силой навязывая ему унию и всячески унижая православную религію. Немудрено поэтому, что и въ остальной части Малороссіи, лишь благодаря выгодно сложившимся политическимъ обстоятельствамъ оставшейся за Польшей, народъ мечталъ свергнуть съ себя польскую власть и при первомъ удобномъ случаѣ готовъ былъ поднять возстаніе.

Съ такимъ положеніемъ крестьянъ перешла Рѣчь-Посполитая въ XVIII вѣкъ. Къ этому времени внутреннее разложенеіе государства достигло своего апогея. Правящій классъ, составленный въ громадномъ большинствѣ изъ необразованной, можно даже сказать, невѣжественной, но гордой своимъ значеніемъ въ государствѣ шляхты, испорченной притомъ своею полною, ничѣмъ, кромѣ собственнаго сознанія, не контролируемою властью надъ другими сословіями, направлялъ всѣ государственныя дѣла къ собственной выгодѣ, не заботясь объ общемъ благѣ страны. Паденіе нравственности польской шляхты доходило до изумительныхъ размѣровъ. Подкупы, насилія, несправедливость составляли обыкновенное явленіе въ ея жизни, а все усиливающаяся по западнымъ образцамъ роскошь заставляла увеличивать тяжесть налагаемой на крестьянъ работы. По словамъ одного изъ польскихъ изслѣдователей, на котораго мы уже часто ссылались, увеличеніе барщины въ духовныхъ имѣніяхъ съ XV по XVIII вѣкъ, представляется такимъ образомъ: въ 1481 году работали съ лана по одному дню въ недѣлю, въ 1530 г.—по 2 дня, въ 1581 г.—по 6 дней, въ

¹⁾ См. этотъ взглядъ на дѣло козаковъ еще у Нürре, 1. с., с. 342.

1603 г.—по 24 дня и въ 1678 г.—по 32 дня ¹⁾). Чтобы объяснить эти, на первый взгляд невѣроятныя, цифры, нужно принять во вниманіе, что съ теченіемъ времени уменьшалась величина самого лана, въ вычисленіяхъ же Любомирскаго, она остается постоянной. Еще хуже было дѣло въ свѣтскихъ имѣніяхъ: здѣсь, какъ говорить тотъ же изслѣдователь ²⁾, въ XVI вѣкѣ кмети работали съ лана отъ одного до шести дней въ недѣлю, а въ половинѣ XVIII вѣка количество рабочихъ дней въ недѣлю съ такого же лана доходило до 96. Втеченіе всей первой половины XVIII столѣтія не произошло никакого улучшенія въ судьбѣ крестьянъ, не было сдѣлано ни одной почти попытки свернуть съ того пути, по которому шли въ этомъ отношеніи до сихъ поръ. Послѣдствія такого положенія вещей не замедлили вскорѣ обнаружиться: если XVII вѣкъ произвелъ въ Польшѣ паденіе крестьянскаго хозяйства, то XVIII можно назвать вѣкомъ паденія всего сельскаго хозяйства Польши, какъ крестьянскаго, такъ и помѣщичьяго ³⁾. Польша, считавшаяся нѣкогда, по выраженію польскихъ писателей, житницей Европы, сама обѣднѣла теперь хлѣбомъ, не взирая на все плодородіе своей почвы, на ту поистинѣ каторжную работу, которую несли на этой почвѣ прикрѣпленные къ ней крестьяне, на всѣ усилія помѣщиковъ поднять свое экономическое благосостояніе. Кругъ развитія, повидимому, закончился и въ результатѣ его виднѣлось полное разореніе какъ обездоленныхъ, лишенныхъ всѣхъ человѣческихъ правъ и нещадно эксплуатируемыхъ крестьянъ, такъ и безконтрольно и безответственно господствовавшей надъ ними шляхты.

Такова въ общихъ чертахъ исторія развитія крестьянскихъ отношеній въ Польшѣ: общинное устройство и землевладѣніе въ первоначальномъ періодѣ, разрушеніе этого строя въ историческій періодъ уже къ XII и XIII вѣку, установленіе первые прикрѣпленія въ XIV столѣтіи въ пользу шляхты и духовенства, уже раньше добывшихъ себѣ право суда надъ поселявшимися на ихъ земляхъ крестьянами, достиженіе шляхтой господства въ странѣ и, подъ влияніемъ этого господства, окончательное закрѣпощеніе кметей къ концу XV вѣка, бы-

¹⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. Warsz., 1857, II, s. 830.

²⁾ Lub., I. c., s. 832—33.

³⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. Warsz., I, s. 274—6.

строе развитіе барщины подѣ вліяніемъ экономическихъ условий страны и политическаго ея быта въ XVI вѣкѣ, къ которому относится въ тоже время сліяніе всѣхъ крестьянъ Польши въ одинъ классъ крѣпостныхъ, за немногими исключениями, окончательная потеря ими личныхъ и гражданскихъ правъ, уничтоженіе провинціальныхъ особенностей, служившихъ въ пользу крестьянамъ; наконецъ, экономическая неволя, начавшаяся въ XV, но окончательно развившаяся все въ томъ же XVI столѣтіи, — вотъ характерныя черты этого развитія. XVII-й и XVIII-й вѣка прибавили къ нему лишь нѣкоторыя мелкія дополненія, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ его результатъ въ видѣ раззоренія страны и паденія ея земледѣлія.

Послѣ этого краткаго и, само собою разумѣется, неполнаго, но тѣмъ не менѣе необходимаго, по нашему мнѣнію, для лучшаго пониманія дальнѣйшаго, очерка главныхъ явленій въ исторіи польскаго крестьянства, мы можемъ перейти къ положенію его непосредственно передъ тѣмъ временемъ, которое составляетъ собственно предметъ настоящаго сочиненія, т. е. предъ послѣднею четвертью XVIII вѣка.

Къ этому времени вся земля въ Польшѣ, а слѣдовательно и жившіе на ней крестьяне, принадлежали или королю, или духовенству, или, наконецъ, шляхтѣ. Были, правда, нѣкоторыя исключенія въ пользу городовъ, но ихъ было такъ немного, что можно и не принимать ихъ въ расчетъ. Положеніе крестьянъ разнилось смотря по роду ихъ владѣльца и вообще въ королевскихъ и духовныхъ имѣніяхъ оно было лучше, нежели въ имѣніяхъ шляхетскихъ ¹⁾. Въ виду этого мы сначала и обратимся къ этимъ первымъ.

Принадлежавшія коронѣ имѣнія или «королевщизны» дѣлились на два разряда: одни, подѣ названіемъ староствъ, предназначались для награды заслугъ шляхты и давались въ управленіе старостамъ, съ обязательствомъ представлять въ казну четвертую часть дохода, другія были назначены собственно для содержанія короля и потому носили имя «столовыхъ имѣній», но также не управлялись непосредственно королевскими чиновниками, а сдавались въ аренду. Тѣмъ не менѣе крестьяне этихъ имѣній пользовались возможностью жалобы на своихъ

¹⁾ См., напримѣръ, Stawiski, Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego, s. 183 и Korzon, l. с., t. 1, s. 350—1. Подробнѣе объ этомъ ниже.

управителей и были даже учреждены для этого особые суды, носившіе сперва названіе ассессорскихъ (при Сигизмундѣ I, Сигизмундѣ II, Августѣ и Стефанѣ Баторіи), а затѣмъ референдарскихъ (съ Сигизмунда III) ¹⁾. Суды эти разбирали апелляціи на суды старостинскіе и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени ограждали крестьянъ отъ произвола. Нельзя, однако, придавать этому учрежденію слишкомъ большаго значенія. Въ нихъ, въ концѣ-концовъ, засѣдали все тѣ же шляхтичи, имѣвшіе гораздо болѣе интереса вступаться за свою братью, чѣмъ за крестьянъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Любомирскій, котораго нельзя упрекнуть въ пристрастіи: «Такъ какъ въ референдарскомъ судѣ засѣдалъ только одинъ судья, рѣшенія котораго были безапелляціонны, а по своему сословию, интересамъ и настроенію онъ былъ чуждъ простому народу, то онъ и не имѣлъ въ глазахъ послѣдняго тѣхъ свойствъ безпристрастія и авторитета, которыя историкъ хотѣлъ бы въ немъ видѣть. Втеченіе двухъ вѣковъ не появилось ни одного референдарія, который бы проложилъ новый путь, поступая на основаніи юридическихъ принциповъ. Практика референдарскихъ судовъ была темна, противорѣчива, запутана и непостоянна. Насколько можно заключить изъ нѣсколькихъ десятковъ сохранившихся актовыхъ книгъ, суды эти держались приблизительно слѣдующей практики. Они признавали древнія привилегіи королей уничтоженными законодательствомъ сеймовъ, а позднѣйшія подтвержденія королями привилегій полученными вслѣдствіе неточныхъ свѣдѣній, или утверждали, что коронная канцелярія, издавая ихъ, преступила свою власть. Конституціи конца XV и начала XVI вв. они считали уничтоженными *de facto* (конституціи временъ Сигизмунда II, стѣсняющія личную свободу и обязывающія къ работѣ, въ XVIII в. считались слишкомъ благопріятными для кметей); поэтому практика признавала обязательными не королевскія привилегіи, не конституціи, но только люстраціи и свои декреты, при изданіи которыхъ основывалась не на привилегіяхъ и конституціяхъ, а на мѣстномъ обычаѣ» ²⁾. Если мы прибавимъ къ этому проводочку дѣль, весьма обыкновенную въ референдарскомъ судѣ ³⁾,

¹⁾ Lubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Ribl Warsz. 1862, II, s. 4.

²⁾ Lubomirski, l. c., s. 6—7.

³⁾ Lub., l. c., s. 5.

и то обстоятельство, что онъ простирался не на всю область польскихъ земель — именно, Пруссія, два великопольскія воеводства, лежащія за Каѣишемъ, и воеводства Брацлавское, Подольское и Кіевское оставались внѣ круга его дѣятельности ¹⁾, — то значеніе его, конечно, сильно умалится въ нашихъ глазахъ. Тѣмъ не менѣе, значительная часть королевскихъ крестьянъ находила въ немъ хоть какую-нибудь защиту противъ притѣсненій, и это бесспорно составляло важное преимущество ихъ положенія. Съ нихъ не могли быть взимаемы управителями произвольные и излишніе поборы, а если и взимались, то составляли злоупотребленіе, которое могло быть отмѣнено судебнымъ порядкомъ по жалобѣ самихъ крестьянъ. Правда, эти послѣдніе въ королевскихъ имѣніяхъ несли за то нѣкоторыя повинности, отъ которыхъ были избавлены крестьяне помѣщичьи, именно повинности государственныя: они должны были подвергаться постою солдатъ, содержать новобранцевъ, платить таможенные пошлины, доставлять подводы подъ войско ²⁾. Но все это не могло сравниться съ тѣмъ бременемъ, которое лежало на помѣщичьихъ крестьянахъ, и современники единогласно свидѣтельствуютъ о сравнительно лучшемъ положеніи хлопковъ королевскихъ имѣній ³⁾. Сравнительная выгода этого положенія заключалась, главнымъ образомъ, въ его обезпеченности, въ возможности для крестьянина быть увѣреннымъ, что его не согонятъ завтра по капризу владѣльца съ земли и что въ случаѣ слишкомъ большихъ притѣсненій ему не закрыта возможность жалобы.

Нѣсколько отъ другихъ условій зависѣло лучшее положеніе крестьянъ въ духовныхъ имѣніяхъ. Здѣсь, какъ и въ имѣніяхъ шляхетскихъ, не было для крестьянъ возможности жаловаться на владѣльца въ общіе или королевскіе суды, апелляція же къ капитуламъ, существовавшая до XVIII вѣка, прекратилась уже въ началѣ этого столѣтія ⁴⁾, и такимъ образомъ, повидимому, открывалась широкая свобода произволу. На дѣлѣ, однако, выходило не совсѣмъ такъ. Бывали, конечно,

¹⁾ Lub., I. c., s. 8.

²⁾ Stawiski, I. c., s. 183.

³⁾ Greveniz, Włocianin w Polsce, 1818, s. 7 — 8. O poddanych polskich, r. 1788, s. 95, przyp. 66.

⁴⁾ Eubomirski, Roln. ludn. w Polsce, Bibl. Warsz. 1862, II, s. 2 4.,

и въ духовныхъ имѣніяхъ случаи произвола и насилія, да и не могло не быть ихъ при такой обстановкѣ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ Гревеница, «въ большей части бывшихъ духовныхъ деревень хаты, земледѣльческія орудія и скоть представляютъ свободную собственность крестьянина; земли тамъ достаточно, повинности умѣренны и во всемъ сказывается до нѣкоторой степени хорошіи быть» ¹⁾. Это объясняется уже самымъ характеромъ духовныхъ владѣльцевъ. Люди, такъ или иначе посвятившіе себя служенію Богу, не могли, понятно, черезчуръ угнетать своихъ крѣпостныхъ, и результатомъ этого и являлось болѣе благосостояніе крестьянъ въ духовныхъ имѣніяхъ, не обезпеченное, однако, никакими законами и установленіями. Само собою разумѣется, что самое слово благосостояніе нужно понимать здѣсь въ относительномъ смыслѣ. Но, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что обращеніе духовныхъ владѣльцевъ съ крестьянами носило на себѣ извѣстную печать мягкости, разъ объ этомъ свидѣлствуютъ намъ современники. Изъ среды духовныхъ, какъ увидимъ ниже, и въ концѣ XVIII в. выходятъ защитники простаго народа, какъ являлись они изъ этой же среды въ предъидущіе вѣка; наконецъ, нравы самого духовенства, какъ наиболѣе образованнаго сословія, были мягче, и все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало положеніе крестьянъ въ его имѣніяхъ болѣе сноснымъ.

Но главную массу крестьянскаго населенія Рѣчи Посполитой составляли помѣщичьи крестьяне, положеніе которыхъ было значительно хуже, чѣмъ крестьянъ королевскихъ и духовныхъ имѣній. Прежде, чѣмъ говорить, однако, о положеніи всей этой массы, мы должны отмѣтить нѣкоторыя исключенія, существовавшія и въ это время. Хотя независимость нѣмецкихъ общинъ была уже уничтожена и многія изъ нихъ были даже переведены на польское право, какъ это было указано выше, тѣмъ не менѣе оставалось еще къ послѣдней четверти XVIII вѣка въ Польшѣ значительное количество деревень на нѣмецкомъ правѣ, носившихъ имя «голендровъ» и отличавшихся тѣмъ, что обитатели ихъ не несли барщины, а платили владѣльцу чиншъ,

¹⁾ Greveniz, Włocianin w Polsce, 1818, s. 32. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ, что въ духовныхъ имѣніяхъ «менѣе отступали отъ законовъ и обязанностей», *ibidem*, s. 18.

опредѣленный договоромъ ¹⁾. Случаи нарушенія этихъ договоровъ были, впрочемъ, нерѣдки. Кроме того, среди собственно польскаго населенія были также крестьяне-чиншевики, т. е. платившіе помѣщику чиншъ деньгами или натурой и не отправлявшіе барщины ²⁾. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянамъ было предоставлено даже право наслѣдованія земли за извѣстный, разъ внесенный, окупъ (*zakupieństwo*) ³⁾. Въ Литвѣ существовалъ еще особый классъ крестьянъ, подъ названіемъ «бояръ», которые точно также платили только чиншъ ⁴⁾; въ Великой Польшѣ такіе крестьяне назывались окупники, на Руси—чиншовники, въ Пруссіи (польской) — гбуры ⁵⁾. Наконецъ, существовалъ еще классъ крестьянъ, въ русскихъ памятникахъ получающій имя «вольныхъ людей», а въ польскихъ— паробковъ, коморниковъ и др.; они пользовались правомъ перехода съ мѣста на мѣсто, но экономическія условія ихъ были неблагопріятны, такъ какъ земли они не получали, а жили въ качествѣ батраковъ ⁶⁾. Не были также прикрѣплены къ землѣ такъ называемые «будники» и «рудники», занимавшіеся лѣснымъ промысломъ, добываніемъ поташа и т. п.; они могли перемѣнять мѣсто жительства ⁷⁾. Таковы были тѣ разряды крестьянъ, какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ королевскихъ и въ духовныхъ имѣніяхъ, которые пользовались свободой передвиженія, или же, хотя и были прикрѣплены къ землѣ, но не несли самой тяжелой повинности — барщины. Вся остальная масса, объединявшаяся подъ однимъ общимъ именемъ — хлоповъ или подданныхъ, выносила на себѣ всѣ тяжести крѣпостнаго права, иногда въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Жизнь, честь и имущество крестьянина отданы были въ полное распоряже-

¹⁾ Greveniz, *Włósciania w Polsce*, s. 6—7. Здѣсь же названы еще окупники, чиншевики, временные и наслѣдственные владѣльцы на правѣ долгой аренды, колонисты.

²⁾ Uwagi praktyczne o poddanych polskich, см. русск. переводъ въ «Славянск. Сборникъ», т. III, отд. 3, с. 110—111. ³⁾ Тамже. ⁴⁾ Тамже.

⁵⁾ См. у Korzon, l. c., t. I, s. 348, слова каштеляна Евгерсаго. Выбицкій говоритъ, что въ королевской Пруссіи «крѣпостное право было неизвѣстно»; см. *Listy Patryotyczne*, t. I, s. 198. Крѣпостное право (*poddaństwo*) нужно понимать здѣсь въ смыслѣ существованія барщинныхъ крестьянъ, какъ это ясно показываютъ слѣдующія слова Выбицкаго: «а какой помѣщикъ держалъ ихъ, тотъ терялъ на этомъ».

⁶⁾ Greveniz, l. c., s. 6; Korzon, l. c., t. I, s. 350.

⁷⁾ Korzon, l. c., s. 349.

ніе пана и въ результатѣ этого являлся неизбѣжно грубый, ничѣмъ не стѣсняющійся произволь. Изъ-за панскаго каприза хлопъ законнымъ порядкомъ могъ лишиться жизни и иногда, дѣйствительно, лишался, хотя, конечно, такіе случаи были сравнительно рѣдки ¹⁾. Не было за то недостатка въ насиліяхъ пановъ надъ крестьянскими дѣвушками и женщинами ²⁾, въ притѣсненіяхъ и угнетеніяхъ всякаго рода. Наказанія были жестоки, можно бы сказать, безчеловѣчны, если бы они не практиковались съ одинаковою жестокостью всюду, гдѣ ни существовало крѣпостное право. Благодаря этому, иностранцевъ поражалъ униженный видъ польскаго крестьянина и его робость, походившая на страхъ загнаннаго звѣря ³⁾. Но притѣсненія, не имѣющія никакой определенной цѣли, проистекающія изъ одной природной жестокости, были рѣдки, конечно, и среди польскихъ пановъ. Главное бѣдствіе помѣщичьихъ крестьянъ въ Рѣчи Посполитой составляла непомѣрная работа, къ которой принуждали ихъ владѣльцы. Вотъ краткій и не совсѣмъ даже полный перечень тѣхъ работъ, къ которымъ обязывались польскіе хлопы, взятый у одного изъ современныхъ писателей ⁴⁾: «Въ Коронѣ кмети за полууволоку лучшей земли служить по 4, 5 и 6 дней съ шестеркою воловъ, или съ четверкою лошадей, а при возкѣ навоза это количество упряжнаго скота раздѣляется на двѣ телеги; держать работниковъ, которые въ теченіе всей жатвы содержатся на панскій счетъ, получая отъ двора небольшое количество хлѣба, сыра и масла; платятъ чиншики, даютъ известную часть отъ подотенъ (холста), яйца, куръ, отправляютъ ра-

¹⁾ Korzon (I. c., s. 357) говорить, что онъ не нашелъ ни одного случая совершенія смертной казни надъ хлопомъ властью помѣщика и знаетъ лишь двѣ угрозы ею (въ брошюрахъ *Odpowiedź na pytanie etc.* s. 53 и *O poddanych Polskich*, 1788, s. 16—7, prz. 12), но вотъ что читаемъ мы въ брошюрь *Nie wszyscy błędza*, s. 10, какъ слова крестьянина, бесѣдующаго съ помѣщикомъ: «*Mowiliście wy, iż chłopu bydz wolno bogatym; a dla czegoż pan Klityński brata naszego powiesił... jeżeli nie dla tego: iż mu dać niechciał pieniędzy*». Въ этихъ словахъ, очевидно, содержится намекъ на какое-то известное событіе; относительно же смысла ихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

²⁾ См. Sugenheim, *Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa*, St. Petersburg, 1861, s. 402.

³⁾ V. d. Brüggem, *Polen's Auflösung*, s. 47.

⁴⁾ *Uwagi praktyczne o poddanych polskich*, см. русскій переводъ, «Славянскій Сборникъ», т. III, отд. 3, стр. 113—114.

боты сверх положеннаго, изъ-за чести (rowaby poczostkowe), обратившіяся въ повинность, по 6 и по 8 разъ въ годъ... Въ Литвѣ также различно отбываютъ повинности, служба по 6, 5, 4 и 3 дня съ панскою запряжкой; на половину обязательныя помочи (gwałty) также различны, продолжаясь 12, 8 и 6 дней, сообразно съ панщиною; есть и дани... И эти дани различны, примѣнительно къ мѣстностямъ, смотря потому, гдѣ что есть въ изобиліи и какъ заведено прежними панами. Есть и помочи для исправленія дорогъ, для постройки избъ, для устройства мельничныхъ плотинъ. Есть и даровщины (dagemnice) для удовлетворенія потребностей панскихъ усадебъ. Обязанность сторожевая—дневная, ночная и недѣльная—также исполняется крестьянами, а жены ихъ (strożówki) втеченіе сторожевой недѣли опредѣляются къ разнымъ работамъ. Паны повыдумывали еще толоки (tłoki), повабы (rowaby), принудительный наемъ для хлѣбной жатвы, притомъ почти вездѣ крестьяне платятъ за право пастьбы, между тѣмъ какъ въ старину владѣльцы снабжали села пастбищами, какъ можно видѣть изъ древнихъ привилегій». Изъ всѣхъ повинностей, перечисленныхъ здѣсь, самую тяжелою была барщина, тѣмъ болѣе, что размѣры ея зависѣли исключительно отъ воли владѣльца, и это не только въ числѣ дней, но и въ количествѣ рабочихъ часовъ въ день. Обыкновенною нормой считалось 8 рабочихъ часовъ въ зимнемъ днѣ и 12 въ лѣтнемъ, но, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне работали больше, по 19 часовъ въ день лѣтомъ и по 12—зимой ¹⁾. При этомъ помѣщики и управители панскихъ имѣній не ограничивались положенными днями, но въ случаѣ непогоды прекращали работу на панскихъ поляхъ и, оставляя ненастные дни крестьянамъ для ихъ собственныхъ работъ, сгоняли ихъ на барщину въ хорошую погоду ²⁾. Однимъ изъ видовъ барщины былъ принудительный наемъ, употреблявшійся обыкновенно во время жатвы, причемъ крестьяне отрывались отъ собственныхъ полей для работы у помѣщика, что, разумѣется, разрушительно дѣйствовало на ихъ хозяйство. Къ тому же, плата при такомъ наймѣ была очень не высока: одна изъ современныхъ

¹⁾ Nie wszyscy bładzą, s. 5. По словамъ автора брошюры O poddanych polskich, г. 1788 (s. 17—18), онъ самъ видѣлъ крестьянъ, работавшихъ лѣтомъ на панскихъ поляхъ до полуночи.

²⁾ O poddanych polskich, г. 1788, s. 29.

брошюръ опредѣляетъ ее въ 12 грошей за пѣшій день и 18—за тяглый, другая сообщаетъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ платилось по 10 и по 13 грошей за день, тогда какъ сами крестьяне, нанимая работника, платили ему по золотому въ день, если онъ былъ на своихъ харчахъ и по 15 грошей—на хозяйскихъ ¹⁾. Кромѣ принудительнаго найма помѣщички для обезпеченія себѣ рабочихъ рукъ на самое горячее въ полевыхъ работахъ время—время жатвы, употребляли еще слѣдующій приемъ: зимой, когда работа была не очень нужна, они пользовались не всѣми барщинными днями, а лѣтомъ заставляли крестьянъ нагонять эти невольные прогулы ²⁾. Такимъ образомъ поступали тѣ изъ помѣщиковъ, которые хотѣли все-таки соблюсти хотя видъ справедливости, но были и такіе, которые прямо заставляли крестьянъ шесть дней въ недѣлю работать на себя, такъ что для своей работы имъ оставалось только воскресенье ³⁾. Правда, при этомъ считалось, что въ каждой хатѣ или въ каждомъ тяглѣ семь душъ, но въ это число, какъ замѣчали уже современники ⁴⁾, входили и старики, и дѣти, не могущіе работать. Даже болѣзнь крестьянина не избавляла его отъ панщины: если онъ лежалъ въ постели и не могъ явиться на работы, за него должна была работать жена ⁵⁾. Другимъ видомъ панщины были, такъ называемыя, обязательныя по мочи или гвалты (gwałt); онѣ существовали на всемъ протяженіи Польши, но особенно, повидимому, были развиты въ Литвѣ. На эти работы, не входившія въ число собственно панщинныхъ дней, но и не оплачивавшіяся панами, должны были выходить всѣ крестьяне, за исключеніемъ одного человѣка изъ

¹⁾ Nie wszyscy bładza, s. 6 и O poddanych polskich, s. 28, przyp. 23. Бывали случаи и болѣе низкой оцѣнки: такъ, по словамъ послѣдняго автора, на Подлясьѣ за сборъ корца хмеля платили по 6 грошей, тогда какъ на эту работу требуется не менѣе 2—3 дней, см. O poddanych polskich, ibidem.

²⁾ Nie wszyscy bładza, s. 38—39.

³⁾ Вотъ что, напримѣръ, говорить отъ лица крестьянъ украинской деревни одинъ изъ писателей, далеко не особенно къ нимъ расположенныхъ: «панъ нашъ не можетъ даже и представить себѣ, что и мы тоже люди. Онъ почти-что сдираетъ съ насъ шкуру, принуждая работать сверхъ мѣры. Мы работаемъ на него безъ отдыха до послѣдней потери силъ, не имѣя часто времени снять собственный хлѣбъ съ поля. Мы гнемъ въ колодахъ и заключеніи». Makulski, Buntu Ukraińskie, s. 32.

⁴⁾ Nie wszyscy bładza, s. 6.

⁵⁾ O poddanych polskich, s. 19.

дома; такихъ помочей или гвалтовъ устраивалось 12 втеченіе лѣта ¹⁾. Кромѣ того, существовали еще и другія работы, носившія нѣсколько иной характеръ. Крестьяне должны были отбывать стражу на панскомъ дворѣ, поочередно обслуживать во дворѣ по праздникамъ, причемъ въ Литвѣ эта послѣдняя повинность отбывалась и женщинами ²⁾. Крестьянки должны были еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сушить по домамъ пряжу, и всюду существовала для нихъ обязанность даромъ прясть на панскій дворъ. Хлопы по очереди пасли панское стадо, при поспѣваніи овощей копали и убирали ихъ и исправляли еще нѣкоторыя другія, болѣе мелкія повинности ³⁾. Но всѣми этими работами не исчерпывался еще кругъ обязанностей крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ. Хлопы платили еще своимъ панамъ такъ называемыя дани (daniny), состоявшія изъ различныхъ приношеній, качество и размѣръ которыхъ опредѣлялись различно, смотря по мѣстности. Всюду почти крестьяне давали своему пану въ видѣ дани хлѣбъ разныхъ сортовъ, но размѣръ этой дани былъ неодинаковъ. Точно также на панскій дворъ приносились куры и яйца, въ Литвѣ крестьяне, державшіе пчель, отдавали половину меда пану, и всюду почти въ видѣ подобныхъ даней фигурировали ягоды, орѣхи, хмель, грибы и т. д. При этомъ, въ случаѣ неурожая напр., грибовъ или орѣховъ, повинность не теряла своей силы, но недостающіе продукты должны были замѣняться какими нибудь другими ⁴⁾. Это послѣднее обстоятельство придавало подобнымъ повинностямъ особенно рѣзкій характеръ возмутительной несправедливости, поражавшей уже и современниковъ этой печальной эпохи ⁵⁾. Всѣ эти утѣсненія были тѣмъ тяжелѣе для крестьянъ, что управляли ими по большей части не непосредственно сами помѣщики, а ихъ управители и арендаторы. Тогда какъ самого помѣщика остановила бы отъ излишняго угнетенія мысль, что съ благосостояніемъ крестьянъ тѣсно связано его собственное, подобныя соображенія не безпокоили его поссессоровъ или официаловъ, думавшихъ только

¹⁾ O poddanych polskich, s. 33, przur. 25.

²⁾ Тамже, s. 33—4.

³⁾ Тамже.

⁴⁾ Тамже, s. 36—37.

⁵⁾ См., напр., расужденія Курпя объ этомъ, O podd. polskich, s. 37.

о томъ, какъ бы, угождая пану, и самимъ скорѣе нажитья около имѣнія. Общій голось современниковъ, какъ поляковъ, такъ и иностранцевъ, проѣзжавшихъ черезъ страну, приписываетъ этой системѣ управления значительную часть вины въ плохой судьбѣ крестьянъ. Русскій помѣщикъ, проѣзжавшій чрезъ бывшія владѣнія Рѣчи-Посполитой въ 1789 году, говоритъ: «Проѣзжая Литву, надсѣдалося сердце отъ жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися въ работѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляютъ съ необузданною властью крестьянами, доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣніе въ аренду уничтожилъ всякое человѣколюбіе и промышленность... Много наѣзжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность. Жиды всему злу корнемъ и все исправляется чрезъ нихъ. Грабежъ (повсюду) безсовѣстный и безстрашный» ¹⁾. Нужно помнить при этомъ, что въ рукахъ такого possessора была не только власть надъ работой крестьянъ, но и судъ надъ ними во всякихъ дѣлахъ, отъ котораго не существовало апелляціи; само собою, положеніе крестьянъ тамъ, гдѣ possessоръ видѣлъ свою выгоду въ ихъ угнетеніи, было безотраднo, а такихъ было большинство. Это страшное зло—арендная система въ самомъ несовершенномъ видѣ—было распространено по всей странѣ, представляя одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей польскаго хозяйства. Арендаторами бывали очень часто евреи, возбуждавшіе противъ себя страшную ненависть простаго народа безпощадной эксплуатаціей его труда ²⁾. Но было бы слишкомъ наивно сваливать всю вину на однихъ евреевъ: арендуя имѣніе, они должны были платить панамъ большія деньги и имъ поневолѣ приходилось прибѣгать ко всякимъ угнетеніямъ, чтобы вернуть затраченный капиталъ; къ тому же помѣщикья власть всегда была готова помочь еврею-арендатору во всѣхъ его про-

¹⁾ Записки Д. Б. Мертваго, «Русскій Архивъ». 1867, с. 134—5. См. польск. брошюру «Buntу Ukraińskie», s. 21: «Утѣшеніе крестьянъ въ Украинѣ не вымышленная вещь. Паны часто невинны, но ихъ субалтерны, т. е. оффиціалысты (управители) бывають ужъ черезчуръ виноваты». Ср. еще Uwagi o chłorach, s. 14 и O poddanych polskich, s. 85, прим. 61.

²⁾ Объ этомъ говорятъ многія современныя брошюры.

дѣлкахъ надъ крестьянами ¹⁾. Всякія жалобы были напрасны и вели только къ тому, что крестьянинъ лишній разъ бывалъ наказанъ ²⁾. Но не одинъ произволь пана или его управителей, произволь, не стѣсненный никакими законами, напротивъ, освященный закономъ, не одна непомѣрная и непосильная работа тяготѣли надъ польскимъ крестьяниномъ. Кромѣ работы на барщинѣ, кромѣ всевозможныхъ прямыхъ повинностей и даней, существовали еще косвенныя средства эксплуатаціи его труда и имущества, изъ которыхъ самымъ распространеннымъ и въ тоже время самымъ тяжелымъ для крестьянъ была пропинація. Помѣщикъ обязывалъ своихъ крестьянъ брать у него или его арендатора извѣстное количество крѣпкихъ напитковъ, хотя бы вообще они даже не пили ³⁾. Этотъ обычай, дѣлавшій источникомъ панскаго дохода пьянство хлоповъ, долженъ былъ, конечно, самымъ губительнымъ образомъ вліять на народное хозяйство, прививая крестьянамъ вредную привычку. Результатомъ его во многихъ мѣстностяхъ являлось повальное пьянство крестьянъ, при которомъ и безъ того не имѣвшіе особыхъ средствъ хлопы теряли послѣднее достояніе. Дѣйствительно, бѣдность польскихъ крестьянъ поражала наблюдателей не менѣе, чѣмъ ихъ униженность и забитость. «Они,

¹⁾ Авторъ брошюры «Nie wszycy władzą» прямо обвиняетъ помѣшниковъ въ помощи евреямъ, с. 31.

²⁾ См. Buntу Ukrainіskie, s. 33—4, слова крестьянъ: «Врата справедливости намъ закрыты, даже стучаться въ нихъ нельзя, суда для насъ нѣтъ, а дохождение обидъ, хотя бы законное, сейчасъ же получаетъ названіе бунта. Судьи или родственники, или пріятели нашихъ пановъ, или же креатуры ихъ. А свой своему ничего не сдѣлаетъ... Мы, зная объ этомъ, предпочитаемъ ужъ разъ стерпеть, чѣмъ два раза быть наказанными—отъ суда и отъ пана».

³⁾ См. Buntу Ukrainіskie, s. 24, и Staszyc, Przestrogi dla Polski, Dzieła St. Staszica, 1818, t. I, s. 148: «...каждый шляхтичъ въ своей деревнѣ, въ своемъ мѣстечкѣ ставитъ по пяти, по шести корчмъ, какъ бы сѣти для ловли этого хлопа. Въ этихъ корчмахъ онъ сажаетъ евреевъ, избравъ самыхъ собственныхъ, которые бы ему заплатили наиболѣе, то есть, которые умѣли бы искуснѣе обманывать и питья хлоповъ». Ср. еще Listу Patryotyczne, t. I, s. 191—2 и O poddanыхъ polskich, прим. 21 на с. 26. Послѣдній авторъ сообщаетъ здѣсь слѣдующій, почти невѣроятный фактъ. «Случилось разъ, что въ одну деревню пріѣхалъ комиссаръ и на прогулкѣ съ экономомъ увидѣлъ густыя толпы крестьянъ. Онъ спросилъ эконома, что это значитъ, и получалъ отвѣтъ, что тамъ находится очень хорошій источникъ, къ которому крестьяне собираются пить воду. Тогда комиссаръ приказалъ разогнать крестьянъ, а упорныхъ бить, опасаясь, чтобы чрезъ это не пострадала панская пропинація».

говорить одинъ изъ современниковъ, мало отличаются отъ скота, не имѣютъ никакой собственности, живутъ со дня на день, гниютъ въ грязи и бѣдности; благодаря недостатку въ свѣтѣ и жизненныхъ припасахъ гибнетъ половина ихъ потомства, которое увеличило бы населеніе, да и сами они погибаютъ отъ голоду, когда случится неурожайный годъ. Нужно сознаться, что какая бы судьба ни постигла Польшу, ихъ положеніе не можетъ ухудшиться» ¹⁾. «Вы не знаете, восклицаетъ, обращаясь къ полякамъ, другой современникъ, того, что въ другихъ мѣстахъ называется народомъ; ваши крестьяне подавлены тягостнѣйшимъ рабствомъ; паны щадятъ ихъ меньше, чѣмъ своихъ лошадей, отдаютъ ихъ въ добычу корыстолюбію арендаторовъ, а эти варварски жертвуютъ ими своей выгодѣ. Спустившись до степени животнаго, они не умѣютъ даже пахать землю, хотя это ихъ единственное занятіе. У нихъ нѣтъ души, нѣтъ никакого чувства, для нихъ безразличенъ даже собственный домъ. Они хладнокровно смотрятъ на пожаръ, пожирающій его... Господинъ долженъ отстроить его, имъ самимъ не придется трудиться при этомъ. Какой службы можетъ ждать государство отъ такихъ людей?» ²⁾ У путешественниковъ по Польшѣ того времени мы также постоянно встрѣчаемся съ изображеніями нужды польскихъ крестьянъ. Англійскій путешественникъ *Сеже* говоритъ, что «туземцы этой мѣстности (между Краковомъ и Варшавой) были бѣднѣе и униженнѣе, чѣмъ какой бы то ни было народъ, который мы встрѣчали въ нашихъ путешествіяхъ» ³⁾. «*Сеже* считаетъ Польшу, замѣчаетъ Von der Brügggen, страной величайшей бѣдности въ Европѣ и въ этой бѣднѣйшей странѣ крестьянинъ — самый бѣдный житель» ⁴⁾. Отъ этихъ общихъ картинъ перейдемъ къ частностямъ, которыя дадутъ намъ болѣе полное понятіе о жизни польскаго крестьянина того времени. Одинъ изъ тогдашнихъ польскихъ авторовъ, сочиненіе котораго ⁵⁾ отличается боль-

Корень / Сох.

Корень / Сох.

¹⁾ Изъ брошюры: Les paradoxes, 1775, приведено у V. d. Brügggena, Auflösung Polens, s. 54.

²⁾ Тамже, s. 55, изъ брошюры: L'horoscope politique de la Pologne, 1779.

³⁾ V. d. Brügggen, Polens Anflösung, s. 47.

⁴⁾ Тамже, s. 53.

⁵⁾ Uvagi praktyczne o poddanych polrkich względem ich woli i niewoli, см. русск. переводъ, «Слав. сборникъ», т. III, отд. 3, с. 112.

пою основательностью и богатством фактовъ, говорить о достаточности крестьянъ слѣдующее: «Въ Коронѣ считается уже богатою та хата, которая сверхъ панской запряжки имѣетъ собственный одинъ—другой плугъ и хотя бы упряжи на половину для фурналки ¹⁾. Въ Литвѣ хата считается состоятельной, если въ ней двѣ пары воловъ, три коровы, телятъ штукъ пять, овецъ съ двадцать, свиней хоть три. Но это рѣдко случается. Много есть крестьянъ съ однимъ воломъ и теленкомъ, полученнымъ отъ ухода за панскимъ скотомъ». Бывали и крестьяне, не имѣвшіе почти что никакого имущества ²⁾. Наконецъ, бѣдность эта еще болѣе усиливалась произвольными распоряженіями помѣщиковъ, въ силу которыхъ лучшая земля, а иногда и скоть и другое имущество отбирались у крестьянъ въ пользу двора, а имъ давались отъ послѣдняго другіе участки ³⁾. Нѣкоторые помѣщики даже уничтожили совсѣмъ у себя отдѣльныя крестьянскія хозяйства, заставляя ихъ работать исключительно на фольварочныхъ поляхъ и кормя ихъ всѣхъ во дворѣ, по выраженію современника ⁴⁾, «какъ свиней»; конечно, такихъ было немного, но самый фактъ чрезвычайно характеренъ, показывая, до чего доходилъ иногда панскій произволь. Само собою понятно, что при такомъ отношеніи владѣльцевъ къ крестьянамъ, исключительно какъ къ рабочей силѣ, не могло быть, да и не было дѣйствительно дѣлаемо панами никакихъ попытокъ къ просвѣщенію своихъ крѣпостныхъ. Эти послѣдніе коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ, еще усугублявшемъ ужасъ ихъ положенія ⁵⁾. Такая система дѣйствій привела Рѣчь Посполитую къ печальнымъ результатамъ. Крестьянское хозяйство въ

¹⁾ Furnalka—4-хъ конная повозка.

²⁾ Buntj Ukrainskie, s. 34.

³⁾ Staszyc, Dzieła, T. I, 1816, Przestrogi dla Polski, s. 92.

⁴⁾ Слав. сборникъ, т. III, отд. 3, «Крестьяне въ Польшѣ».

⁵⁾ Uwagi o chłopach, s. 14; объ образованности крестьянъ заботились, хотя немного, только протестанты и православные, но первыхъ было слишкомъ мало въ странѣ въ это время, чтобы ихъ стоило принимать въ расчетъ. V. d. Brüggem. I. c., s. 98 и Hüpre, I. c., s. 246—7, 250.

Авторъ брошюры O poddanach polskich сообщаетъ, что въ одной деревнѣ крестьяне сами основали школу и пригласили учителя, но пріѣхавшій комиссаръ запретилъ дѣтямъ учиться и выгналъ учителя изъ деревни. O podd. p., s. 43, прим. 30.

большей части страны было разорено, но вмѣстѣ съ нимъ рушилось и общее хозяйство страны. Земля, обрабатываемая противъ воли людьми, не видѣвшими въ этомъ трудѣ никакой выгоды для себя и принуждаемыми къ нему силой, не имѣвшими никакой собственности и безопасности, короче говоря, невольниками ¹⁾, не давала тѣхъ урожаевъ, къ которымъ она была способна. Нельзя сказать, чтобы въ Польшѣ плохо относились къ земледѣлію. Напротивъ того, оно, какъ единственное достойное дворянина занятіе, даже черезъ мѣру превозносилось надъ другими; въ то же время современники были глубоко убѣждены, что Польша—страна по преимуществу земледѣльческая и что на ихъ обязанности лежитъ развивать народный промыселъ именно въ этомъ отношеніи ²⁾. Такое убѣжденіе высказывается въ весьма многихъ произведеніяхъ этой эпохи съ полной опредѣленностью ³⁾. Но, несмотря на это убѣжденіе, несмотря даже на усилія, дѣлавшіяся съ цѣлью поднять земледѣліе въ странѣ, оно падаетъ все ниже и ниже, такъ какъ первая и главная причина этого паденія—крѣпостное право со всѣми своими послѣдствіями—не теряетъ силы своего дѣйствія. Въ современныхъ произведеніяхъ встрѣчается масса засвидѣтельствованій этого факта, но нигдѣ это не сдѣлано въ такихъ великолѣпныхъ и вмѣстѣ печальныхъ картинахъ, какъ у Стапица. «Большую половину ея (Польши) земли занимаютъ эти непроходимые черные лѣса, въ которыхъ не лучи солнца, но враждебная всякому полезному созданію сырость множить свои грязныя творенія. Для человѣка въ нихъ нѣтъ доступа; рабочій скотъ не найдетъ здѣсь корму. При самомъ входѣ поражаетъ пронзительный вой волковъ; дальше видны только хищные слѣды медвѣжьей лапы. Здѣсь стволы и колоды, лежащія на землѣ и лишенные листьевъ и коры, тамъ поднимающіяся изъ истлѣвшихъ деревьевъ могилы на

¹⁾ Слово это употреблялось для означенія крѣпостныхъ уже современными описываемой эпохѣ писателями. См. Korzon, I. c., t. I, s. 346.

²⁾ Доказательства этого собраны у Korzona, I. c., t. I, s. 341—345.

³⁾ Напр., авторъ «Uwag praktycznych o poddanych polskich» говоритъ: «Если гдѣ, то конечно, въ Польшѣ и Литвѣ земледѣліе служитъ основаніемъ народнаго богатства; въ этихъ земляхъ ни торговля, ни мануфактура, ни удобство управленія, ни государственная казна—безъ изобилія земныхъ плодовъ—не въ состояніи удовлетворить всѣхъ внутреннихъ и вѣншихъ потребностей страны». Славянскій Сборникъ, т. III, отд. III, стр. 108.

могилахъ представляютъ очамъ картину смерти. Охватываетъ какой-то ужасъ. Между тѣмъ, среди всѣхъ этихъ сгнившихъ тѣлъ сплываютъ и выются змѣи, ужь, ящерицы; лежатъ скорчившись или медленно двигаются другія гадины, полныя яду, эти ужасныя созданія дикой природы... Если бы эти лѣса не заслоняли, я увидѣлъ бы отсюда черезчуръ громадныя пастбища, нескончаемыя заросли, запущенныя втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поля, производящія сорныя травы. Я увидѣлъ бы берега всякой рѣчки, на милю недоступныя для дороги, покрытыя ракой и гнѣющимъ тростникомъ, пруды, тянущіеся на нѣсколько миль, наполненные тростникомъ и покрывшіеся плѣсенью, жирный иль которыхъ, вмѣсто того, чтобы родить пшеницу, душитъ своимъ смрадомъ ближайшихъ жителей. Далѣе показались бы цѣлыя повѣты, покрытыя ивнякомъ, верескомъ и тростникомъ, полныя трясинъ и болотъ, которые ничего не кормятъ—развѣ иногда въ нихъ заквакаетъ жаба,—но, осушенные рвами, могли бы пропитать миллионъ людей». ¹⁾ «Половина земель въ провинціяхъ, замѣчаетъ другой писатель ²⁾, лежитъ нераспаханная, какъ это можно видѣть на Полтвѣ, Подлясѣ и въ Литвѣ... На Полтвѣ и въ Литвѣ можно видѣть, что на шесть или на семь миль лѣса приходится едва одна миля засѣяннаго поля»... Наряду съ паденіемъ земледѣлія шло обезлюдѣніе страны, о которомъ намъ также говорятъ не одни польскіе, но и иностранные писатели. «Множество слѣдовъ этихъ счастливыхъ прошедшихъ временъ, говоритъ Гревеницъ ³⁾, представляетъ и теперь еще повсюду цѣлый край, а въ особенности Великая Польша. Среди старыхъ, непроницаемыхъ для взгляда лѣсовъ еще можно распознать нѣкогда запаханную землю; въ купчихъ крѣпостяхъ и старыхъ бумагахъ находятся многочисленныя упоминанія о деревняхъ и поселеніяхъ, даже мѣста которыхъ теперь нельзя найти. Во многихъ деревняхъ и городахъ сохранились преда-

¹⁾ Uwagi nad życiem J. Zamoyskiego, 1785, s. 200, 202. Ср. еще Выбицкаго, Listy Patryotyczne, t. I, s. 217—18. См. также Uwagi praktyczne o podd. р.: «И хозяйство семи частей страны находится въ жалкомъ положеніи, которому нельзя помочь тщеславіемъ и временною прибылью» и д. (Слав. Сборн., т. III, отд. 3, с. 129).

²⁾ O poddanych polskich, s. 61. Подобныхъ мѣстъ можно бы привести еще много.

³⁾ Greveniz, Włoscianin w Polsce, 1818, s. 23—4.

ніа о прежнемъ ихъ величіи и значеніи, которыя часто подтверждаются случайными открытіями во время земляныхъ работъ. Гдѣ теперь среди безлюдной и безлѣсной пустыни путешественникъ ускоряетъ свои шаги, гдѣ плугъ земледѣльца безпрепятственно распахиваетъ землю, или бѣдныя хаты грозятъ паденіемъ, тамъ часто случается открывать между травой остатки мостовой, развалины стѣнъ, обратившуюся въ уголь деревянную утварь, деньги, обломки прекрасныхъ орудій и корни плодовыхъ деревьевъ». Польша продолжала вывозить свой хлѣбъ за границу, и не могла иначе дѣлать, такъ какъ это былъ главный ея товаръ въ торговлѣ съ западомъ, но часто помѣщикамъ приходилось продавать хлѣбъ, который былъ нуженъ въ самой странѣ ¹⁾, результатомъ чего являлся въ неурожайные годы страшный голодъ, еще болѣе способствовавшій обезлюднѣнію страны.

Такимъ образомъ положеніе польскихъ крестьянъ къ послѣдней четверти XVIII вѣка было очень тяжело, чтобъ не сказать больше. Лишенный всякаго покровительства закона, отданный въ полную власть своего пана, хлопъ выносилъ отъ послѣдняго всѣ насилія, какія приходили ему въ голову, подвергался жестокому обращенію со стороны пана и его управителей и страшному экономическому гнету, былъ даже лишаемъ иногда той земли, которая служила ему единственнымъ источникомъ пропитанія. Понятны поэтому тѣ мрачныя картины, которыя рисуютъ передъ нами польскіе публицисты конца XVIII вѣка. «Пять частей польскаго народа, восклицаетъ Сташиць, стоитъ у меня передъ глазами. Я вижу милліоны твореній, изъ которыхъ одни ходятъ полунагими, другія покрываются шкурой или грубой сермягой; всѣ они высохшія, обнищавшія, обросшія волосами, закоптѣвшія; грустныя и глупыя, съ глубоко впавшими глазами, они безпрестанно вздыхаютъ; они мало чувствуютъ и мало думаютъ и въ этомъ ихъ величайшее счастье. Въ нихъ едва можно замѣтить разум-

¹⁾ Этимъ объясняется, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что вывозъ изъ Польши не только не падалъ, но даже увеличился въ первые годы правленія Станислава Августа (Когзон, I. с., t. I, s. 324), обстоятельство, которое Когзону даетъ поводъ догадываться о сравнительномъ поднятіи земледѣлія въ этотъ періодъ, хотя въ общемъ онъ признаетъ его плохое положеніе, I. с., s. 340.

ную душу. Наружность ихъ съ перваго взгляда выказываетъ болѣе сходства со звѣремъ, чѣмъ съ человѣкомъ. Они носятъ позорное имя хлопа. Пища ихъ — хлѣбъ изъ непросѣянной муки, а втеченіе четверти года — одна мякина; ихъ напитокъ — вода и жгущая внутренности водка. Жилищами имъ служатъ ямы или немного возвышающіеся надъ землею шалаши: солнце не имѣетъ туда доступа, они наполнены только смрадомъ, да тѣмъ благодѣтельнымъ дымомъ, который, вѣроятно, для того, чтобы они менѣе смотрѣли на свою нужду, лишаетъ ихъ свѣта и, чтобы они менѣе страдали, днемъ и ночью душитъ ихъ и украчиваетъ ихъ жалкую жизнь, но особенно убиваетъ малютокъ. Въ этой смрадной и дымной темницѣ, хозяинъ, утомленный дневной работой, отдыхаетъ на гнилой подстилкѣ; рядомъ съ нимъ спятъ нагишомъ малыя дѣти на томъ же ложѣ, на которомъ стоитъ корова съ телятами и лежитъ свинья съ поросятами... Добрые поляки! вотъ роскошь той части народа, отъ которой зависитъ судьба вашей Рѣчи Посполитой! вотъ человѣкъ, который васъ кормитъ! вотъ положеніе земледѣльца въ Польшѣ» ¹⁾.

Нетрудно убѣдиться, что въ подобныхъ картинахъ жизни польскаго хлопа, представляемыхъ Стапицею и другими, нѣтъ никакого преувеличенія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ полное согласіе въ этомъ пунктѣ, какъ большинства современныхъ описываемой эпохѣ польскихъ писателей, такъ и иностранныхъ путешественниковъ, свидѣтельства которыхъ мы приводили выше ²⁾. Есть, правда, и другія, противоположныя, свидѣтельства, но ихъ очень немного и притомъ они или касаются отдѣльных, исключительныхъ случаевъ, или же слишкомъ уже бьютъ въ глаза своею фальшью. Таково, на примѣръ, заявленіе бецкаго каштеляна Зелинскаго на 4-лѣтнемъ сеймѣ, высказанное въ очень рѣшительной формѣ. Когда зашла рѣчь о рекрутствѣ и допускаемыхъ при ней злоупотребленіяхъ, Зелинскій сказалъ: «Я бы стыдился имени поляка, если бы не

¹⁾ Przewrogi dla Polski, Dzieła Stan. Staszica, t. I, s. 127—8.

²⁾ На примѣръ, авторъ «Uwag nad Uwagami», возражающій на другое сужденіе Стапица и расходящійся съ нимъ въ очень многихъ взглядахъ, признаетъ, однако, по поводу приведенной тамъ подобной же картины крестьянской жизни, «что она не заключаетъ въ себѣ ничего выдуманнаго и такого, что не практиковалось бы часто при этомъ утѣсненіи», s. 189.

зналъ навѣрное, что въ Польшѣ нѣтъ нигдѣ угнетеній надъ крестьянами и нигдѣ паны не налагаютъ на подданныхъ болѣе того, сколько нужно» ¹⁾). Понятно, какъ нужно смотрѣть на подобныя заявленія. Въ Польшѣ, какъ увидимъ ниже, не было недостатка въ людяхъ, желавшихъ не видѣть того, что творилось на ихъ глазахъ, но принимать слова такихъ людей за истину было бы серьезной ошибкой ²⁾).

Другое дѣло—отдѣльныя исключенія. Они, конечно, существовали и свидѣтельства объ нихъ имѣютъ для насъ большую цѣну, показывая, что среди польскаго общества въ описываемое время были все-таки люди, понимавшіе всю ненормальность практиковавшихся отношеній. Такими людьми были прежде всего тѣ, которые жили нѣсколько времени за границею, во Франціи, или вообще находились подъ вліяніемъ французскихъ философовъ-энциклопедистовъ. Вліяніе это, какъ мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться, было довольно сильно среди болѣе образованной части тогдашняго польскаго общества, первое время, конечно, преимущественно въ его высшихъ кругахъ, и притомъ между молодежью. Эта молодежь, «измѣнившая домашніе пороки и добродѣтели на другіе обычаи», по выраженію одного изъ писателей-современниковъ, въ отношеніяхъ съ крестьянами «безчеловѣчную и дикую жестокость перемѣнила на сострадательную человѣчность, такъ что подъ властью этихъ офранцузившихся паничей съ крѣпостными обходились уже гораздо ласковѣе» ³⁾); объ этомъ же говорить и другой современникъ, упрекая «кунтушовую» шляхту въ чисто сарматской строгости къ своимъ хлопамъ и ставя на видъ, что французскіе фраки и шпаги соединялись обыкновенно съ болѣе мягкимъ отношеніемъ къ крестьянамъ ⁴⁾). Кроме того, были исключенія по мѣстности: въ разныхъ мѣстахъ и тяжесть крѣпостнаго права была различна. На Литвѣ оно гораздо больше давало себя чувствовать крестьянамъ, чѣмъ

¹⁾ Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб., 1886, т. I, с. 311.

²⁾ Въ такую ошибку впадаетъ, между прочимъ, Korzon, приводя bona fide слова Зелинскаго, l. c, t. I, s. 353. Зелинскій не одинокъ въ этомъ отношеніи; подобное же свидѣтельство находится у Островскаго, Prawo cywilne narodu polskiego, 1757, см. Greveniz, l. c., s. 31—2.

³⁾ Uwagi nad Uwagami, s. 53.

⁴⁾ Въ Pamiętniku Historyczno-Politycznym, см. у Korzona, l. c., s. 373.

въ Коронѣ: литовскій крестьянинъ былъ и бѣднѣе, и при-
ниженнѣе польскаго хлопа ¹⁾). Въ самой Польшѣ въ
разныхъ ея частяхъ не одинакова была тяжесть крѣпостнаго
права и сопряженныхъ съ нимъ повинностей, изъ которыхъ
главною являлась панщина. «Панщина, говоритъ польскій
юристъ того времени, Скетускій, легче въ русскихъ воевод-
ствахъ; въ польскихъ же, особенно въ Краковскомъ, Сендо-
мирскомъ и нѣкоторыхъ великопольскихъ, она такъ высока,
что играетъ не послѣднюю роль между другими причинами
паденія хлоповъ» ²⁾). Это зависѣло, конечно, отъ мѣстныхъ
условій, отъ большей нужды въ рабочихъ рукахъ въ тѣхъ
мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ былъ дорогъ и сбытъ его не пред-
ставлялъ никакихъ особыхъ затрудненій, сравнительно съ бо-
лѣе отдаленными частями Польши, и особенно съ Украиной,
въ которой, благодаря ея малонаселенности и отдаленію отъ
торговыхъ дорогъ, крупное фольварочное хозяйство и въ это
время не могло развиваться до такой степени, какъ это было
въ собственной Польшѣ и Литвѣ. Такія и подобныя имъ
частныя исключенія мало измѣняютъ, однако, общую картину
положенія польскихъ крестьянъ въ эту эпоху. Самую безо-
градную черту въ этой картинѣ представляетъ, не говоря уже
о полномъ панскомъ произволѣ, невыносимое экономическое
положеніе крестьянъ и ужасающая эксплуатація ихъ труда,
производившаяся всякими способами. Въ этомъ отношеніи,

¹⁾ Сохе въ описаніи своего путешествія говоритъ: «Чѣмъ больше мы
приближаемся къ Литвѣ, тѣмъ чаще встрѣчаются намъ евреи, тѣмъ бѣднѣе
становится видъ сельскаго населенія». V d. Brüggem, l. c, s. 51. О худшемъ
положеніи и большей сравнительно бѣдности крестьянъ въ Литвѣ говорятъ и
польскіе авторы; см., напр., «O podd. p.», s. 26, przur. 19 и s. 45, prz. 51.

²⁾ См. Greveniz, Włościanin w Polsce, s. 33. Сочиненія самого Скету-
скаго, дающаго очень много для исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ
за этотъ періодъ, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ въ рукахъ. Авторъ брошюры
O poddanuch polskich утверждаетъ (s. 42, przur. 29), что въ воеводствахъ
Познанскомъ, Калишскомъ, Гвѣзненскомъ, Свѣрдзскомъ и Краковскомъ «хлопы
болѣе свободны, болѣе просвѣщены»; это нѣсколько противорѣчитъ приведен-
нымъ словамъ Скетускаго. Указанія на лучшей бытъ крестьянъ въ нѣкото-
рыхъ мѣстностяхъ собраны еще у Козлов'а, l. c., t. I, s. 371, но, сравнительно
съ приведенными уже мной свидетельствами, новаго тамъ немного. Отмѣтимъ
одно такое указаніе: въ Черской землѣ, какъ нашель Корвоизъ по актамъ, нѣ-
которые крестьяне держали работниковъ, но, къ сожалѣнію, онъ не говоритъ,
много-ли такихъ онъ встрѣтилъ.

смѣло можно сказать, положеніе крестьянина въ Польшѣ было хуже, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Сами польскіе писатели того времени сознавались, что крестьянинъ въ Австріи и Пруссіи, не говоря уже объ Англии и Голландіи, платитъ меньше, чѣмъ въ Польшѣ ¹⁾. Съ другой стороны въ Россіи, хотя тяжесть крѣпостнаго права была не меньше, чѣмъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой, и еще усиливалась тѣмъ, что помѣщичьи крестьяне обязаны были здѣсь платить государственныя подати, хотя помѣщичій произволь былъ также безграниченъ, но экономическое положеніе русскихъ крестьянъ было гораздо лучше: такое обнищаніе крестьянъ, какое имѣло мѣсто въ Рѣчи Посполитой, неизвѣстно было въ Россіи. Въ ряду причинъ, содѣйствовавшихъ этому, особенно видное мѣсто занимаютъ двѣ: это—община, сохранившаяся въ русскомъ крестьянствѣ, и отсутствіе той арендной системы, которая такъ губительно вліяла на положеніе крестьянъ въ Польшѣ. Въ Россіи невозможно было для помѣщика, несмотря на всю силу его произвола, лишить всѣхъ своихъ крестьянъ земли и заставить ихъ работать исключительно на себя, какъ это дѣлали иногда польскіе помѣщики; правда, что, кромѣ инертной силы сопротивленія общины, здѣсь вліяла, какъ замѣтилъ еще раньше одинъ изслѣдователь ²⁾, и самая низкая степень земледѣльческой культуры въ Россіи: русскимъ помѣщикамъ самимъ прежде всего были бы невыгодны подобныя дѣйствія. Отсутствіе арендной системы также вліяло въ благопріятномъ смыслѣ на положеніе крестьянъ, устраняя возможность злоупотребленій, разрушавшихъ крестьянское хозяйство. Даже самый помѣщичій произволь, бесспорно существовавшій и у насъ и доходившій до полной дикости, наврядъ-ли могъ равняться съ произволомъ польскихъ пановъ: въ Польшѣ государственная власть отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ отношенія между помѣщикомъ и крестьянами еще въ XVI вѣкѣ, въ Россіи это же произошло только къ концу XVIII вѣка. Но оставляя и это въ сторонѣ, предполагая совершенно равное участіе помѣщичьяго произвола въ судьбѣ русскихъ и польскихъ крестьянъ, мы должны будемъ все-таки сказать,

¹⁾ См. напр. у Сташица.

²⁾ Де-Пуле, Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литва въ 1794—1797 годахъ. Спб., 1871 (второе изданіе), с. 129.

что положеніе первыхъ было значительно лучше, такъ какъ они не испытывали такой эксплуатаціи своего труда, какая выпала на долю ихъ польскихъ собратьевъ; русскіе помѣщики если и эксплуатировали трудъ своего крестьянина, то лишь непосредственно самый трудъ, не прибѣгая къ такимъ средствамъ, какъ пропинація и запрещеніе торговли въ селахъ, помимо двора. Немудрено поэтому, что русскіе помѣщики, увидавши бытъ польскихъ крестьянъ, удивлялись ихъ печальному положенію такъ же, какъ и западные путешественники ¹⁾.

Одну и ту же картину положенія крестьянъ рисуютъ передъ нами всѣ современники этой эпохи. Необузданный произволъ пановъ и ничѣмъ не стѣсненные притѣсненія и вымогательства ихъ управителей и поссессоровъ, и въ противоположность этому—неслыханная бѣдность и приниженность крестьянъ—вотъ основной фонъ этой печальной картины ²⁾. Не даромъ во всѣхъ почти свидѣтельствахъ указывается на приниженность польскихъ хлоповъ. Придавленные вѣковымъ ярмомъ, они потеряли всякую энергію, всякую способность противиться тяготѣвшему надъ ними произволу, потеряли, повидимому, и самую надежду на улучшеніе своего положенія. Спротивленіе помѣщицкѣй власти существовало, но выражалось исключительно въ пассивной формѣ, формѣ бѣгства, отъ одного ли пана къ другому, или же бѣгства изъ самой страны,—эмиграціи. Пер-

¹⁾ Когзон считаетъ положеніе крестьянъ въ Россіи въ этотъ періодъ хуже, чѣмъ въ Польшѣ, доказывая это существованіемъ эмиграціи изъ Россіи въ Польшу и Литву и тѣмъ, что сенатъ дозволилъ помѣщикамъ ссылатъ своихъ крестьянъ въ каторжныя работы (25 октября 1765 г.), равно какъ частыми бунтами крестьянъ; въ примѣръ жестокаго обращенія онъ приводитъ извѣстную Салтычиху. Объ эмиграціи мы еще будемъ говорить ниже, остальное же не устраняетъ сказаннаго нами выше. Къ этому можно еще прибавить, что въ Россіи существовалъ многочисленный классъ государственныхъ крестьянъ, которые въ это время пользовались очень широкой сравнительно свободой, тогда какъ въ Польшѣ большая часть коронныхъ имѣній составляла староства, отдававшіеся въ аренду частнымъ лицамъ.

²⁾ Въ дополненіе къ приведеннымъ выше, отмѣчаемъ здѣсь свидѣтельство Greveniz'a, Włoszianin w Polsce, s. 9: «Валящіяся хаты, огороды безъ деревьевъ и плетней, малорослый скотъ, исхудавшая птица, непросвѣщеніе, грязь, пьянство и нужды всякаго рода довели этихъ бѣдныхъ людей до такого презрѣнія, что путешественники уже давно едва съ неохотой говорятъ объ нихъ нѣсколько словъ».

вое несомнѣнно существовало въ широкихъ размѣрахъ, какъ это доказываютъ намъ современные извѣстія ¹⁾, но прослѣдить его въ подробностяхъ для насъ теперь невозможно. Нанося ущербъ помѣщичьему хозяйству, этотъ родъ бѣгства крестьянъ не причинялъ, однако, странѣ непоправимаго вреда, такъ какъ рабочія силы оставались все-таки въ самой странѣ, мѣняя только мѣсто своего пребыванія въ ея предѣлахъ. Другое дѣло—эмиграція. Счастливыхъ исключеній въ видѣ сноснаго положенія крестьянъ было немного и, не находя убѣжища отъ крайностей крѣпостнаго права внутри страны, крестьяне бѣжали изъ нея въ сосѣднія государства. Въ этомъ случаѣ Польша несла уже невознаградимую потерю: и такъ не богата была она населеніемъ, а эмиграція еще больше подрывала народныя силы. Между тѣмъ сосѣднія державы съ своей стороны прилагали усилія къ тому, чтобы перетянуть къ себѣ часть земледѣльческаго населенія Польши и въ виду бѣдственнаго положенія этого послѣдняго на родинѣ, такихъ усилій требовалось не особенно много. Эмигранты шли изъ Польши и въ Австрію, и въ Пруссію, и въ Россію. Сташиць, затронувшій такъ много сторонъ современной ему крестьянской жизни, оставилъ намъ великолѣпное, по своей простотѣ и трогательности, описаніе эмигрантовъ въ Пруссію. «Размышляя такимъ образомъ, рассказываетъ онъ, я замѣтилъ на польской сторонѣ кучу скота, лошадей, возовъ, женщинъ, дѣтей и мужчинъ... Я подумалъ, что это новое поселеніе и побѣжалъ къ нему съ радостью, хотѣлъ благословить его и пожелать счастливаго почина. Радость моя продолжалась недолго. Я услышалъ, что это люди, которые бѣгутъ изъ Польши за границу, такъ какъ у нихъ были злыя паны, на которыхъ они не имѣютъ суда, такъ какъ польскій хлопь платитъ большую подать, чѣмъ хлопь заграничный, такъ какъ за границей человѣкъ изъ ихъ сословія находитъ справедливость, защиту и безопасность имущества; пришельцы 10 лѣтъ не будутъ платить податей и дѣтей ихъ не будутъ брать въ солдаты и т. д.—Съ жалостью сказалъ я имъ: А кому вы пожалуетесь, если вамъ не сдержатъ этого обѣщанія?—Нѣсколько человѣкъ разомъ отозвалось: Въ этой странѣ не сдер-

¹⁾ Такъ, консервативный авторъ брошюры «Dopytanie się u przodków sziłości ku roddanym» сознается, что оно дѣйствительно очень велико. См. Урускій, «Крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ», Спб., 1859, ч. I, стр. 30.

жать даннаго намъ слова можетъ только одинъ монархъ; въ Польшѣ каждый шляхтичъ.—На это я не умѣлъ отвѣтить.—Пошли вамъ Богъ счастья, сказалъ я только...¹⁾ Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ прекрасно указаны побужденія къ эмиграціи и съ тою художественностью, которая вообще отличаетъ Сташица, общее явленіе въ жизни народа облечено въ форму конкретнаго факта. Сильнѣе всего эмиграція направлялась во владѣнія Пруссіи, такъ какъ и положеніе крестьянъ тамъ было сравнительно лучшее изъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ: въ 1788 году перешло прусскую границу 7,000 человекъ²⁾; этотъ фактъ можетъ показать, какъ сильно было вообще эмиграціонное движеніе. Въ Австрію точно также шли переселенцы, привлекаемые и льготами, которыя давались правительствомъ, стремившимся заселить вновь прибрѣтенныя пустопорожнія земли. Это эмиграціонное движеніе продолжалось и втеченіе всей послѣдней четверти XVIII вѣка³⁾. Наконецъ, польскіе крестьяне переселялись и на востокъ, въ Россію, и именно въ южныя ея области, въ Новую Сербію, гдѣ припелыцы получали значительныя льготы, и на Запорожье, куда, кромѣ надежды освободиться отъ помѣщичьяго гнета, влекло ихъ и старое очарованіе этого мѣста казацкой свободы. Положеніе Запорожья было уже не то, что раньше, но тѣмъ не менѣе для истомленныхъ панскимъ игомъ польскихъ и малорусскихъ крестьянъ оно представляло еще много привлекательности: здѣсь имъ, во всякомъ случаѣ, легче дышалось и жилось, чѣмъ на родинѣ, и ежегодно толпы переселенцевъ направлялись сюда изъ польской Украины и самой Польши⁴⁾. Тянулись польскіе эмигранты даже и въ турецкія области, въ Молдавію и Валахію, но оттуда они иногда и ворочались, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ⁵⁾.

¹⁾ Uwagi nad życiem I. Zamoyskiego, 1785, s. 202—203.

²⁾ Korzon, l. c., s. 368.

³⁾ См. Uwagi nad życiem I. Zamoyskiego, s. 172. Авторъ Uwag nad Uwagami (s. 284—5) отрицаетъ, правда, эмиграцію въ Галицію, но трудно не довѣрять прямому свидѣтельству Сташица, увѣряющаго, что онъ бывалъ очевидцемъ переселеній.

⁴⁾ Uwagi nad Uwagami, s. 284—5.

⁵⁾ См. Korzon, l. c., t. I, s. 370. Возвращались иногда эмигранты, или же прямо новые люди переходили и изъ Австріи въ Польшу, какъ увѣряетъ неизвѣстный авторъ Uwag nad Uwagami, l. c. Наконецъ, была также и обратная

Эта эмиграція, вызывавшаяся невыносимо тягостнымъ положеніемъ крестьянъ въ Рѣчи Посполитой и представлявшая какъ бы нѣмой протестъ земледѣльческаго населенія ея противъ совершавшихся надъ нимъ насилій, составляло, какъ само собою понятно, тяжелую рану въ организмъ польскаго государства, еще болѣе растравлявшуюся, благодаря усиліямъ сосѣднихъ державъ привлечь къ себѣ его крестьянъ. Но если масса крестьянъ была уже до такой степени принижена вѣковымъ рабствомъ, что могла рѣшиться только на этотъ пассивный протестъ, то оставался все-таки въ Польшѣ и такой уголокъ, крестьянское населеніе котораго находило въ себѣ достаточно силы для болѣе открытаго протеста, въ видѣ прямого бунта противъ пановъ. Этимъ уголкомъ была — польская Украина.

Съ тѣхъ поръ, какъ лѣвобережная Украина отошла подъ власть Московскаго государства, въ Польшѣ почти, можно сказать, не оставалось козачества въ старомъ значеніи этого слова: козаки въ большинствѣ перешли къ Россіи, а вмѣстѣ съ ними исчезла изъ Польской Малороссіи и та крѣпкая опора русской національности и православной вѣры, какую они представляли изъ себя. Теперь, когда не стало этихъ могучихъ защитниковъ, польскимъ и ополяченнымъ панамъ предоставлялась, по видимому, полная возможность угнетать и тѣснить православное русское населеніе, состоявшее преимущественно изъ крестьянъ. Не такъ, однако, вышло на дѣлѣ. Въ угнетеніяхъ не было недостатка, но крѣпкій духъ малорусскаго народа, не сломленный польскимъ владычествомъ, сказался и тутъ. На мѣсто козаковъ явились новые защитники угнетеннаго народа и его «хлопской» вѣры, явились изъ среды того же народа и получили имя «гайдамаковъ». Медленно и постепенно развивалось это новое народное движеніе, начавшееся съ простыхъ разбоевъ и превратившееся подъ конецъ въ постоянное, строго организованное возстаніе. Въ рядахъ гайдамаковъ были и рус-

эмиграція крестьянъ изъ Россіи въ Польшу, хотя слова Сиверса о «тысячахъ русскихъ бѣглыхъ, наполняющихъ Литву и Польшу», очевидно, не лишены преувеличенія. Приводимый Корвономъ фактъ бѣгства 150 крестьянъ изъ имѣнія Сиверса къ Іоахиму Хребтовичу (I. с. s. 369, pr. 3), легко объясняется тѣмъ, что Хребтовичъ славился своимъ хорошимъ отношеніемъ къ крестьянамъ. Массовой же эмиграціи изъ Россіи въ Польшу, какъ она существовала въ обратномъ направленіи, мы не знаемъ.

скіе, и польскіе об'єднѣвшіе шляхтичи, и молдаване съ валахами, но главный контингентъ ихъ составляли всегда малорусскіе крестьяне, къ которымъ присоединялись и бѣглые крестьяне изъ чисто польскихъ областей. Каждый годъ съ весною шайки гайдамаковъ собирались вокругъ своихъ «ватажковъ» и разсыпались по всей Украинѣ, разнося съ собою гибель и разореніе помѣщикамъ и ихъ дворамъ. У крестьянъ они всегда находили пріютъ и убѣжище, съ помощью ихъ разузнавали все, что дѣлалось въ окрестности на далекое расстояние, и, благодаря этому сочувствію и содѣйствію крестьянскаго населенія, они становились почти непреодолимой силой, тѣмъ болѣе еще, что главная военная сила Украины, надворные козаки различныхъ пановъ, набравшіеся изъ тѣхъ же крестьянъ, не имѣли никакой охоты биться съ ними за пановъ, равно имъ ненавистныхъ. Въ виду этого гайдамаки часто могли безнаказанно грабить и даже убивать пановъ и ихъ управителей, вымещая на нихъ всѣ угнетенія, терпимыя крестьянами ¹⁾. Все болѣе и болѣе принимало гайдамачество характеръ народнаго движенія, пока, наконецъ, не разразилось оно въ страшномъ бунтѣ Желѣзняка и Гонты, носящемъ иногда названіе «коливщины». Обстоятельства, предшествовавшія этому бунту и подавшія поводъ къ нему, были такого рода:

Въ то время, когда въ Польшѣ шла борьба между барскою конфедераціею и русскими войсками, два польскіе шляхтича, Бобровскій и Волицецкій, задумавъ взять въ свои руки управленіе громаднымъ имѣніемъ Любомирскаго, Смилянщизной, пытались съ этою цѣлью насильно овладѣть имъ отъ имени полусумасшедшаго владѣльца, давно передавшаго его дѣтямъ, и для этого привлекали на свою сторону надворныхъ козаковъ Любомирскаго, то обѣщая имъ уничтоженіе уніи въ случаѣ повиновенія, то грозя за непослушаніе наказаніемъ отъ барской конфедераціи. Не добившись передачи имѣнія, они повели было козаковъ въ Баръ, но тѣ ушли съ дороги и, когда чрезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что въ Смилянщизну идутъ польскія войска, начали толпами перебѣгать на русскую сто-

¹⁾ См. статью о гайдамачествѣ В. Антоновича въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. 3, т. III, с. 1—128, гдѣ обращено вниманіе именно на эту сторону его.

рону, опасаясь наказанія. Между тѣмъ, польскія войска дѣйствительно явились въ Смилянщизну, но не для наказанія, а съ тѣмъ, чтобы казнить здѣсь пойманныхъ гайдамаковъ ¹⁾. Польская Украина находилась въ то время въ тревожномъ состояніи: угнетенія православныхъ униатами поднимали въ народѣ религиозное чувство, близость единовѣрныхъ русскихъ войскъ подавала надежду на защиту и недоставало только энергичнаго вождя, чтобы началось возстаніе. Такой вождь нашелся въ лицѣ Желѣзняка. Это былъ запорожець, какъ и большинство гайдамацкихъ ватажковъ, человекъ, слѣдовательно, бывалый и опытный. Распространивъ слухъ, что у него имѣется указъ Екатерины, написанный золотыми буквами и повелѣвающій возставать противъ поляковъ за вѣру, Желѣзнякъ стянулъ къ себѣ много народу, въ томъ числѣ и бѣжавшихъ изъ Смилянщизны козаковъ, и началъ возстаніе нападеніемъ на Жаботинъ, гдѣ былъ убитъ губернаторъ и 18 евреевъ. По преданію, Желѣзнякъ получилъ благословеніе отъ игумена мотренинскаго монастыря, Мелхиседека, но участіе послѣдняго въ этомъ дѣлѣ мало вѣроятно ²⁾. Съ первыхъ шаговъ Желѣзняка возстаніе запылало, явилась масса мелкихъ шаекъ подъ предводительствомъ различныхъ лицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бывало и раньше при козацкихъ возстаніяхъ, крестьяне начали подниматься въ разныхъ мѣстахъ и рѣзать своихъ пановъ, управителей и евреевъ-арендаторовъ, причемъ разгуливался нерѣдко и религиозный фанатизмъ ³⁾. Но и въ самомъ центрѣ возстанія, въ лагерѣ Желѣзняка, лозунгъ «за вѣру» вскорѣ замѣнился другимъ «за вольность». Разослано

¹⁾ См. Соловьевъ, Исторія паденія Польши, Москва, 1863, с. 78—81.

²⁾ Особенно невѣроятнымъ становится это участіе въ виду того, что мотренинскій монастырь за это время нѣсколько разъ былъ ограбленъ гайдамаками, а самъ Мелхиседекъ, услышавъ о гайдамакахъ, писалъ братіи въ концѣ мая, совѣтуя терпѣть притѣсненія, но къ гайдамакамъ не приставать: «Ховайтесь, утѣкайте, ежели кто васъ гонить или хочетъ вяти, а до гайдамакъ помянутыхъ не приставайте; ибо и Бога прогнѣвааете, и ни кто за насъ не будетъ обстоати, кровь бо и обиды никогда никому не минутся... То же приблизительно писалъ онъ жителямъ Смилы и Черкасъ. Ср. Кояловичъ, Исторія воссоединенія западнорусскихъ униатовъ старыхъ временъ, Спб., 1873, стр. 92—3 и Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. I, т. III, стр. 711 и 715—717.

³⁾ Такъ, въ одномъ мѣстѣ повѣсили ксендва, еврея и собаку и сверху надписали: «ксендъ, жидъ та собака: усе віра однага!»

было воззваніе къ панскимъ хлопамъ, въ которомъ говорилось слѣдующее: «коронные обыватели, живущіе въ панскихъ и духовныхъ имѣніяхъ! Наступило время выбиться изъ неволи, освободиться изъ ярма и тягостей, которыя вы терпѣли до сихъ поръ отъ вашихъ пановъ! Богъ съ высокаго неба воззрѣлъ на вашу недолю, услышалъ рыданія и вопли ваши на сей мірской юдоли и послалъ вамъ охранителей, которые отомстятъ за ваши бѣдствія. Прибывайте къ тѣмъ, которые хотятъ учинить васъ свободными и надѣлать правами и вольностями. Теперь-то пришла пора потребовать отчета отъ вашихъ властей за всѣ кривды, мучительства, за всѣ невыразимыя обдираательства. Посылаемъ къ вамъ предводителей. Вѣрьте имъ и идите за ними съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ! Покидайте дома ваши, женъ и любезныхъ дѣтей. Не будете жалѣть объ этомъ, когда опять съ ними увидите! Богъ намъ дастъ побѣду и станете вы всѣ вольными панами, когда выгубите змѣиное отродіе пановъ своихъ, которые до сихъ поръ сосутъ вашу кровь! Вы прежде намъ не вѣрили, когда мы къ вамъ отзывались, а теперь можете вѣрить, когда братія ваша на Украинѣ и Подоліи счастливо начала выбиваться изъ ярма. Призовите Бога на помощь и прибывайте къ намъ!»¹⁾ Въ воззваніи этомъ идетъ рѣчь главнымъ образомъ объ угнетеніяхъ, терпимыхъ хлопами отъ пановъ, а не о вѣрѣ и ея защитѣ. Обѣщаніе свободы подняло крѣпостную массу и вскорѣ Желѣзнякъ могъ считать своихъ воиновъ тысячами. Съ образовавшимся у него войскомъ онъ подступилъ къ мѣстечку Лисянкѣ, русскіе жители котораго принудили коменданта къ сдачѣ. Комендантъ этотъ погибъ отъ руки козаковъ шляхта и евреи, спасавшіеся здѣсь, были перебиты и Желѣзнякъ, увеличивъ свой отрядъ новыми толпами хлоповъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, направился къ замку Потоцкихъ, Умани, куда, по слухамъ, собралось множество шляхты и евреевъ изъ окрестныхъ деревень, ища защиты отъ гайдамаковъ. Противъ послѣднихъ высланы были изъ Умани надворные козаки Потоцкаго подъ начальствомъ сотника Гонты, но онъ передался Желѣзняку, а за нимъ послѣдовали и всѣ остальные козаки. Съ Уманью повторилась та-же исторія, что съ Лисянкой. Губернаторъ ея, Младановичъ, не имѣлъ достаточно мужества, чтобы защищать

¹⁾ См. у Костомарова, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, т. I, стр. 127.

городъ, не могъ рѣшиться и сдать его, но гайдамаки вошли въ городъ безъ его согласія, такъ какъ онъ не дозволилъ стрѣлять въ нихъ. Ворвавшись въ городъ, гайдамаки повторили здѣсь лисянскую рѣзню, только въ гораздо большихъ размѣрахъ: цѣлый колодець, говорятъ былъ наполненъ только тѣлами убитыхъ дѣтей. Рѣзня, сопровождаемая всѣми ужасами звѣрства и богохульства, продолжалась нѣсколько дней, втеченіе которыхъ почти всѣ шляхтичи и евреи, находившіеся въ Умани въ моментъ ея взятія, были перебиты разсвирѣпѣвшей толпой. Не падали ни женщины, ни дѣтей, ни духовныхъ, а надъ послѣдними даже еще болѣе потѣшались, мстя такимъ образомъ полякамъ за униженіе православной вѣры. Ксендзовъ запрягали въ ярма, на распятія и образа въ костелахъ плевали, св. дары выбрасывали изъ хранилищъ и топтали ногами. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, число погибшихъ во время этой рѣзни доходило до 20 тысячъ, но нѣтъ сомнѣнія, что такая цифра очень преувеличена. Во всякомъ случаѣ, побоище было страшное и надолго осталось въ памяти какъ польскихъ пановъ, такъ и украинскихъ крестьянъ.

Взятіе Умани было послѣднимъ подвигомъ Желѣзняка. Онъ готовился къ дальнѣйшему походу и провозгласилъ возстановленіе гетманщины, причемъ самъ назвался гетманомъ, а Гонту назначилъ уманскимъ полковникомъ, но бѣда была уже близко. Русскій генераль Кречетниковъ, боровшійся съ барскими конфедератами, внявъ мольбамъ поляковъ, рѣшился избавить ихъ отъ гайдамаковъ и послалъ къ Желѣзнику офицера съ отрядомъ донскихъ козаковъ. Офицеръ этотъ обошелъ Желѣзняка и Гонту, увѣривъ ихъ, что присланъ для совмѣстныхъ съ ними дѣйствій противъ конфедератовъ, уговорилъ ихъ распустить крестьянскія толпы и оставить однихъ козаковъ, и затѣмъ ночью, когда казаки, перепившись на пирушкѣ, спали крѣпкимъ сномъ, перевязалъ ихъ. Желѣзнякъ, какъ русскій поданный, былъ сосланъ въ Сибирь, а Гонта выданъ польскому правительству; по приказу послѣдняго съ него была содрана кожа, послѣ чего онъ былъ четвертованъ. Мучительнымъ пыткамъ и казнямъ подверглись и всѣ сообщники Гонты и Желѣзняка, попавшіеся въ руки поляковъ. Гибель Желѣзняка не сразу остановила начавшееся уже народное возстаніе: еще долго сравнительно послѣ нея гайдамацкія шайки—остатки его сподвижниковъ—бродили по Украинѣ, но главная сила возстанія

была уже сломлена съ тѣхъ поръ, какъ народъ увидѣлъ, что русскіе, на помощь которыхъ онъ возлагалъ свои надежды, не только не на его сторонѣ, но даже помогаютъ полякамъ въ усмиреніи бунта. Страшными казнями старались поляки поднять свой авторитетъ въ Украинѣ и отомстить за возстаніе. Военный судъ, учрежденный для разбора относящихся сюда дѣлъ и помѣщавшійся въ Коднѣ, отличался жестокостью своихъ приговоровъ: уличенныхъ въ участіи въ возстаніи вѣшали или четвертовали, а менѣе виновнымъ или находившимся въ подозрѣніи обрубали руки или ноги. Само собою разумѣется, что эти казни не могли болѣе расположить народъ къ полякамъ, а внушали ему только жажду мести за эти новыя обиды, тѣмъ болѣе, что побѣдители не ограничивались однѣми казнями пойманныхъ гайдамаковъ и хлоговъ, участвовавшихъ въ возстаніи Желѣзняка, но, ободренные побѣдой, доставшейся имъ благодаря русскимъ войскамъ, съ новой силой принялись за угнетеніе крестьянъ и стѣсненіе православной вѣры въ пользу униі. Ненависть малорусскихъ крестьянъ къ своимъ панамъ благодаря этому принимала особенно большіе размѣры. Бунтъ Желѣзняка и Гонты ясно показалъ польскому правительству, что въ Украинѣ оно можетъ рассчитывать только на коренныхъ польскихъ людей; не только крестьяне, но и панскіе надворные козаки, составлявшіе родъ мѣстной украинской милиціи, какъ оказалось, готовы были во всякую минуту подняться противъ пановъ. Такимъ образомъ уманская «коливщина» составила завершеніе развитія гайдамачества, которое, начавшись съ первыхъ годовъ XVIII вѣка простыми разбоями, постепенно принимало характеръ борьбы русскихъ крестьянъ противъ ихъ польскихъ пановъ и, наконецъ, завершилось уже настоящимъ народнымъ возстаніемъ. Самое это возстаніе, какъ мы видѣли, носило преимущественно характеръ не борьбы за вѣру, а крестьянскаго бунта, въ которомъ религіозный и національный интересы хотя и присутствовали, но отступали на задній планъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что интересъ сословный вполнѣ совпадалъ въ Украинѣ съ національнымъ и религіознымъ. Тѣ самые паны, которые утѣсняли своихъ крестьянъ въ экономическомъ отношеніи, требуя отъ нихъ непосильной работы, дѣлались насильниками и въ религіи, навязывая крестьянамъ унию, которой тѣ не хотѣли знать. Панскія притѣсненія были той причиной, которая вызвала гайдамаче-

ство и бунтъ Желѣзняка, и пока эта коренная причина не была устранена, нечего было надѣяться на успокоеніе Украины, какъ это понимали сами здравомыслящіе поляки ¹⁾.

Если мы захотимъ теперь въ краткихъ словахъ подвести итогъ всему тому, что сказано было въ этой главѣ о положеніи польскихъ крестьянъ къ послѣдней четверти XVIII вѣка, то мы получимъ слѣдующій выводъ: положеніе крестьянъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой было въ эту эпоху невыносимо тяжело, хуже, чѣмъ во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ, не исключая и Россіи; помѣщичій произволь, злоупотребленія арендной системы и эксплуатація крестьянскаго труда и имуществва достигали крайней степени, причеиъ гнетъ крѣпостнаго права особенно чувствовался на Литвѣ, гдѣ и крестьяне были бѣднѣе и униженнѣе, и въ польской Малороссіи, гдѣ къ угнетеніямъ чисто крѣпостнаго свойства присоединялись религіозныя притѣсенія. Но тогда какъ польскіе и литовскіе крестьяне давно уже потеряли всякую энергію и способность къ сопротивленію и весь протестъ ихъ противъ крайностей крѣпостнаго права выражался исключительно въ бѣгствѣ отъ одного пана къ другому и въ эмиграціи, принявшей широкіе размѣры, крестьяне малорусскіе сохранили въ себѣ достаточно энергіи для открытой борьбы съ своими панамы, чему могло много содѣйствовать имѣвшее здѣсь мѣсто совпаденіе соціальныхъ и экономическихъ интересовъ съ интересамы религіозными и національными. Борьбу эту малороссійскіе крестьяне вели посредствомъ гайдамачества и бунтъ Желѣзняка и Гонты,

¹⁾ Польскіе историки сваливаютъ вину въ возстаніи Желѣзняка исключительно на Мельхиседека и фанатизмъ малоруссовъ; такъ, Корвонъ говоритъ: «Вина этого послѣдняго (Мельхиседека) не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ подтверждается не только преданіями, записанными въ позднѣйшее время, но и серьезными официальными и современными свидѣтельствами съ двухъ сторонъ, отъ униатскихъ священниковъ и русскихъ посла и перваго министра. Намъ нѣтъ нужды отыскивать другихъ виновниковъ, какъ скоро для объясненія факта рѣзни достаточно соединенія кровожадныхъ подуценыи темнаго фанатика съ безпокойнымъ состоянтемъ умовъ украинскаго народа, который слышалъ, что царица выступила на защиту «благочестія», а ляхи противятся ея усиліямъ и ведутъ войну съ ея полками» (I. с., s. 205—6). Односторонность такого взгляда, намъ кажется, не нужно доказывать, но любопытно замѣтить, какое значеніе придаетъ здѣсь Корвонъ «царицѣ» среди украинскаго народа: какъ увидимъ мы ниже, онъ не выдерживаетъ этого мнѣнія до конца.

носящій характерныя черты крестьянскаго возстанія, послужилъ наиболѣе полнымъ выраженіемъ этой кровавой борьбы въ ту эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь. Положеніе крестьянства въ Рѣчи Посполитой подверглось за этотъ періодъ только одному существенному измѣненію: въ 1768 году на сеймѣ, происходившемъ подъ сильнымъ русскимъ давленіемъ, проведенъ былъ законъ, по которому отнималось у пановъ право жизни и смерти надъ своими хлопами и убійство хлопа наказывалось также, какъ убійство свободнаго человѣка. Этимъ закономъ уничтожалась одна изъ вопіющихъ несправедливостей въ положеніи хлоповъ, но одного этого было слишкомъ мало и положеніе крестьянъ продолжало оставаться такимъ же тяжелымъ въ общемъ, какъ и было.

ГЛАВА II.

Публицистика по крестьянскому вопросу въ эпоху раздѣловъ.

Начало публицистическаго движенія. Мабли и Руссо. Французскія брошюры, вышедшія въ Польшѣ. «Тарчинскій проектъ». Брошюры либеральной партіи: Поплавскій, Выбицкій, Стащица «Uwagi nad życiem J. Zamojskiego». Журналы и ученые сочиненія (Скшетускій, Стройновскій и Трехбицкій). Время четырехлѣтняго сейма. Курпъ, Пильховскій и авторъ «Uwag praktycznych o poddanych polskich względem ich wolności i niewoli». Тадеушъ Морскій; «Uwagi ogólne nad stanem rolniczym i miejskim w Polsce». «Bunt Ukrainskie». Коллонтай. Езерскіе, Францискъ Салезій и Яцекъ. «Nie wszyscy błędzą». «Przestrogi dla Polski», Стащица. «O włościanach». Общій выводъ относительно программы писателей либеральной партіи и сличеніе этой программы съ крестьянскими требованіями въ «Тарчинскомъ проектъ». Брошюры консервативной партіи: «Myśli Obywatelskie» и «Reflexye nad projektem p. t. Zbiór praw sądowych». «Uwagi nad Uwagami». «Projekt Sejmowy z Autora Zgoda i Niezgoda wynikająca». «Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym», кс. Игнатія. «Uwagi Dyzmy Bonczy Tomaszewskiego». Заключение.

Восемнадцатый вѣкъ, втеченіе котораго происходили сильныя измѣненія въ политической системѣ Европы, выступали на сцену новыя государства, оттѣсняя первенствовавшія до сихъ поръ державы, вѣкъ, въ которомъ движеніе философской мысли приняло неслыханные дотолѣ размѣры и подѣ влияніемъ ея воцарялся въ большинствѣ государствъ Европы такъ называемый «просвѣщенный абсолютизмъ», принося съ собою общественныя и государственныя реформы, для Польши проходилъ почти безслѣдно, пока на престолѣ ея сидѣла саксонская династія. Рѣчь Посполитая за это время приходила все въ большій и большій упадокъ и, по мѣрѣ того, какъ быстрыми шагами шло впередъ ея внутреннее разложеніе, все болѣе подпадала влиянію другихъ державъ, преимущественно Россіи. Со вступленіемъ на престолъ Станислава-Августа въ 1764 году это положеніе дѣль нѣсколько измѣнилось. Многимъ полякамъ прискучила зависимость отъ Россіи и они мечтали освободиться отъ нея. Въмѣстѣ съ тѣмъ стало просыпаться и желаніе под-

нять Польшу изъ глубины того униженія, въ которомъ она находилась, и сознание въ необходимости внутреннихъ реформъ. Самъ король былъ проникнутъ этимъ стремленіемъ. Но на первыхъ же порахъ возникла рознь между этими поборниками независимости и силы Польши. Тогда какъ одни изъ нихъ, и въ томъ числѣ король, думали, что сперва необходимо достигнуть внутренней крѣпости страны и потомъ уже добиваться независимости извнѣ, другіе стояли за немедленное сверженіе русской опеки. Съ послѣдними соединялись и такіе, которые не хотѣли никакихъ внутреннихъ реформъ, но тяготились русскимъ вліяніемъ. Воспользовавшись диссидентскимъ вопросомъ, который былъ рѣшенъ подъ давленіемъ Россіи въ смыслѣ уступокъ диссидентамъ, эта партія составила конфедерацію, получившую названіе Барской отъ того города, гдѣ находилась главная квартира конфедератовъ, и начала войну съ Россіей. Руководители и вожаки этой конфедераціи обращались за помощью къ другимъ державамъ, преимущественно къ Франціи, откуда и присылались имъ и деньги, и офицеры. Но, обращаясь къ Франціи за матеріальной помощью, они задумали найти тамъ и помощь другаго рода—указаніе средствъ къ возрожденію отечества. Французская философія того времени оказала свое вліяніе на высшее польское общество и немудрено поэтому, что у барскихъ конфедератовъ зародилась мысль обратиться съ просьбой указать тотъ путь, по которому должна идти предполагаемая реформа Польши, къ одному изъ круга французскихъ философовъ. Выборъ палъ сперва на аббата Мабли. Віельгорскій, полномочный посолъ конфедераціи въ Парижѣ, просилъ его написать сочиненіе, которое могло бы служить программой для будущаго преобразованія Польши, и результатомъ этой просьбы явилось сочиненіе Мабли: «*Du gouvernement et des lois de Pologne*».

Въ трудѣ этомъ, посвященномъ разбору и оцѣнкѣ современнаго автору состоянія Польши и всего ея государственнаго и общественнаго строя, Мабли не могъ миновать и крестьянскаго вопроса и, дѣйствительно, посвятилъ ему нѣсколько страницъ своей книги. Несмотря на свою бѣглость, замѣчанія его не лишены интереса, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что они, можно сказать, открываютъ собою литературу крестьянскаго вопроса въ этомъ періодѣ, въ нихъ виденъ недюжинный умъ автора, съумѣвшаго хорошо понять польскія от-

ношенія, не взирая на отдаленность разстоянія и разность обычаевъ.

Основную идею Мабли по отношенію крестьянскаго вопроса составляет желаніе полнаго уравниенія крестьянъ въ ихъ личныхъ правахъ съ другими классами общества, но высказать эту идею прямо онъ не рѣшается. Тѣмъ не менѣе онъ и не смягчаетъ горькой правды, говоря о существующихъ въ Польшѣ отношеніяхъ; только желанія свои онъ облачаетъ по преимуществу въ условную форму. «Если-бъ возможно было, замѣчаетъ онъ, говоря о судахъ, лишить дворянъ того неограниченнаго права суда, которымъ они притѣсняютъ обитателей своихъ имѣній, если-бъ можно было учредить суды, гдѣ крестьяне-рабы могли бы хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ взывать къ законамъ человѣчества,—то это значило бы, безъ сомнѣнія, оказать Польшѣ наиболѣе важныя услуги». ¹⁾ Но самъ Мабли вовсе не увѣренъ въ томъ, чтобы это можно было сдѣлать, напротивъ, онъ какъ бы отчаявается въ возможности подобной реформы въ Польшѣ, реформы, которая, по его мнѣнію, сдѣлала бы страну счастливою внутри и страшною внѣшнимъ врагамъ. «Все это очевидно, говоритъ онъ, но къ несчастью еще болѣе очевидно, что Польша нашихъ дней слишкомъ далека отъ этихъ истинъ, чтобы понять ихъ. Я говорю не о высшемъ дворянствѣ, оно достаточно образовано, чтобы понять, что ему не слѣдуетъ держать народъ въ бѣдности, презирать и угнетать его и ругаться надъ нимъ, но о дворянствѣ мелкомъ, которое находитъ очень удобнымъ грабить крестьянъ, мѣщанъ и евреевъ, и вымещаетъ на нихъ ту подлость, съ какой само ползаетъ у ногъ высшихъ. Еслибы народъ, получивъ свободу, поднялся нѣсколько, оно боялось бы быть смѣшаннымъ съ нимъ. Еслибы это дворянство могло подозрѣвать, что преобразователи въ этомъ отношеніи держатся противоположныхъ его предразсудкамъ взглядовъ, я не сомнѣваюсь, что оно употребило бы всѣ свои силы, противъ которыхъ, конечно, ничто не могло бы устоять, чтобы сохранить государству всѣ его прежніе пороки. Итакъ, осторожность не позволяетъ во время реформы дать возможность узнать тѣ полезныя проекты, которые должно бы составить въ пользу мѣщанъ, крестьянъ и евреевъ.

¹⁾ Du gouvernement et des lois de Pologne. Mably. Tom huitième. A Paris, p. 168.

Нужно даже скрывать желанія, которыя каждый хорошій гражданинъ долженъ имѣть въ этомъ отношеніи. Нужно дожидаться, пока правительство, основанное на болѣе разумныхъ началахъ, будетъ имѣть время просвѣтить умы, ослабить предразсудки и вселить любовь къ общественному благу» ¹⁾. Тогда поляки сами увидятъ, что надо сдѣлать. Такимъ образомъ Мабли отказывается отъ проведенія коренной реформы въ крестьянскихъ отношеніяхъ, не потому, чтобы не было нужды въ ней—нужда въ такой реформѣ настоятельна и польза ея была бы велика—но потому, что онъ не видитъ въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ достаточнаго расположенія къ ней. Но, отказавшись отъ общей реформы, онъ совѣтуетъ, однако средства, которыя могли бы подготовить до нѣкоторой степени къ ней общество и составить переходъ отъ настоящихъ порядковъ къ будущему устройству. Такъ, онъ стоитъ за учрежденіе постоянного войска, въ другихъ странахъ, по его мнѣнію, приносящаго вредъ, потому что «въ Польшѣ оно, наоборотъ, можетъ содѣйствовать облегченію рабства крестьянъ и даже вселить нѣкоторое уваженіе къ этому классу людей, оглупѣвшихъ и несчастныхъ. Отчего бы послѣ 20-лѣтней службы не дать солдатамъ гражданской свободы и земли въ количествѣ, необходимомъ для существованія одной семьи? Вы бы увидѣли въ вашей республикѣ свободныхъ крестьянъ, а надежда на свободу вызвала бы остальныхъ изъ той тупости, въ которой они томятся и которая мѣшаетъ имъ принимать малѣйшее участіе въ судьбѣ республики» ²⁾. Говоря о необходимости обороны границъ Рѣчи Посполитой и о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ соприкасаются съ владѣніями разбойническихъ племенъ, Мабли опять возвращается къ этой мысли объ освобожденіи хотя части крестьянскаго населенія и говорить: «еслибъ крестьяне этихъ провинцій были людьми свободными, еслибы они имѣли владѣнія (*s'ils avaient des possessions*), еслибъ они защищали свои земли, можетъ быть, не представлялось бы невозможнымъ установить между ними такой порядокъ и такую дисциплину, чтобы они, съ помощью гарнизона какого-нибудь замка, заставили бояться себя разбойниковъ, которыхъ теперъ они страшатся. Къ чему вамъ

¹⁾ Тамже, р. 205.

²⁾ Тамже, р. 170.

пустыни? Будьте великодушны, отдайте бесполезную землю, которая вамъ въ тягость. Польша наказана за допущенное ею нарушение правъ природы, за то, что она не обходится какъ съ людьми, съ крестьянами, обрабатывающими ея земли: она не пользуется ихъ силами и, пожалуй, должна смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ. Счастливая попытка, которую вы бы сдѣлали въ вашихъ пограничныхъ провинціяхъ, научила бы васъ, что нужно сдѣлать внутри республики и послѣдняя, даруя людямъ свободу, приобрѣла бы богатства и защитниковъ» ¹⁾).

Изъ этихъ двухъ отрывковъ нетрудно видѣть, чего въ сущности желаетъ Мабли для польскаго крестьянства, хотя онъ и отказывается отъ постановки общей программы въ этомъ отношеніи: онъ не довольствуется однимъ только освобожденіемъ крестьянъ, но, предлагая его въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ подготовительное средство для перехода къ общему освобожденію крестьянъ, прибавляетъ еще одно условіе— надѣленіе крестьянъ землею. Можно думать, что это послѣднее вошло бы и въ его общую программу. Онъ хорошо понималъ, однако, трудности такой радикальной реформы и не довѣрялъ, какъ мы уже видѣли, расположенію къ ней польской шляхты; но, съ другой стороны, откладывая общую реформу до другого времени, когда просвѣтитъ эта шляхта, онъ видитъ всю опасность такой проволочки, опасность, заключающуюся въ враждебномъ отношеніи крестьянъ къ государству, и это даже побуждаетъ его выступить изъ тѣхъ границъ, какія онъ самъ поставилъ въ этомъ вопросѣ, и обратиться къ шляхтѣ съ увѣщаніемъ ускорить дѣло реформы. «Посмотрите, пожалуйста, восклицаетъ онъ, въ какомъ упадкѣ держитъ дворянство своихъ несчастныхъ подданныхъ (*ses malheureux sujets*). Они, безъ сомнѣнія, ни мало не интересуются ни вашимъ благоденствіемъ, ни вашимъ бѣдствіемъ, и еслибы не были такъ угнетены своимъ невѣжествомъ и тяжестью рабства, они были бы открыто вашими врагами, и вы испытали бы всѣ ужасы возстанія рабовъ, которыхъ отчаяніе дѣлало нѣкогда такими страшными. Пусть ваше дворянство, ограничиваемое одними собственными силами, господствуетъ надъ страной такой посто-

¹⁾ Тамже, р. 205.

обширной, какъ Германіи, оно никогда не образуетъ могущества, равнаго одному изъ округовъ имперіи, и эта истина, способная испугать васъ, должна васъ научить, что должны попытаться преобразователи. Кто не видитъ, что дворянство испытываетъ на себѣ отраженіе того жалкаго состоянія, въ которомъ оно держитъ крестьянъ? Нельзя нарушать безнаказанно законы природы. Чего требуютъ отъ этого дворянства?— Управлять своимъ родовымъ наслѣдствомъ съ помощью средствъ, наиболѣе способствующихъ его увеличенію. Земля требуетъ обработки свободными руками. Пусть Польша сжалится надъ людьми, которые хотѣли бы служить ей и защищать ее,—и помѣщики увидятъ свои богатства увеличивающимися, а значеніе ихъ будетъ поистинѣ велико, такъ какъ они будутъ главами уважаемой республики» ¹⁾.

Взглядъ Мабли на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ можно такимъ образомъ свести къ слѣдующимъ положеніямъ: настоящее положеніе крестьянъ вполне неудовлетворительно и вредно сверхъ того, какъ для помѣщиковъ, дѣла которыхъ страдаютъ отъ бѣдности крестьянъ, такъ и для государства, которое имѣетъ въ крестьянахъ не защитниковъ, а враговъ; крестьянскія отношенія настоятельно требуютъ улучшенія, которое можетъ быть достигнуто только коренной реформой—полнымъ освобожденіемъ крестьянъ и дарованіемъ имъ всѣхъ гражданскихъ правъ и даже, пожалуй, земельного надѣла,—но проведеніе такой реформы въ настоящее время является крайне затруднительнымъ; если не прямо невозможнымъ въ виду вѣроятнаго сопротивленія шляхты, особенно мелкой; поэтому приходится ожидать того времени, когда эта шляхта, подъ вліяніемъ просвѣщенія, сама дойдетъ до признанія необходимости реформы.

Радикализмъ поставленныхъ Мабли требованій и общій пессимистическій тонъ его труда не могли поправиться полякамъ и Вьельгорскій ²⁾ обратился съ просьбой дать программу необходимыхъ въ Польшѣ преобразованій къ другому лицу, именно къ гремѣвшему тогда въ Европѣ своей славой женевскому философу—Жанъ-Жаку Руссо. Въ сочиненіи Руссо: «*Considérations sur le gouvernement de Pologne et sa reforme*

¹⁾ Тамже, р. 231.

²⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, Vioménil, см. v. Brüggén, s. 390.

projetée» проводятся уже совсѣмъ другіе взгляды на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, чѣмъ у Мабли. Правда, и онъ, какъ и послѣдній, признаетъ ненормальнымъ настоящее положеніе вещей, при которомъ «польская нація состоитъ изъ трехъ сословій: дворянъ, которые составляютъ все, мѣщанъ, которые не составляютъ ничего, и крестьянъ, составляющихъ менѣе, чѣмъ ничто» ¹⁾; и онъ думаетъ, что «народъ, считающійся до сихъ поръ ничѣмъ, нужно наконецъ признать, если хотятъ придать Польшѣ извѣстную силу и прочность» ²⁾, но, едва сойдя на практическую почву, онъ встрѣчается съ такими трудностями, которыя заставляютъ его отступитъ. Препятствія дѣлу освобожденія являются у него съ той стороны, гдѣ Мабли ихъ совершенно не видѣлъ,—со стороны самихъ крестьянъ. «Я сознаю, говоритъ онъ, трудности проекта освобожденія вашего народа. Я боюсь не только невѣрнаго пониманія своихъ интересовъ,—но и самолюбія и предрасудковъ владѣльцевъ, а еслибы это препятствіе было устранено, я бы боялся пороковъ и подлости рабовъ». ³⁾. Эти предвидимыя имъ препятствія заставляютъ знаменитаго проповѣдника полного равенства людей отступить нѣсколько отъ своихъ взглядовъ и встать на такую точку зрѣнія, которой отъ него, повидимому, нельзя было ожидать. «Освободить народы Польши, замѣчаетъ онъ,—великое, прекрасное дѣло, но и смѣлое, опасное, за которое нельзя браться безразсудно. Между предосторожностями, которыя нужно принять, есть одна необходимая и требующая времени. Нужно прежде всего сдѣлать рабовъ, которыхъ хотятъ освободить, достойными свободы и способными ею пользоваться... «Подумайте, говоритъ онъ дальше, что ваши рабы такіе же люди какъ и вы, что они имѣютъ въ себѣ всѣ условія, чтобы сдѣлаться такими же, какъ и вы; работайте сначала, чтобы осуществить эти условія, и не освобождайте ихъ тѣль, пока не освободите душъ,—а безъ этого предварительнаго условія считайте, что ваше предпріятіе не удастся» ⁴⁾ Такимъ образомъ Руссо сходится съ Мабли въ признаніи необходимости

1) Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa reformation projetée. En Aueil 1772. Discours sur l'ekonomie politique, p. 45.

2) Тамже, p. 159

3) Тамже, p. 49.

4) Тамже, p. 50.

освобожденія, сходится и въ томъ, что, по мнѣнію обоихъ, существуютъ непреодолимыя препятствія, заставляющія отложить это освобожденіе, но затѣмъ между ними есть коренное и очертъ важное различіе: тогда какъ Мабли видитъ главное препятствіе въ необразованности и упорствѣ мелкой шляхты, Руссо усматриваетъ его въ самихъ крестьянахъ, въ ихъ невѣжествѣ и неподготовленности къ свободѣ. Понятно, что при такой основной точкѣ зрѣнія программа Руссо не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, по словамъ Мабли, нужно скорѣе скрывать отъ польской шляхты, чѣмъ дѣлать ей извѣстными. Напротивъ того, можно ручаться, что программа Руссо не оскорбила бы слуха шляхты и приплась бы ей даже по вкусу, исключая развѣ самыхъ закоренѣлыхъ крѣпостниковъ: такъ много въ этой программѣ осторожности и такъ охотно идетъ Руссо на компромиссы, несмотря на громкія фразы о свободѣ. «Ничто такъ не опасно, замѣчаетъ онъ, какъ предпріятіе, о которомъ идетъ рѣчь (освобожденіе крестьянъ), такъ какъ, хотя каждый чувствуетъ, какое громадное зло для республики въ томъ, что нація заключается нѣкоторымъ образомъ въ одной шляхтѣ (*l'ordre equestre*) а всѣ остальные, крестьяне и мѣщане,—ничто, какъ въ отношеніи управленія, такъ и законодательства, но таково уже старинное устройство. Въ настоящее время было бы неосторожно и невозможно перемѣнить его сразу, но можно произвести перемѣну постепенно... Это достигается двумя способами: первый—строгое соблюденіе правосудія, такъ, чтобы рабъ и простолюдинъ, не боясь притѣсненія отъ благороднаго, излѣчились отъ того отвращенія, которое они естественно должны чувствовать къ нему. Второе средство, безъ котораго первое ничто,—это открыть доступъ рабамъ къ приобрѣтенію свободы и мѣщанамъ — къ приобрѣтенію дворянства. Если бы на дѣлѣ это и не могло быть осуществлено, то нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы оно казалось возможнымъ (*qu'on la vit telle en possibilité*) ¹⁾. Для того, чтобы открыть крестьянамъ этотъ доступъ къ свободѣ, Руссо предлагаетъ слѣдующій способъ: въ каждомъ воеводствѣ долженъ быть составленъ комитетъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и достойныхъ священниковъ. «Главнымъ и наиболѣе важнымъ занятіемъ этого комитета было бы

¹⁾ Тамже, р. 159.

составить, основываясь на вѣрныхъ воспоминаніяхъ и общемъ мнѣніи, списокъ крестьянъ, отличавшихся хорошимъ поведеніемъ и хозяйствомъ, добрыми нравами, заботой о своей семьѣ и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей; этотъ списокъ представлялся бы затѣмъ на сеймикъ, который выбралъ бы изъ него назначенное закономъ количество крестьянъ для освобожденія и позаботился бы о вознагражденіи помѣщиковъ соотвѣтственными средствами, предоставляя имъ пользоваться исключительными правами и преимуществами, соразмѣрно числу ихъ крестьячъ, которые были найдены достойными свободы. Непремѣнно нужно сдѣлать такъ, чтобы освобожденіе раба было для господина не тягостно, но выгодно и почетно. Конечно, чтобы избѣжать злоупотребленій, эти освобожденія будутъ производиться не господами, но по приговору сеймиковъ и только въ размѣрахъ опредѣленнаго закономъ числа. Послѣ того, какъ освободили бы по порядку извѣстное число семействъ въ одномъ уѣздѣ, могли бы освободить цѣлыя деревни, образовать въ нихъ мало-по-малу общины, назначить имъ какія-нибудь недвижимыя имѣнія, какія-нибудь общественныя земли, какъ въ Швейцаріи, учредить тамъ общинныхъ чиновниковъ, и когда довели бы постепенно дѣло до возможности безъ ошутительной революціи закончить предпріятіе въ большихъ размѣрахъ,—тогда возвратить имъ, наконецъ, право, данное имъ природой, участвовать въ управленіи ихъ страны, посылая депутатовъ на сеймики». Стараясь привлечь къ своему плану поляковъ, Руссо прибавляетъ въ заключеніе то же соображеніе, что и Мабли: «когда все это будетъ сдѣлано, крестьянъ, сдѣлавшихся свободными людьми и гражданами, вооружили бы, составили изъ нихъ полки, обучали бы ихъ и кончили бы тѣмъ, что имѣли бы дѣйствительно превосходную милицію, болѣе чѣмъ достаточную для защиты государства» ¹⁾.

Въ этой программѣ, предложенной женеvскимъ философомъ, проглядываетъ гораздо больше заботы о помѣщикахъ, чѣмъ о крестьянахъ. Послѣдніе въ воображеніи Руссо рисуются существами, близкими по своему умственному состоянію къ скоту, неспособными понимать свободу и пользоваться ею. Нетрудно во всемъ этомъ угадать представленія самихъ по-

¹⁾ Тамже, р. 159 ff.

ляковъ, со словъ которыхъ писалъ Руссо и для которыхъ освобожденіе крестьянъ было равнозначуще съ хлопскимъ возмущеніемъ и революціей. Это не снимаетъ, конечно вины съ самого философа, не сдумѣваго разглядѣть истиннаго положенія вещей и отличить въ дѣлавшихся ему сообщеніяхъ вѣрное отъ ложнаго, какъ это сдѣлалъ съ гораздо большимъ успѣхомъ Мабли. Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, Руссо увѣровалъ въ невозможность немедленнаго освобожденія и, обѣщая крестьянамъ всѣ блага,—свободу, общинныя земли, самоуправленіе и даже политическія права, — въ будущемъ, въ настоящемъ оставлялъ ихъ въ томъ же печальномъ положеніи, обезпечивая имъ только правосудіе, да въ видѣ награды за поведеніе освобожденіе ежегодно нѣсколькихъ человѣкъ по рѣшенію особаго комитета, подтвержденному сеймикомъ, составленнымъ изъ той же шляхты, которая, по сознанию самого Руссо, не расположена къ освобожденію своихъ клоповъ. Между тѣмъ, сочиненіе Руссо, особенно благодаря громкому имени автора, получило довольно широкое распространеніе въ Польшѣ, было переведено на польскій языкъ ¹⁾ и должно было оказать немалое вліяніе на польское общество, доставляя возможность защитникамъ крѣпостничества прикрываться именемъ знаменитаго философа.

Мы видѣли, что оба француза, къ которымъ обращались поляки за указаніемъ программы необходимыхъ для Польши преобразованій, отрицали, хотя по разнымъ побужденіямъ, возможность немедленной и коренной реформы крестьянскихъ отношеній, но въ то же время указывали на пользу, какую поляки извлекли бы изъ нея для защиты своего государства отъ нападений сосѣдей. Вскорѣ Польшѣ горькимъ опытомъ пришлось убѣдиться въ этой истинѣ. Барская конфедерація была подавлена и послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши, не вызвавшій никакого сопротивленія со стороны массы населенія. Это событіе заставило, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ поляковъ обратить больше вниманія на положеніе этой крѣпостной массы и дало такимъ образомъ толчокъ къ болѣе живому разбору крестьянскаго вопроса. Первоначально въ этомъ разборѣ глав-

¹⁾ См. Pilat, O literaturze politycznej sejmu 4—letniego, Kraków, 1872, s. 13 въ примѣчаніи, гдѣ приведенъ и вообще списокъ переводовъ съ французскаго за это время.

ное участіе принимали высшіе классы польскаго общества, проникнутые западнымъ вліяніемъ и потому имѣвшіе болѣе возможности отрѣшиться отъ родныхъ шляхетскихъ возрѣній на этотъ вопросъ. Въ вышедшей какъ разъ въ томъ же 1885 году, къ которому относится и раздѣлъ Польши, французской брошюрѣ: «Les paradoxes» и въ «L'horoscope politique de la Pologne», появившейся черезъ четыре года, нѣсколько сочувственныхъ строкъ посвящено и положенію крестьянъ ¹⁾, а авторъ первой изъ нихъ прямо говоритъ, что судьба польскихъ крестьянъ не можетъ ухудшиться, что бы ни постигло Польшу.

Но если высшіе круги шляхетскаго общества только теперь, послѣ испытанныхъ невзгодъ, брались за обсужденіе крестьянскаго вопроса, то внѣ этого общества такое обсужденіе началось гораздо раньше и велось съ большою рѣшительностью, какъ это показываетъ документъ, найденный княземъ Любомирскимъ въ Парижѣ, въ библиотекѣ Чарторыскихъ и озаглавленный слѣдующимъ образомъ: «Проектъ, найденный въ Тарчинѣ послѣ ярмарки св. Троицы въ 1767 году» (Projekt znaleziony w Tarczynie w r. 1767 po jarmarku św. Trojcy). Написанъ этотъ проектъ отъ имени крестьянъ и представляетъ собою протестъ противъ крѣпостнаго права и изложеніе крестьянскихъ требованій. Начинается онъ обращеніемъ отъ имени крестьянъ: «Мы, коронные обыватели, а именно жители староствъ, арендъ, солтыствъ и войтовствъ, въ такомъ значительномъ количествѣ живущіе въ этой республикѣ» и т. д. ²⁾.

Здѣсь требуется уничтоженіе крѣпостнаго права, нарушающаго природный законъ равенства. Даже у язычниковъ рабы освобождаются послѣ семилѣтней неволи, а польскіе крестьяне дали нѣкогда первыхъ королей этой странѣ: Кракуса, Мечислава, Лешковъ, перваго, втораго, и третьяго, Попела и, наконецъ, Пяста, сдѣлавшагося королемъ «изъ обывателя имѣній Его К. В-ства Крушвицы», затѣмъ Земовита и Лешка, «кость отъ костей нашихъ». Сама шляхта «достигла власти и значенія, выпрягши напередъ воловъ изъ плуга». Затѣмъ перечисляются обиды и притѣсненія, терпимыя крестьянами, которымъ закрыты и духовное, и шляхетское сословія. Крестьяне

¹⁾ См. выше, въ первой главѣ.

²⁾ Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce, Biblioteka Warszawska, 1862, II, s. 211 и прим. 1.

выносить притѣсненія и отъ духовенства, и отъ солдатъ, при выдачѣ послѣднимъ фуража, и отъ произвола чиновниковъ, сурово обходящихся съ ними. Авторъ проекта горько жалуется на обычай отдавать имѣнія въ аренду евреямъ, на трудность доступа для крестьянъ къ помѣщикамъ, на распутную жизнь послѣднихъ, на то, «что они принуждаютъ ихъ сыновей брать замужъ своихъ наложницъ». «Мы предпочитаемъ, восклицаетъ онъ, дойти до послѣдней гибели, чѣмъ плодить милыхъ намъ дѣтей для удовлетворенія вашихъ страстей». Желанія крестьянъ должны быть приняты, наконецъ, во вниманіе, такъ какъ шляхтѣ со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности; память о потерянныхъ правахъ жива еще въ народѣ и отзывалась какъ въ возстаніи Хмельницкаго, такъ и въ недавнихъ безпокойствахъ въ Краковскомъ воеводствѣ; польскій народъ можетъ послѣдовать примѣру датскаго, соединившагося съ самовластіемъ для освобожденія отъ шляхты. Сопротивленіе послѣдней было бы бесполезно, ихъ не горсть людей и шляхтѣ пришлось бы имѣть дѣло «не съ жидами»; всякая попытка сопротивленія навлекла бы только бѣду на шляхту, дворы которой открыты крестьянамъ. Эти послѣдніе ставятъ свои требованія не изъ корыстныхъ побужденій: «мы не хотимъ излишества, наше ложе—земля, намъ знакомъ солнечный жаръ, лѣтомъ наше оружіе—коса, зимой—топоръ». Они не думаютъ поддерживать притязаній чужихъ государствъ и диссидентовъ ¹⁾, напротивъ, предостерегаютъ шляхту отъ излишняго довѣрія къ заграничнымъ союзамъ: «если вы вѣрите чужимъ державамъ, то когда насъ выгубятъ, придетъ конецъ и вашему панованію». «Мы чтимъ, восклицаютъ они, короля, сенатъ, рыцарство, за что же такъ долго неволя?» «Мы надѣмся, что не будетъ презрѣно это обращеніе наше къ вамъ, мудрый и честный народъ».

Всѣ требованія собраны въ девяти пунктахъ: въ первомъ требуется для крестьянъ право пользованія лѣсомъ, во второмъ—полная собственности кметьихъ участковъ: «какъ же можетъ быть хорошій крестьянинъ безъ наслѣдственной земли?»; въ третьемъ пунктѣ высказывается желаніе ограниченія числа подводъ двумя въ годъ и не далѣе 12 миль; въ четвертомъ—

¹⁾ Чтобы понять смыслъ этого отреченія, нужно вспомнить, что какъ разъ въ это время (1767 г.) велось дѣло о диссидентахъ.

чтобы стража отбывалась единственно ко двору; въ пятомъ— требуется личная свобода крестьянъ и право перехода съ обязанностью передъ уходомъ поставить на свое мѣсто другаго хозяина съ соотвѣтственнымъ имуществомъ; въ шестомъ— право пользоваія пастбищами, съ платой за нихъ не работой (dagemszszuzna), а деньгами, по 2 злотыхъ съ коня; въ седьмомъ пунктѣ выставляется требованіе, чтобы по крайней мѣрѣ 4 представителя крестьянъ были допущены къ публичнымъ совѣщаніямъ; восьмымъ пунктомъ крестьяне, зъ случаѣ признанія за ними этихъ правъ, «объщаютъ противъ врага вѣры и отечества помощь по одному человѣку съ cadaго лана», а въ девятомъ помѣщается угроза, что «еслибы какая деревня или селеніе уклонились отъ этого акта, они первые испытаютъ нашу суровость». «Мы рассылаемъ этотъ актъ, говорится дальше, на польскомъ и греческомъ (русскомъ?) языкѣ, побуждая къ дѣятельности обывателей коронныхъ, великаго княжества Литовскаго и соединенныхъ провинцій». Въмѣсто подписи стоитъ: «Коронное крестьянство, сконфедеровавшееся за вѣру и свободу» (Poddaństwo koronne przy wierze i wolności skonfederowane) ¹⁾.

Трудно сказать, кто былъ авторомъ этого любопытнаго документа: считать имъ «skonfederовавшееся крестьянство»— мѣшаетъ уже одно это выраженіе, указывающее скорѣе на шляхетское происхожденіе памятника, равно какъ и встрѣчающіеся въ немъ мѣстами слѣды обречованности; но принять это послѣднее предположеніе также невозможно въ виду того, что требованія носятъ характеръ чисто крестьянскихъ желаній и нѣкоторыя изъ нихъ (право пользоваія лѣсомъ и пастбищами) наврядъ ли умѣстили бы въ представленіи шляхтича. Поэтому, всего вѣроятнѣе, кажется, будетъ признать, что авторомъ «Тарчинскаго проекта» былъ какой-нибудь крестьянинъ, вышедшій изъ своего сословія въ качествѣ слуги и нахватавшійся обрывковъ образованія ²⁾. Это предположеніе получить

¹⁾ Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce, Biblioteka Warszawska, 1862, II, s. 212—217.

²⁾ Korzon, Dzieje wewnętrzne Polski za Stanisława Augusta, t. I, s. 376, держится этого же мнѣнія. Lubomirski, напротивъ, признаетъ авторами проекта крестьянъ, приводя въ доказательство выписки изъ крестьянскихъ прошеній, но выписки эти, подтверждая фактическую сторону проекта и крестьянскія требованія, по тону отличаются отъ него.

для насъ еще болѣе вѣроятіа, если мы сравнимъ угрозы «проекта» шляхтѣ хотя бы съ воззваніемъ Желѣзняка, приведеннымъ выше: книжная слабость и вялость этихъ угрозъ становится еще болѣе ясной отъ сличенія ихъ съ могучимъ зовомъ раздраженнаго народа, встающаго на отмщеніе своихъ поруганныхъ правъ. Что касается до распространенія и вліянія этого документа въ крестьянской средѣ, то мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о нихъ, и потому скорѣе можно склониться къ тому мнѣнію, что и то, и другое было ничтожно ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, «Тарчинскій проектъ» представляетъ крайне интересный и драгоцѣнный документъ, такъ какъ въ немъ сохранились для насъ взгляды на крестьянскій вопросъ нисшихъ классовъ общества того времени, бесспорно, если не тождественные, то очень близко соприкасавшіеся со взглядами на это дѣло самихъ крестьянъ. Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, любопытный матеріалъ для сличенія взглядовъ шляхты и ея крѣпостныхъ на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Разъ затронутый въ сочиненіяхъ Мабли и Руссо, вопросъ этотъ не сходилъ уже со сцены польской политической литературы того времени, благодаря обстоятельствамъ получившей необычайное развитіе. Выше было упомянуто о вышедшихъ въ 1775 и 1779 гг. брошюрахъ на французскомъ языкѣ, затрогивавшихъ и положеніе крестьянъ. Но еще раньше первой

§ 1) Lubomirski (l. с., s. 211) говоритъ, правда, что этотъ проектъ «вскорѣ разошелся по всей Коронѣ», но никакихъ доказательствъ этого не приводитъ. Совершенно особаго мнѣнія держится Przybowski, считающій этотъ проектъ произведеніемъ какого-нибудь шляхтича изъ русской партіи, написаннымъ съ цѣлью напугать шляхту во время радомской конфедерации. *Włoszanie u nas i gdzieindziej*, s. 163—4. Изъ нѣкоторыхъ выраженій Пшиборовскаго можно бы заключить даже, что онъ не совсѣмъ довѣряетъ существованію этого документа, но мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ истинѣ словъ Любомирскаго, тѣмъ болѣе, что Тарчинскій проектъ былъ извѣстенъ не только этому послѣднему. Его зналъ въ рукописи и Крашевскій (странно, что никто изъ новѣйшихъ историковъ не обратилъ на это вниманія) подъ слѣд. заглавіемъ: *Nos loco znaleziony w wielu miejscach po jarmarkach, targach i gupkach projekt następujący*. Приводимыя имъ выдержки не оставляютъ сомнѣнія въ тождественности обоихъ проектовъ, хотя Крашевскому самое названіе «Тарч. проектъ» и статья Любомирскаго, какъ кажется, остались неизвѣстны. Авторъ проекта онъ считаетъ расположеннаго къ народу ксендза. См. *Kraszewski, Polska w czasie trzech rozbiorów*, I, прим. къ s. 155.

изъ этихъ брошюръ, именно въ 1774 году, появилась книга А. Поплавскаго: «Сборникъ нѣкоторыхъ политическихъ статей» («Zbiór niektórych materji politycznych»), въ которой разбирался въ ряду другихъ и крестьянскій вопросъ съ точки зрѣнія либеральной партіи. Авторъ мрачными красками рисуетъ положеніе крестьянъ. «Приглядимся нѣсколько, говоритъ онъ, къ нашимъ подданнымъ, этимъ достойнымъ сожалѣнія сиротамъ... Ничего въ странѣ они не имѣютъ собственнаго, даже собственной личности, которую мы привыкли оцѣнивать на деньги. Никакой защиты со стороны закона... единственное ихъ спасеніе въ бѣгствѣ, бѣдности и презрѣніи. У насъ хлопъ все равно, что скоть, который мы продаемъ, покупаемъ, торгуемъ, гоняемъ на работу, какъ намъ вздумается». Онъ обращаетъ вниманіе на ненормальность такого положенія вещей: «Ни одно гражданское общество не могло бы быть счастливо, еслибы было основано на подобномъ неравенствѣ, или, скорѣе, несправедливости, такъ какъ ему приходилось бы тогда сохранять и соглашать между собой такія несоединимыя вещи, какъ насиліе и безопасность, войну и домашнее спокойствіе, приличную свободу и гражданскую неволю». По мнѣнію Поплавскаго, для самого общества необходимо поднять земледѣліе, отъ котораго зависитъ судьба страны. Для этого, говоритъ онъ, «мы имѣемъ два вѣрные способа: освобожденіе отъ крайняго угнетенія земледѣльческаго сословія, составленнаго изъ кметей и хлоповъ, и усовершенствованіе земледѣлія» ¹⁾. Для перваго онъ требуетъ личной свободы крестьянъ, собственности ихъ работы и имущества, отмѣны нѣкоторыхъ законовъ, тяжелыхъ для крестьянъ, учрежденія для нихъ судовъ справедливости, отмѣны неумѣренныхъ панцинъ и еврейскихъ арендъ, наконецъ, составляетъ планъ народнаго образованія ²⁾.

Два года спустя послѣ появленія книги Поплавскаго начали выходить въ свѣтъ написанныя въ томъ же либеральномъ духѣ но съ бѣльшимъ талантомъ «Патріотическія письма» (Listy Patryotyczne) Иосифа Выбицкаго. Авторъ ихъ въ это время былъ уже не безызвѣстнымъ человѣкомъ какъ въ политической жизни страны, такъ и въ ея литературѣ. Его смѣлый протестъ на сеймѣ 1768 года обратилъ на него общее вниманіе, еще уси-

¹⁾ Выдержки эти заимствованы у Korzon'a, l. c., t. I, ss. 380, 380—1, 381.

²⁾ См. Korzon, l. c., s. 381.

жившееся послѣ того, какъ онъ, посѣтивъ имѣніе Бржостовскаго, Павловъ, издалъ описаніе тамошнихъ учрежденій въ брошюрѣ: «Путешественникъ въ Павловъ» (Podróznu w Pawlowie). Уже въ этой брошюрѣ Выбицкій высказывалъ свои симпатіи къ крестьянамъ, но полное выраженіе взгляды его на крестьянскій вопросъ нашли въ «Патріотическихъ письмахъ», изъ которыхъ VI—IX посвящены спеціально разбору положенія крестьянъ и необходимости реформъ въ немъ. Приступая къ этому разбору, Выбицкій уже въ самомъ началѣ заявляетъ, что онъ не сторонникъ полного освобожденія крестьянъ и уравнианія ихъ въ правахъ съ другими гражданами. «Меня поражаетъ положеніе нашихъ хлоповъ, говоритъ онъ, но я не думаю совѣтовать, чтобы они по освобожденіи составили новое сословіе въ правительствѣ и пользовались частью правительственной власти, или чтобы съ освобожденіемъ отъ крѣпостнаго состоянія они приобрѣтали право гражданства. Я хотѣлъ бы, правда, чтобы они не стонали подъ гнетомъ жестокаго помѣщика, но чрезъ это не хочу ихъ освобождать изъ-подъ власти справедливаго пана. Я хотѣлъ бы, правда, чтобы они не мучились ежедневно подъ произвольнымъ наказаніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требую, чтобы приличная и законная справедливость карала малѣйшіе проступки ихъ. Я желалъ бы для блага народа, чтобы каждый хлопь имѣлъ свою собственность, но хотѣлъ бы, чтобы онъ зарабатывалъ ее себѣ трудомъ надъ пашней... Признаюсь, наконецъ, что я хотѣлъ бы видѣть народъ освобожденнымъ отъ крѣпостнаго права, но не думаю совѣтовать возвратить имъ эту свободу разомъ и внезапно, такъ какъ осторожность приказываетъ поступать въ такой политической операціи медленно» ¹⁾. Далѣе онъ указываетъ, однако, что самыя пороки крестьянъ, необразованіе и пьянство, зависятъ отъ ихъ крѣпостнаго состоянія ¹⁾, доказываетъ, что крѣпостное право, противное самой природѣ человѣка, и государству приносить только вредъ въ экономическомъ отношеніи; въ доказательство этого онъ ссылается на примѣры Швейцаріи и Англіи, странъ богатыхъ и цвѣтущихъ, такъ какъ онѣ не знаютъ крѣпостнаго права, и на Павловъ, гдѣ крестьяне зажиточны и исправно

¹⁾ Listy Patryotyczne do Jaśnie Wielmożnego Exkanclerza Zawoykiego, prawa układającego, pisane, t. I, s. 158—159. Ср. еще s. 363.

²⁾ Тамже, I, s. 185—193.

платять владѣльцу ¹⁾. Плодороднѣйшія польскія поля, по его словамъ, лежатъ необработанными благодаря крѣпостному праву ²⁾. Интересъ самихъ пановъ заключается въ уничтоженіи рабства земледѣльческаго сословія, такъ какъ въ деревняхъ, свободныхъ отъ панщины, и доходы помѣщика больше, и крестьяне живутъ хозяйственнѣе ³⁾. Наконецъ, вредъ крѣпостнаго права, по мнѣнію Выбицкаго, заключается еще и въ томъ, что оно мѣшаетъ увеличенію населенія, что оно доказываетъ ссылкой на имѣнія Замоискаго, въ которыхъ, по его наблюденіямъ, послѣ дарованія жителямъ льготъ увеличилась рождаемость ⁴⁾. Онъ горько жалуется на недостатокъ справедливости для хлопа въ Польшѣ, на панскій произволъ, угрожающій часто самой жизни хлопа, и недоволенъ конституціей 1768 года, отняшей у пановъ право жизни и смерти надъ хлопами, такъ какъ въ ней нѣтъ яснаго обозначенія судебной процедуры ⁵⁾. Свои разсужденія Выбицкій заключаетъ требованіемъ свободы для крестьянъ, конечно, съ ограниченіемъ: «Я достаточно объяснилъ, говоритъ онъ, что я понимаю подъ свободой для крѣпостныхъ... Пускай крестьянинъ всегда будетъ земледѣльцемъ, но пусть его привязываютъ къ землѣ и справедливость и собственность, пусть его сословіе сдѣлается ему милымъ. Если ужъ мы хотимъ сдѣлать пана судьей хлопа, предпишемъ ему, какъ судѣбъ правила, а такъ какъ возможно, что этотъ судья, этотъ ассистентъ его обидитъ его и поступитъ съ нимъ противозаконно, установимъ должностное лицо, которое, заботясь объ охранѣ закона, сдѣлалось бы защитникомъ земледѣльца, когда панъ его станетъ ему тираномъ» ⁶⁾. Выбицкій согласенъ, чтобы хлопь оставался прикрѣпленнымъ къ землѣ, но на основаніи контракта или договора; вдобавокъ, онъ требуетъ возобновленія закона Яна Альбрехта, по которому одинъ или два сына крестьянина наследовали бы его землю, а остальные получали бы свободу; та-

¹⁾ Тамже, I, с. 239—241.

²⁾ Тамже, I, с. 247—248.

³⁾ Тамже, I, ss. 224—5, 249—50, 304.

⁴⁾ Тамже, I, с. 297—300.

⁵⁾ Тамже, I, ss. 180—81, 317—319, 313—317.

⁶⁾ Тамже, т. I, с. 363—4.

кимъ путемъ, по мнѣнію его, было бы достигнуто оживленіе промышленности ¹⁾).

Послѣ сочиненія Выбицкаго въ дѣйствіяхъ либеральной партіи наступилъ нѣкоторый перерывъ, связанный, можетъ быть, съ тѣмъ пораженіемъ, какое понесли ея планы реформы положенія крестьянъ на сеймѣ 1780 года. Нѣкоторое оживленіе въ этомъ вопросѣ началось только въ восьмидесятихъ годахъ, когда за обсужденіе его взялся журналъ Свитковскаго «*Ramiętnik Historyczno-Polityczny*». Но и статьи этого журнала отличались слабостью до появленія сочиненія, составившаго эпоху въ исторіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Это было, вышедшее въ 1785 году, произведеніе Станислава Сташица: «Размышленія надъ жизнью Яна Замойскаго, В. К. Канцлера и Гетмана, примененныя къ нынѣшнему состоянію польской Рѣчи Посполитой» ²⁾. Трудно понять, почему оно получило такое названіе, такъ какъ объ Янѣ Замойскомъ здѣсь совсѣмъ почти нѣтъ и рѣчи, за исключеніемъ нѣсколькихъ случайныхъ упоминаній ³⁾. Это въ сущности строгій и безпощадный критическій разборъ всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни Польши, проникнутый горячимъ патриотизмомъ и искреннимъ желаніемъ блага отечества. Несмотря на все свое стараніе оставаться на чисто-научной почвѣ, авторъ часто не можетъ удержать себя и горячее краснорѣчіе фонтаномъ бьетъ изъ-подъ его пера, захватывая читателя своимъ неудержимымъ потокомъ. Это чередованіе холоднаго разсужденія съ пылкими воззваніями и поэтическими, какъ бы кистью нарисованными, картинами, производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Предисловіе Сташица составляетъ великолѣпное введеніе въ эту единственную въ своемъ родѣ книгу. «При этомъ нарушеніи народнаго права,—такъ начинается оно,—при раздѣлѣ земель польской республики, я сдѣлался невольникомъ прусскаго ко-

¹⁾ Тамже, I, с. 364—5. Любопытенъ еще одинъ частный совѣтъ Выбицкаго: по его мнѣнію правительство должно бы содержать по провинціямъ нѣсколько докторовъ для леченія простаго народа. Тамже, t. II, с. 49—50.

²⁾ *Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, Kanclerza i Hetmana W. K., do dzisiejszego stanu Rzeczypospolitej Polskiej przystosowane, 1785 r.* Предисловіе подписано: w Heilsbergu, но издана книга въ дѣйствительности въ Варшавѣ.

³⁾ Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что Сташицъ жилъ въ это время въ качествѣ учителя въ домѣ Андрея Замойскаго.

роля. Мое тѣло спокойно влачить невольничье ярмо прусака, но моя душа до сихъ поръ мыслить свободно. Уже затихло личное горе; но любовь къ утраченной родинѣ часто ставитъ мнѣ въ вопросъ: — «неужели у тебя нѣтъ спасенія для остатка Польши...» «Я посвящаю эти размышленія рыцарскому сословию. Пусть шляхта думаетъ сама о себѣ. Уже не разъ ей измѣняли. Свобода не терпитъ посредника. А если свободы спасти невозможно, пусть шляхта помнить, что кромѣ свободы ей еще остается спасти имя, цѣлость края, славу народа, заслуги. Великій народъ! до какихъ же поръ ты будешь пребывать въ этой безчувственности! Или ты думаешь такъ погибнуть, чтобы по тебѣ не осталось ничего болѣе, кромѣ безславя!...» «Въ исторіи человѣческаго рода недостаетъ еще только исторіи и паденія великаго и ничтожнаго народа, который бы гибнулъ безъ попытки спасенія. Неужели же это позорное мѣсто займутъ поляки? Сыновья Собѣскихъ, Ходкѣвичей, Замойскихъ, Болеславовъ! возможно-ли, чтобы вы безславно погибли?»¹⁾

Въ ряду тѣхъ вопросовъ, разбору которыхъ посвящаетъ Сташицъ свою книгу, крестьянскій занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Въ мрачномъ видѣ представляется автору положеніе польскихъ крестьянъ и онъ рисуетъ это положеніе въ одной изъ наиболѣе удачныхъ картинъ въ своей книгѣ. Онъ видитъ, забывшись, законодательное собраніе и во главѣ его короля, по правую руку котораго лежитъ груда книгъ законовъ, и размышляетъ о свойствахъ королей. «Я услышала, продолжаетъ онъ, сзади голосъ, который прервалъ мои дальнѣйшія мысли. Человѣкъ въ бѣдной одеждѣ, съ лицомъ, указывавшимъ на невинность и несчастье... не смѣло спросилъ меня, кто въ этомъ собраніи король? Удовлетворенный въ своемъ любопытствѣ, онъ спросилъ далѣе, что значить эта груда книгъ рядомъ съ королемъ?— Это книги, отвѣчалъ я, которымъ всѣ мы обязаны нашей свободой и счастьемъ. Эти книги создали ту безопасность, при которой каждый работаетъ спокойно, увѣренный, что сильнѣйшій не можетъ отнять у него плоды его трудовъ. Это законы, дающіе намъ всѣмъ жизнь, имѣніе и славу. При этихъ словахъ слезы брызнули изъ глазъ этого человѣка. Меня поразило это. Я съ любопытствомъ спросилъ о причинѣ его горести. Онъ вздохнулъ и от-

¹⁾ Uwag. nad życiem Jana Zamoyskiego, 1785, ss. 3, 4, 5.

вѣтилъ такимъ образомъ:—Ахъ! не всѣмъ эти законы обезпечиваютъ имущество и жизнь. Въ этой большой кучѣ книгъ только нѣсколько тысячъ гражданъ находятъ справедливость; миллионы жителей этого же края не находятъ въ нихъ никакой помощи. Къ миллиону этихъ несчастныхъ принадлежу и я. Я соблюдалъ Божьи заповѣди, жилъ по правиламъ святой религіи; совѣсть не упрекаетъ меня въ томъ, что я когда-нибудь обидѣлъ ближняго; напротивъ, насколько могъ, я помогала нуждающимся. Хотя я чувствовалъ жестокость своего крѣпостнаго жребія, однако, считая его произволеніемъ Промысла, день и ночь работала для прокормленія жены и дѣтей. Но, желая воспитать ихъ въ страхѣ Божиѣмъ, я воспротивился распутной любовницѣ эконома. Съ этого времени началось мое несчастье. Хотя невинный, я долженъ былъ терпѣть, какъ человѣкъ, не имѣющій справедливости. Мнѣ назначали работу сверхъ обязанности, выгоняли на самыя тяжелыя работы, въ самыя плохія дороги, гдѣ я разстроилъ и свое здоровье, и все свое имѣніе. Я не могъ пожаловаться никому, такъ какъ никто не могъ оказать мнѣ справедливости, за исключеніемъ пана, котораго никто изъ крестьянъ не зналъ и не видалъ въ имѣніяхъ. Мнѣ казалось, что Провидѣніе сжалилось надъ нами, когда этотъ панъ, войдя въ долги, долженъ былъ продать свое имѣніе шляхтичу. Но этотъ новый помѣщикъ, совершенно никого не имѣющій надъ собою, былъ еще худшимъ тираномъ, чѣмъ эконома. У меня было три сына: изъ нихъ средній, вида, что только одинъ можетъ надѣяться получить землю послѣ моей смерти, а другіе должны будутъ жить безъ земли и безъ хлѣба, ушелъ, ничего не сказавши мнѣ. Какъ я потомъ узналъ, онъ учился ремеслу. По уходѣ его изъ дому, панъ, грозя мнѣ строгимъ наказаніемъ, если я не доставлю ему сына, посадилъ меня въ темницу и не выпускалъ, пока я не заплатилъ ему нѣсколькихъ сотъ злотыхъ за собственнаго сына. Вскорѣ затѣмъ, считая меня богатымъ и надѣясь добыть отъ меня еще денегъ, онъ снова посадилъ меня въ колодки и держалъ, пока я не возвращу ему сына. Когда я взымалъ къ справедливости, напоминая, что я уже дорого заплатилъ, панъ называлъ мою жалобу нахальствомъ. Онъ приказалъ взять у меня все изъ дому и, жестоко наказавъ меня, бросилъ въ окопахъ въ хлѣвъ. Я спасся оттуда, но, убѣгая съ разбитою жизнью, чувствую, что для меня нѣтъ справедливости въ этой странѣ. Я неви-

нень, не совершилъ никакого преступленія. Сорокъ морговъ безплодной земли распахалъ я; втеченіе 50 лѣтъ обрабатывалъ съ панской землей 100 морговъ пашни, съ которыхъ помѣщикъ собиралъ свои доходы; я воспиталъ краю взрослыхъ дѣтей и исправно вносилъ подать и, однако, дождался этой несчастной старости, когда я, вдали отъ жены и дѣтей, потерявъ все, надъ чѣмъ работалъ почти цѣлую жизнь, долженъ скрываться, какъ злодѣй, съ разбитой жизнью и нѣтъ человѣка, который пожалѣлъ бы меня, нѣтъ мнѣ помощи. Только тотъ, кто меня обижаетъ, только мой тиранъ можетъ быть моимъ судьей! Въ этихъ законахъ человѣкъ моего сословія находить защиты не болѣе скота. Даже король не можетъ быть отцомъ всѣхъ насъ» ¹⁾).

Пораженный этой печальной повѣстью, Сташицъ отвертывается къ окну, чтобы скрыть набѣгающія слезы, и видитъ внезапно другую сцену. На улицѣ толпятся массы людей съ бумагами въ рукахъ, но ихъ отталкиваютъ и бьютъ драгуны. «Я побѣждалъ съ свойственнымъ мнѣ любопытствомъ узнать, за что этихъ людей съ такимъ презрѣніемъ отталкиваютъ и бьютъ. Я узналъ, что это люди съ просьбой о человѣчности къ людямъ. Въ рукахъ однихъ была такая надпись: «Насъ 4.500.000 полезнѣйшихъ жителей, и хотя по своему состоянію мы, какъ кажется, отличаемся отъ людей, но религія открываетъ намъ, что у насъ одно начало съ другими людьми, уча, что всѣ мы происходимъ отъ одного отца, что каждый другой человѣкъ нашъ ближній; поэтому мы заклиняемъ любовь къ ближнему, не прося ни о чемъ, кромѣ того, чтобы намъ имѣть равную со всякимъ другимъ человѣкомъ справедливость, чтобы тотъ, кто насъ можетъ обидѣть, не былъ въ собственномъ дѣлѣ и стороной, и судьей». У другихъ видѣлъ я такія слова: «Насъ миллионъ слишкомъ женщинъ, которыя вскорѣ вдвое увеличатъ населеніе края, если, по Божьимъ законамъ, не панская воля, но ихъ собственная будетъ распоряжаться супружествомъ; если границы одной деревни не будутъ для нихъ границей человѣчества». У третьихъ я читалъ: «1.400.000 молодыхъ людей, не имѣющихъ 20 лѣтъ, общааетъ Рѣчи-Посполитой чрезъ нѣсколько лѣтъ многочисленное войско, общааетъ увеличить богатства страны, сберечь тѣ миллионы, которые страна

¹⁾ Тамже, с. 131 - 133.

безъ возврата выплачиваетъ чужеземнымъ фабрикамъ, если, на мѣсто упорной и отуманенной страстью воли помѣщика, законъ возвратитъ имъ естественную свободу работы для своего пропитанія всѣми дозволенными въ странѣ способами и ученія, по охотѣ и способностямъ каждого, разнымъ ремесламъ; если не одна деревня, но вся страна будетъ ихъ родиною. Среди этой толпы слышны были тамъ и самыя пронзительный плачь и отчаянные стоны, вопли къ небу о мести за нанесенную имъ обиду — и проклятія жестокой несправедливости»... 1) «Какое же это страшилище законовъ!—восклицаетъ Сташиць послѣ этихъ картинъ.—Неволя, насиліе, безбрачіе, публичное отнятіе чужого имущества, освященное закономъ! Такое варварство въ 18-мъ вѣкѣ! Долго-ли думаетъ удержаться Рѣчь-Посполитая съ такими законами, имѣя сосѣдями Цесаря и Прусскаго короля?» 2).

Нарисовавъ такія печальныя, но вѣрныя дѣйствительности картины судьбы польскаго крестьянства, Сташиць доказываетъ шляхтѣ необходимость улучшенія этой судьбы, необходимость, вытекающую изъ политическаго положенія Польши, не говоря уже о природныхъ правахъ человѣка, которыя для него, какъ ученика Руссо, имѣютъ большое значеніе, но которыя, какъ онъ хорошо сознаетъ, не могутъ сами по себѣ убѣдить шляхту. «Лучше, говоритъ онъ, увеличить свободу другихъ согражданъ для увеличенія могущества всего края, чѣмъ бояться день и ночь той ужасной минуты, когда сильнѣйшій объявитъ всѣмъ, что они его невольники» 3). Медлить съ реформой долѣе невозможно. «Уже нѣтъ теперь времени долго думать надъ этимъ; уже нѣтъ для поляковъ середины; шляхетское сословіе должно непремѣнно или готовиться къ неволѣ, которая уже постигла одну его часть, или же, желая спасти свою свободу, обезпечить справедливость другимъ согражданамъ полякамъ» 4). Подобныя увѣщанія въ необходимости реформы подѣ страхомъ гибели независимости встрѣчаются у Сташица постоянно: предвидя надвигающуюся на Польшу грозу, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы убѣдить шляхту пожертвовать своими привиле-

1) Тамже, с. 134—135.

2) Тамже, с. 136.

3) Тамже, с. 8.

4) Тамже, с. 99.

гями для общаго блага. Говоря о податяхъ, которыя должна, по его мнѣнію, платить и шляхта наравнѣ съ крестьянами и мѣщанами, онъ снова возвращается къ этому: «Пусть каждый полякъ размыслить со мною, не лучше ли пожертвовать одну часть дохода для обезпеченія всего имущества и свободы, чѣмъ потерять все, даже имя поляка, и отдавать едва не весь доходъ на болѣе прочное утвержденіе своей же неволи» ¹⁾.

Польша слаба и безсильна; ея земледѣліе въ упадкѣ; торговля и промышленность находятся въ жалкомъ положеніи; главная причина всего этого—то, что въ странѣ мало населенія, да и то бѣжить при случаѣ за границу, терпя дома обиды и притѣсненія, которыхъ нѣтъ въ другихъ государствахъ ²⁾. Такимъ образомъ отъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса зависитъ судьба Рѣчи-Посполитой. Чтобы поднять благосостояніе государства, нужно увеличить его населеніе, а для этого нужно, чтобы положеніе крестьянина въ областяхъ Рѣчи-Посполитой было лучше, чѣмъ въ пограничныхъ государствахъ ³⁾. Для достиженія этого результата Сташицъ ставитъ слѣдующую программу: «Въ Польшѣ должно быть болѣе уваженіе и болѣе вниманіе къ людямъ работящимъ, чѣмъ къ празднымъ; справедливость для сельскаго сословія; безопасность и значеніе мѣщанина; приходскія школы; свобода для крестьянскихъ дѣтей выходить, работать и поселиться въ той деревнѣ или въ томъ городѣ, который они сами себѣ выберутъ; замѣна панщины работой въ справедливыхъ размѣрахъ ⁴⁾ или же установленіе крестьянскихъ арендъ или чиншей, выплачиваемыхъ деньгами, а еще лучше зерномъ; равная свобода промышленности для всѣхъ, также свободная для cadaго продажа своего пива, водки и табаку, какъ хочетъ и гдѣ ему вѣдуется» ⁵⁾.

Въ этой широкой и разносторонней программѣ нѣтъ рѣчи о двухъ вещахъ: о собственности крестьянъ и объ ихъ политическихъ правахъ. Что касается первой, то Сташицъ при-

¹⁾ Тамже, с. 189.

²⁾ Тамже, св. 200, 158, 98, 203.

³⁾ Тамже, с. 98—99.

⁴⁾ Размѣры этой работы должны быть установлены сеймомъ въ деталяхъ, с. 99 пр. 1.

⁵⁾ Тамже, стр. 99—100.

знаетъ необходимость обезпеченія за крестьянами собственно-сти, говоря объ этомъ во многихъ мѣстахъ своей книги. Такъ, онъ говоритъ, что торговля Польши тогда будетъ процвѣтать, «когда мы дадимъ хлопамъ и мѣщанамъ свободу, собствен-ность и равную съ каждымъ другимъ гражданиномъ справед-ливость» ¹⁾; точно также въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что будущій сеймъ долженъ имѣть за орудіе своей работы «собст-венность и равную свободу всѣхъ» ²⁾, но въ этихъ и подоб-ныхъ имъ мѣстахъ рѣчь идетъ не о земельной собственности крестьянъ, а объ ихъ заработкѣ. Автору «Размышлений» не приходитъ въ голову мысль, чтобы правительство могло забо-титься о снабженіи всѣхъ крестьянъ землею; онъ совѣтуетъ только королю обращать деньги на «устройство въ странѣ фаб-рикъ, чрезъ что онъ дастъ возможность добывать хлѣбъ тѣмъ людямъ въ обществѣ, которые обижены правомъ наслѣдія зе-мельной собственности» ³⁾, и хотя у него встрѣчаются горькія выраженія по адресу этого права ⁴⁾, тѣмъ не менѣе онъ не помѣстилъ въ свою программу даже позволенія крестьянамъ самимъ приобрѣтать землю въ полную собственность. Тѣмъ не менѣе, въ одномъ случаѣ Сташицъ предоставляетъ крестья-намъ земельную собственность и заставляеть даже заботиться объ ней государство. Именно, въ числѣ мѣръ для созданія вой-ска, онъ совѣтуетъ родъ военныхъ поселеній. «Пусть Рѣчь-По-сполитая раздѣлитъ земли въ староствахъ, какъ хлопскія, такъ и панскія на равные участки и, уволивъ хлоповъ отъ пан-щины, раздасть имъ земли, на правѣ собственности (z prawem dziedzictwa)...» ⁵⁾. Такіе крестьяне обязаны будутъ еженедѣльно являться на ученіе, съ каждаго участка ставить одного сол-дата; управлять ими будутъ офицеры, а чтобы участки не дро-бились, они переходятъ только къ одному сыну крестьянина или ближайшему родственнику его. Пробывшій на службѣ 50 лѣтъ, увольняется отъ нея и можетъ спокойно жить до смерти на своемъ участкѣ ⁶⁾. Проектъ этотъ напоминаетъ планъ Мабли

¹⁾ Тамже, в. 154.

²⁾ Тамже, в. 207; ср. еще в. 123, 127, 139.

³⁾ Тамже, в. 127.

⁴⁾ Тамже, в. 123.

⁵⁾ Тамже, в. 117.

⁶⁾ Тамже, в. 117—118.

о вооруженіи пограничныхъ крестьянъ, но послѣдній не развить до такихъ деталей.

Относительно политическихъ правъ крестьянъ, Стапицъ высказался вполнѣ опредѣленно: мѣщане должны наравнѣ со шляхтой принимать участіе въ управленіи страной, но крестьяне, какъ сословіе, не имѣютъ этого права ¹⁾. Чувствуя, однако, несправедливость такой постановки вопроса, Стапицъ спѣшить оговориться: «называя два сословія, шляхетское и городское, говоритъ онъ, я не исключаю изъ нихъ хлоповъ. Когда послѣдніе получаютъ личную свободу, болѣе просвѣщенные и богатые изъ нихъ могутъ перейти въ городское сословіе» ²⁾. Наконецъ, Стапицъ касается еще одной, очень важной стороны крестьянскаго вопроса, именно—взиманія податей съ крестьянъ. Существующую въ Польшѣ постановку этого дѣла, при которой государственныя подати платятся почти исключительно крестьянами и мѣщанами, онъ находитъ несправедливой и вредной ³⁾. Подати должна платить и шляхта, и притомъ въ размѣрахъ настолько большихъ, насколько ея доходы превосходятъ доходы крестьянъ.

Ставя такую широкую программу для разрѣшенія крестьянскаго вопроса, авторъ «Размышлений» считаетъ ея выполненіе важнѣйшимъ дѣломъ для Польши. «Безъ отмѣны крѣпостнаго состоянія земледѣльца, говоритъ онъ, преждевременны всѣ другія реформы въ Рѣчи Посполитой». ⁴⁾ Но самъ онъ не увѣренъ въ возможности проведенія своей программы въ жизнь. «Кто осмѣлится, спрашиваетъ онъ, поручиться за успѣхъ? Свобода вѣроисповѣданія необходима для блага Рѣчи Посполитой. Эта святая истина поссорила всѣхъ и сгубила половину Польши. Насколько я знаю умы Поляковъ, гордость пановъ, подлые раздоры знатныхъ домовъ, предрасудки простой шляхты, общее всѣмъ ложное представленіе свободы и полное незнаніе политическаго положенія Европы, я съ сожалѣніемъ говорю: Я сомнѣваюсь, чтобы подобные законы были приняты»... Но

¹⁾ Тамже, в. 207. ²⁾ Тамже, примѣчаніе.

³⁾ Тамже, в. 143, 148. Шляхта, по его разсчету, платитъ 2,215,554 злотыхъ, а крестьяне и мѣщане 9.832,497 ал., в. 185. Особенно нападаетъ онъ на подъемную подать: «Можетъ ли быть большая несправедливость, какъ когда хлопъ, который вѣсѣваетъ 12 корцевъ, платитъ столько же, сколько его панъ, имѣющій нѣсколько сотъ тысячъ дохода?» в. 186.

⁴⁾ Тамже, в. 219

и этого мало: «Наконецъ, продолжаетъ онъ, еслибы эти законы и были приняты, будутъ-ли они выполняемы? Я не вижу возможности, чтобы шляхтичъ, воспитанный въ величайшемъ самовластїи относительно крѣпостныхъ, покорно шедъ въ судъ объясняться по жалобѣ своихъ хлопковъ. Смогутъ-ли хлопь, мѣщанинъ, ремесленникъ добиться равной съ шляхтичемъ справедливости?» Реформы необходимы между тѣмъ немедленно въ виду опаснаго положенія Польши. «Это дѣло не терпитъ замедленія. Болѣзнь серьезна, нужны и лѣкарства серьезные. У мѣшкотнаго врача больной умретъ прежде времени»¹⁾.

Мы не даромъ остановились такъ подробно на этомъ сочиненїи. Замѣчательное и само по себѣ, оно тѣмъ болѣе достойно остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя, что рѣдко какое произведеніе политической литературы того времени оказывало такое вліяніе на современниковъ, какъ оно. «Размышленія надъ жизнью Яна Замойскаго» вызвали цѣлый рядъ другихъ сочиненій²⁾, ихъ читали въ отдаленныхъ углахъ государства³⁾ и бесспорно вліяніе ихъ играетъ большую роль въ замѣчаемомъ съ этой поры общемъ оживленїи крестьянскаго вопроса въ литературѣ. Такой разносторонней программы рѣшенія крестьянскаго вопроса, какую выставилъ Сташица, не существовало до сихъ поръ въ польской литературѣ. Требованія его, не смотря на свою умѣренность, поражали новизной, а страстный, проникнутый горячимъ патріотизмомъ, тонъ его книги еще усиливалъ производимое имъ впечатлѣніе.

Въ концѣ 80-тыхъ годовъ все чаще начинаютъ появляться сочувственныя крестьянамъ статьи въ либеральныхъ польскихъ журналахъ того времени, въ *Ramietniku Historyczno-Politycznym* и въ *Dzienniku Handlowym*⁴⁾. Авторы этихъ статей требуютъ просвѣщенія крестьянъ, обезпеченія ихъ личности и

¹⁾ Тамже, в. 218—219.

²⁾ Однихъ сочиненій, написанныхъ по поводу книги Сташица, насчитываютъ до 22. См. Когзон, 1. с., в. 395, нр. 2.

³⁾ На нее ссылался, напр., бургомистръ Минска, Таранкевичъ, см. Когзон, 1. с., т. I, в. 395.

⁴⁾ Последний издавался Подлецкимъ.

имущества, совѣтуютъ ввести чинши вмѣсто панщины и возстаютъ противъ угнетенія крѣпостныхъ ¹⁾.

На сторону либеральной партіи въ этомъ вопросѣ встали и нѣкоторые ученые. Скететускій въ своемъ сочиненіи: «Политическое право польскаго народа» ²⁾, вышедшемъ вторымъ изданіемъ въ 1787 году, сильно нападаетъ на крѣпостное право, упрекая сеймы за ихъ бездѣятельность въ этомъ отношеніи. Самъ онъ, однако, не рѣшается совѣтовать немедленнаго введенія реформы, опасаясь практическихъ затрудненій, главнымъ образомъ со стороны самихъ крестьянъ, «безпорядочность» которыхъ была уже, какъ онъ говоритъ, причиной неудачи нѣкоторыхъ попытокъ. Въ сущности, онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Руссо, и такъ же, какъ послѣдній, требуетъ, въ видѣ подготовленія къ реформѣ, просвѣщенія народа. «Дѣло освобожденія крестьянъ, по его словамъ, безъ надлежащаго приготовленія не можетъ быть приведено въ исполненіе, а потому не должно быть и предпринимаемо». Но затѣмъ Скететускій идетъ еще далѣе, помѣщая въ число необходимыхъ подготовительныхъ условій для освобожденія устраненіе всѣхъ препятствій къ развитію торговли и промышленности и къ процвѣтанію городовъ ³⁾. Желанная реформа отодвигается такимъ образомъ въ очень далекое и неопредѣленное будущее, а въ настоящемъ все можетъ остаться по старому. По удачному выраженію одного изъ современныхъ намъ писателей объ этой эпохѣ ⁴⁾ здѣсь сказывается кабинетный ученый, не знающій практической жизни и боящійся вмѣшаться въ нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ опасеніяхъ «безпорядочности» крестьянъ проглядываетъ и польскій шляхтичъ, воспитанный въ крѣпостничествѣ и не могущій представить себѣ его мгновеннаго паденія.

Нѣсколько рѣшительнѣе Скететускаго высказывался противъ крѣпостнаго права другой польскій ученый этой эпохи, Стройновскій, въ своемъ трудѣ: «Наука естественнаго права», требуя полного обезпеченія собственности и личной свободы

¹⁾ См. выдержки изъ этихъ статей и оцѣнку ихъ у Korzon'a, l. c. t. I. s. 397—400. За неизмѣненіемъ этихъ журналовъ въ Имп. Публ. Библиотекѣ мнѣ не пришлось познакомиться съ ними самому.

²⁾ Skrzetuski, Prawo polityczne Narodu Polskiego, edycja 2-ga, 1787.

³⁾ См. Korzon, l. c., t. I, s. 401—2.

⁴⁾ Тамже, s. 402.

крестьянъ и «надлежащей инструкціи» для нихъ со стороны правительства ¹⁾).

Въ 1789 году вышелъ первый томъ большого труда, озаглавленнаго: «Политическое и гражданское право Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго» ²⁾. (Въ предисловіи къ этому труду авторъ его, Трембицкій, говоря о законахъ Рѣчи-Посполитой, коснулся, между прочимъ, и крестьянскаго вопроса. Онъ характеризуетъ польское законодательство такими словами. «Рядомъ съ старательнымъ охраненіемъ безграничной свободы—глубокое равнодушіе къ жесточайшей неволѣ и освященіе ея многочисленными постановленіями; рядомъ съ заботой объ охраненіи чести и жизни—добровольное выставленіе ихъ на волю одного произвола; рядомъ съ сильнымъ желаніемъ быстрой справедливости—утвержденіе ябедничества, —рядомъ съ ясностью—множество уловокъ; рядомъ съ духомъ терпимости—строгость религіи—вотъ неложныя черты правъ и законовъ нашего народа» ³⁾. По своимъ взглядамъ на крестьянскій вопросъ Трембицкій можетъ быть причисленъ къ такимъ же осторожнымъ либераламъ, какъ и Скъпетускій, хотя его осторожность и не заходитъ такъ далеко. Онъ не стоитъ за немедленное и полное освобожденіе крестьянъ, такъ какъ, по его мнѣнію, «непослушаніе, соединенное съ невѣжествомъ, съ одной стороны, и нетерпѣніе и суровость съ другой» довели бы до гибели и хлоповъ, и помѣщиковъ. Но онъ и не откладываетъ совсѣмъ реформу, въ долгій ящикъ, ограничивая лишь ее довольно скромными размѣрами: законъ долженъ обезпечить отъ произвола жизнь и собственность крестьянина. Для достиженія этого Трембицкій предлагаетъ освободить хлопа изъ-подъ власти того пана, которымъ онъ будетъ недоволенъ, уничтожить законы объ отыскиваніи бѣглыхъ и возстановить статутъ Казимира Великаго, по которому ежегодно одинъ крестьянинъ могъ выселиться изъ каждой деревни и поселиться

¹⁾ Strojnowski, Nauka Prawa Przyrodzonego, Politycznego etc. Не имѣвъ подъ руками этой книги, я ссылаюсь на нее по Korzon'у, I, с, с. 401.

²⁾ Prawo polityczne y cywilne Korony polskiéy y Wielkiego księstwa Litewskiego, to jest: nowy zbiór praw obojga narodów od r. 1347 az do terażniejszych czasów. Tom I. w Warszawie. Dufour. 1789, in folio, s. 757.

³⁾ Prawo Polityczne i cywilne, etc. въ предисловіи «Uwagi nad prawami polskimi», s. 2.

въ другомъ мѣстѣ. Эти мѣры онъ считаетъ вполне достаточными на первое время для улучшенія крестьянскихъ отношеній, предоставляя дальнѣйшую реформу будущему¹⁾).

Но если польскіе ученые, даже и либерально настроенные, были такъ осторожны въ своихъ желаніяхъ, то въ обществѣ существовали и люди, шедшіе гораздо дальше ихъ. Развитію крестьянскаго вопроса въ литературѣ не мало содѣйствовали политическія обстоятельства, выдвинувшія къ этому времени въ Польшѣ прогрессивную партію на первый планъ. Россія, занятая турецкой войной, не могла съ прежней настойчивостью и рѣшительностью поддерживать свое вліяніе въ Польшѣ, благодаря чему люди, желавшіе освободить Рѣчь Посполитую отъ русскаго вліянія, получили большую свободу дѣйствія. Во главѣ ихъ встали тѣ, которые хотѣли вообще поднять значеніе Польши и усилить ее посредствомъ внутреннихъ реформъ, но рядомъ съ ними шли и люди, не желавшіе никакихъ реформъ, а мечтавшіе лишь о сверженіи иностранной зависимости, шли, конечно, только до времени. Но, благодаря этому, хотя и непрочному союзу, прогрессивная партія заняла господствующее положеніе въ странѣ и начало «великаго» или «четырехлѣтняго» сейма въ 1788 году было вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ торжества этой партіи, началомъ проведенія излюбленныхъ ею реформъ, сперва слабого, затѣмъ все болѣе и болѣе рѣшительнаго. Немаловажную роль въ ея дѣйствіяхъ играла и поддержка прусскаго двора, опасавшагося союза Россіи съ Австріей и потому агитировавшаго противъ первой въ Польшѣ. Мы будемъ еще имѣть случай ниже говорить нѣсколько подробнѣе о дѣйствіяхъ польскихъ прогрессивистовъ въ это время, здѣсь же мы хотѣли только указать на связь, какая существовала между усиленіемъ ихъ въ Рѣчи Посполитой и особеннымъ оживленіемъ крестьянскаго вопроса въ литературѣ. Время четырехлѣтняго сейма было, если можно такъ

¹⁾ Тамже, в. 5, прим. (d) Трембицкій хотѣлъ бы дать крестьянамъ и право суда съ панами, но, опасаясь, что шляхта не согласится на это, предъявляетъ болѣе скромныя требованія: «пусть по крайней мѣрѣ законы рѣшать, чтобы хотя для приобрѣтенія возможности къ этой реформѣ нашимъ потомкамъ священные въ зимніе и праздничные дни учили хлопскихъ дѣтей читать и писать, или чтобы крестьяне, по крайней мѣрѣ сообщая съ помѣщикомъ, держали по деревнямъ учителей», чтобы пропинація не отдавалась евреямъ, чтобы помѣщики слѣдили за своими арендаторами и т. д., с. 5.

выразиться, лихорадочнымъ временемъ въ жизни польской націи. Проекты преобразованія градомъ сыпались со стороны прогрессивовъ, почувствовавшихъ себя близко къ власти, но не было недостатка и въ возраженіяхъ на эти проекты противной партіи. Борьба кипѣла и въ жизни, и въ литературѣ, вызывая на состязаніе всѣ наличныя силы обѣихъ партій, спорившихъ за преобладаніе въ странѣ; публицистическая дѣятельность достигла неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ, и съ этимъ общимъ усиленіемъ ея совпадаетъ и болѣе живое обсужденіе крестьянскаго вопроса со стороны либеральной партіи.

Въ 1788 году вышла книга подъ названіемъ: «О польскихъ крѣпостныхъ», принадлежащая перу Франциска Маврикія Курпя. Авторъ ея доказываетъ несправедливость и вредъ закрѣпощенія, указывая на то, что, благодаря ему, среди рабовъ-крѣпостныхъ распространяются ненависть къ панамъ, пьянство и бѣдность ¹⁾, что отъ необразованности хлоповъ и ихъ бѣдности помѣщики терпятъ потери въ своихъ доходахъ, а страна—въ населенности, земледѣліи и промыслахъ ²⁾. Поднять земледѣліе, по его мнѣнію, возможно только при свободѣ крестьянъ, въ доказательство чего онъ ссылается на примѣры Швейцаріи, Пруссіи и Галиціи ³⁾. Яркими красками обрисовавъ ужасы крѣпостнаго права ⁴⁾, при которомъ, по его возраженію, «шляхта управляетъ своими крестьянами такъ же самовластно, какъ турецкій султанъ магометанами» ⁵⁾, авторъ переходитъ къ своей программѣ улучшенія быта крестьянъ. Не требуя для нихъ политическихъ правъ, онъ желаетъ только: 1) «чтобы имъ дозволено было выдавать своихъ дочерей замужъ въ чужія села и деревни, а парнямъ позволяли жениться, гдѣ они пожелаютъ...» 2) «чтобы хлопамъ были дозволены свободный переходъ всюду, наследованіе имущества и продажа его...» 3) чтобы были учреждены особые суды для разбора дѣлъ между панами и крестьянами ⁶⁾; 4) чтобы закономъ были уста-

¹⁾ O poddanych polskich, г. 1788, Kraków, ss. 19—20, 26, 28—29.

²⁾ Тамже, ss. 43—4, 45—6, 52—3, 62—70, 71—77.

³⁾ Тамже, s. 56—7, 59.

⁴⁾ Тамже, s. 28—37.

⁵⁾ Тамже, s. 13.

⁶⁾ Дѣла между самими крестьянами, какъ поясняетъ далѣе авторъ, крестьяне могутъ разбирать сами, но подъ контролемъ въ лицѣ пана или священника, s. 91—7.

новлены отношенія ихъ къ пану и обратно, ¹⁾ и 5) чтобы крестьянамъ давалось образованіе ²⁾. Далѣе авторъ представляетъ болѣе подробную разработку отдѣльныхъ пунктовъ своей программы. Онъ желалъ бы, чтобы крестьянамъ дана была отъ пановъ земля въ наслѣдственное владѣніе съ правомъ продажи, и доказываетъ, что такой порядокъ былъ бы выгоденъ для самихъ помѣщиковъ, такъ какъ тогда крестьянинъ не ушелъ бы съ земли, не продавъ ея, а пану все равно, кто сидитъ на его землѣ. «Но если, прибавляетъ онъ, паны не захотятъ дать земли, такъ пусть крестьяне будутъ какъ бы арендаторами земли и пусть ихъ собственность составляетъ подвижной инвентарь, такъ какъ необходимо, чтобы крестьяне имѣли какую-либо собственность, безъ которой они не могутъ быть хорошими хозяевами и гражданами» ³⁾. Всѣ дѣйствія помѣщиковъ по освобожденію крѣпостныхъ должны быть утверждены правительственнымъ актомъ и «будетъ очень полезно, если всѣ паны разомъ примутся за освобожденіе хлопковъ» ⁴⁾. Правительство же должно установить повинности крестьянъ, опредѣляя размѣръ панщины или чинша съ количества земли или, лучше, съ количества собраннаго хлѣба ⁵⁾. Кромѣ этого Курпъ совѣтуетъ нѣкоторыя частныя реформы: такъ, онъ предлагаетъ для поднятія земледѣлія назначить награды образцовымъ хозяевамъ, требуетъ устраненія евреевъ отъ арендъ имѣній и хвалить Сѣрадзскій сеймикъ за подобное дѣйствіе ⁶⁾. Въ заключеніе авторъ развиваетъ картину тѣхъ выгодъ, какія получили бы отъ освобожденія крестьянъ и помѣщики и вся страна ⁷⁾, и заканчиваетъ увѣщаніемъ, въ которомъ слышится мотивъ, родственнѣе увѣщаніямъ Стапица: «Кто знаетъ, говоритъ онъ, не ради этихъ ли угнетенныхъ почти половина страны перешла въ руки непріятелей. Но это еще предостереженіе, а не гнѣвъ. Когда поколѣнія отпадали отъ Іуды, Господь хотѣлъ

¹⁾ «Пусть паны будутъ ихъ начальствомъ, но начальствомъ съ опредѣленными правами, пусть они охраняютъ хлопскія права, но не произвольно устанавливаютъ и измѣняютъ ихъ».

²⁾ Тамже, в. 89—90.

³⁾ Тамже, в. 91—2.

⁴⁾ Тамже, в. 107.

⁵⁾ Тамже, в. 109—10.

⁶⁾ Тамже, в. 108, в. 94 и ргзур. 65.

⁷⁾ Тамже, в. 111—113.

еще только исправленія, а не гибели. Воспользуемся же и мы этимъ предостереженіемъ, чтобы не сдѣлаться невольниками, какъ безчувственный Израиль» ¹⁾).

Брошенный Курпемъ мимоходомъ упрекъ прошлымъ вѣкамъ польской исторіи, будто втеченіе ихъ «безчувственность къ крѣпостнымъ до такой степени господствовала надъ сердцами поляковъ, что даже ученые были заражены ею», ²⁾ вызвалъ появленіе въ слѣдующемъ году новой брошюры, также вышедшей изъ либеральнаго лагеря и озаглавленной: «Отвѣтъ на вопросъ: неужели въ прошлые вѣка безчувственность къ крѣпостнымъ до такой степени господствовала надъ сердцами поляковъ, что ею были заражены даже ученые? или добавленіе къ книгѣ о польскихъ крѣпостныхъ» ³⁾. Авторомъ ея былъ ксендзь Давидъ Пильховскій ⁴⁾. Самое заглавіе этой брошюры опредѣляетъ уже ея содержаніе и, дѣйствительно, она представляетъ собою не что иное, какъ сборникъ доказательствъ, что и въ старое время многіе сочувствовали тяжелому положенію крестьянъ и старались облегчить ихъ участь. Что касается программы, выставленной Пильховскимъ, то она ничѣмъ существенно не отличается отъ программы Курпя.

Въ тѣсной связи съ этими двумя брошюрами находится третья, появившаяся въ 1790 году и представляющая съ одной стороны защиту ихъ отъ нападеній консерваторовъ, съ другой—дальнѣйшее развитіе заложенныхъ въ нихъ началъ. Это—«Практическія замѣчанія о польскихъ крѣпостныхъ, въ отношеніи ихъ свободы и неволи» ⁵⁾. Она распадается на 4 части:

¹⁾ Тамже, с. 115.

²⁾ O poddanych polskich, г. 1788, прим. 4 къ с. 6.

³⁾ Odpowiedź na pytanie: Izali nieczułość w wyższych wiekach ku poddanym tak była opranowała serca Polaków, iż uczeni nawet nią zarażeni zostali? czyli dodatek do księgi o poddanych polskich; г. 1789. Содержаніе этой брошюры, которой я самъ не видѣлъ, приведено изъ другой, о которой рѣчь будетъ ниже и русскій переводъ которой помѣщенъ въ Славянскомъ Сборникѣ, т. III, отд. 3. См. тамъ стр. 75—83.

⁴⁾ См. Pilat, O literaturze politycznej sejmku 4-letniego, Kraków, 1872. с. 186, пр. 1.

⁵⁾ Uwagi praktyczne o poddanych Polskich względem ich wolności i niewoli. W Warszawie. 1790. Такъ какъ у меня не было подъ руками польскаго подлинника, я цитую ее по русскому переводу Червяковского, помѣщенному въ Славянскомъ Сборникѣ, т. III, Спб., 1876, отд. 3, стр. 69—139, подъ заглавіемъ «Крестьяне въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго ея раздѣла», извѣдка только позволяя себѣ слегка измѣнять текстъ въ виду шероховатости перевода.

первая представляет разборъ трехъ брошюръ, двухъ только что приведенныхъ нами и третьей, рѣзко консервативнаго направленія, «Доискиваніе у предковъ чувствительности къ крѣпостнымъ», ксендза Игнатія; вторая часть заключаетъ въ себѣ описаніе положенія польскихъ крестьянъ при неограниченныхъ и ограниченныхъ короляхъ и въ современную автору эпоху; третья—уставы и конституціи о неприкосновенности чести, здоровья, имущества и жизни крестьянъ, и, наконецъ, четвертая—«выводы изъ предыдущихъ истинъ» или разсмотрѣніе жалобъ на рабство. Въ первой части авторъ съ ѣдкимъ остроуміемъ защищаетъ Курпя и Пильховскаго отъ нападокъ ксендза Игнатія и опровергаетъ выводы послѣдняго, клонящіеся къ защитѣ крѣпостнаго права. Онъ ведетъ эту борьбу, въ которой побѣда несомнѣнно остается на его сторонѣ, то серьезными доказательствами, то язвительной ироніей, то горячими и страстными возраженіями. Къ Курпю и Пильховскому онъ относится съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Но самая важная часть его сочиненія это—четвертая, гдѣ собраны главнѣйшія возраженія противъ крѣпостнаго права и гдѣ помѣщается его собственная программа для разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Вся эта часть написана въ видѣ рѣчи самихъ крестьянъ, обращенной къ королю и сейму и представляющей краснорѣчивую и горячую защиту крестьянъ. Сперва обрисовывается ихъ тяжелое положеніе: «Мы—сословіе, въ рукахъ котораго ежегодно возраждаются и ваши жатвы, и ваши сборы,—возносимъ руки съ мольбою о милосердіи. Милліоны землепашцевъ—населеніе, оберегающее основы народнаго богатства,—мы ведемъ нищенскую жизнь, перебиваясь полгода мякиною и полгода голодомъ, живемъ—только въ курныхъ шалашахъ, одѣваемся—только въ рубище, сѣемъ—только зерномъ, занятымъ у ростовщиковъ, пашемъ—только измученнымъ, плохо выкормленнымъ скотомъ, собираемъ,—только наработавшись вдоволь на панскихъ нивахъ и украдкой на своихъ неунавоженныхъ, истощенныхъ пашняхъ, молотимъ — только для уплаты барышникамъ, для грабежа со стороны панскихъ дворовъ и евреевъ, воспитываемъ дѣтей въ голодѣ и слезахъ, не на помощь себѣ, а на панскую службу, и находимъ утѣшеніе только въ отравленіи крѣпкими напитками, которые продаютъ евреи.

«Нѣтъ у насъ отечества, ибо нѣтъ собственности, хотя мы безъ устали работаемъ; нѣтъ для насъ общества, ибо прерваны

съ нами связи благотворительности; нужда не привязываетъ насъ къ нашему очагу; можно-ли любить голодь и угнетеніе, плачь и стоны? Стѣснены для насъ арендами продажа и купля: если, отрывая что-либо ото рта, мы пожелаемъ вымѣнять на грошъ, или для удовлетворенія насущной потребности, — вмѣсто денегъ мы вынуждены получать или горѣлку, или мошенническій расчетъ. Хозяйничанье вашихъ надсмотрщиковъ, комиссаровъ, экономовъ разоряетъ насъ отнятіемъ пастбищъ, или захватомъ унавоженныхъ пашень, или изнуряющею дорожною повинностью. Безустаннымъ трудомъ мы не можемъ добыть себѣ пропитаніе...¹⁾ Но эта страшная бѣдность крестьянъ представляетъ только одну сторону крѣпостнаго права: остается еще другая — полный произволъ пана надъ хлопами. «При всей этой нуждѣ, мы еще не безопасны въ нашихъ заработкахъ отъ посягательствъ жадности, въ нашемъ здоровьѣ — отъ порывовъ гнѣва, въ нашемъ человѣческомъ достоинствѣ — отъ оскорбленій со стороны надменности, въ нашей жизни отъ безчеловѣчія». Такое положеніе вліяетъ и на самую нравственность крестьянъ. «Развѣ нужда, на вѣки закрѣпленная и переходящая отъ отца къ сыну, не принижаетъ насъ до состоянія звѣрей? Чувствуя себя обремененными во всемъ цѣпями рабства, можемъ-ли мы думать о смягченіи нравовъ, а не предаваться отчаянію? Жертва грѣховъ насилія, можемъ-ли мы знать имя добродѣтели?»²⁾ Невѣжество, суевѣріе, пьянство крестьянъ — это все плоды тяготѣющаго надъ ними крѣпостнаго права, вліяніе котораго не ограничивается притомъ одними хлопами, но повергаетъ въ упадокъ всю страну. Польша не поднимется изъ этого упадка, пока не будетъ устранена основная причина его.

«Паны наши! — восклицаетъ авторъ отъ имени крестьянъ, — пока не будетъ свободы, единственной побудительной причины труда и промысла, пока не разовьется любовь къ собственно-

¹⁾ «Славянскій Сборникъ», т. III, отд. 3, стр. 121. Во второй части брошюры, гдѣ также идетъ рѣчь о положеніи крестьянъ, авторъ подробно описываетъ ихъ повинности и работы и терпимыя ими притѣсненія, заканчивая это описаніе горькимъ восклицаніемъ: «Неправда-ли, что цѣлый адъ жадности и грабительства, плутовства и мошенничества, насилія и принужденія стаянулся на гибель крестьянина?» Тамже, стр. 116—117.

²⁾ Тамже, стр. 123.

сти, до тѣхъ поръ напрасны будутъ попытки пробудить въ странѣ охоту къ труду и просвѣщенію!

«Пока будетъ находиться въ пренебреженіи земледѣльческое населеніе, имѣющее свѣдѣнія о почвѣ изъ самаго близкаго опыта, до тѣхъ поръ ни мало не помогутъ ни стоящія милліоновъ академіи, ни книги, отличающіяся самымъ свѣтлымъ пониманіемъ дѣла, ни выдумки, изобрѣтенныя заграничными хозяйствами, ни самое искреннее доброжелательство къ отечеству, ни примѣры самыхъ прибыльныхъ посѣвовъ на пашняхъ и лугахъ. Черное принужденіе заставитъ насъ остаться во мракѣ, нужда — въ неохотѣ, недостатокъ — въ гибельномъ состояніи, и страна будетъ пребывать въ дикомъ невѣжествѣ и горемычной долѣ» ¹⁾. Безъимянный авторъ «Замѣчаній» сходится, такимъ образомъ, со Сташицемъ, выставляя крестьянскую реформу на первый планъ и ставя въ зависимость отъ нея всѣ другія. «При нашемъ рабствѣ и необезпеченности имущества, — не разгорѣться по всей странѣ свѣту просвѣщенія, уже столь дорого стоящаго! Безполезно чтить права природы одними устами, когда они пренебрегаются на дѣлѣ въ примѣненіи къ цѣлому нашему народу. Мануфактурная промышленность не находитъ усовершенствованія среди нищеты. Казна всегда будетъ пуста. Торговля постоянно убыточна... Отечество безъ благосостоянія и патріотизма останется безъ защиты, науки не разовьются на отечественной народной почвѣ, придавленной на пашняхъ и въ усадьбѣ» ²⁾. Наконецъ, авторъ пытается подѣйствовать на шляхту, указывая ей личныя ея потери въ хозяйствѣ отъ крѣпостнаго права. «Земледѣліе семи частей страны находится въ жалкомъ положеніи». «Можетъ-ли вашъ рабъ, спрашиваетъ онъ, воздѣлать надлежащимъ образомъ и тѣ пашни, которыя онъ держитъ, не имѣя хорошихъ орудій? Можетъ-ли онъ своевременно засѣять поля при разбросанности работы и увозить ихъ при малочисленности скотнаго двора? Можетъ-ли онъ, при своей несостоятельности размножить скотъ? Можетъ-ли собрать деньги при многочисленныхъ уплатахъ и ничтожныхъ урожаяхъ?» ³⁾.

¹⁾ Тамже, стр. 125.

²⁾ Тамже, стр. 125—6.

³⁾ Тамже, стр. 129.

Но какъ же исправить это печальное положеніе, какъ под-
нять крестьянъ и вмѣстѣ съ ними всю страну изъ того упадка,
въ которомъ они находятся? «Сдѣлайте всѣхъ гражданами, от-
вѣчаетъ на этотъ вопросъ авторъ «Практическихъ замѣчаній»,
пусть каждый работаетъ для пріобрѣтенія себѣ собственности,
употребите еврейское населеніе для удобренія пустошей ¹⁾, и
край оживетъ въ богатствѣ, могуществѣ и красѣ ²⁾. Крестья-
намъ должны быть возвращены старыя ихъ судебныя права,
солтысскіе и полюбовныя суды съ панами и возможность апел-
ляціи къ королевскимъ судамъ; вновь должны быть введены
въ дѣйствіе старыя законы о неприкосновенности здоровья,
жизни, имущества и усадьбы крестьянъ; каждый сеймъ дол-
женъ назначать комиссіи изъ лицъ, живущихъ въ другихъ
повѣтахъ, для рассмотрѣнія жалобъ крестьянъ и окончатель-
наго рѣшенія по нимъ. Хлопы должны пользоваться правитель-
ственной опекой, наравнѣ съ другими сословіями ³⁾. Такова
та сторона его программы, которая касается личныхъ правъ
крестьянъ; еще подробнѣе разработаны у него собственно эконо-
мическія отношенія крестьянъ. Здѣсь онъ прежде всего со-
вѣтуетъ очиншеваніе, причемъ размѣры чиншей должны быть
установлены правительствомъ. «Вы имѣете, говоритъ онъ, об-
стоятельныя свѣдѣнія о количествѣ земель въ цѣлой странѣ,
можете распредѣлить, сколько мы должны платить съ нихъ
панамъ; а если это трудно, назначьте комиссіи, которыя, по
всестороннемъ рассмотрѣніи дѣла, опредѣлили бы по мѣсту и
почвѣ наши чинши съ лана, уволоки, съ жеребья, слѣда (ślad),
съ полянокъ, морговъ и съ сѣнокоса, съ лѣсовъ, пчель, рѣкъ,
озеръ; установили бы, до какой степени мы имѣемъ право ко-
пать, корчевать, осушать болота и въ какіе сроки какую должны
вносить плату. Ограничьте владѣльцевъ, чтобъ они не возвы-
шали плату иначе, какъ съ согласія сейма, по истеченіи опре-
дѣленнаго числа лѣтъ, напримѣръ черезъ 30 или болѣе лѣтъ,
когда или пашни станутъ лучше, или измѣнится цѣнность мо-
неты» ⁴⁾. Въ этомъ пунктѣ нашъ авторъ опять сходится съ
Стапицею, также требующимъ уничтоженія панщины съ замѣ-

¹⁾ Obróćcie Żydowską ludność na pognojenie odłogów.

²⁾ Тамже, с. 130.

³⁾ Тамже, стр. 130—131. Крестьяне получаютъ кромѣ того свободу пере-
хода, стр. 133.

⁴⁾ Тамже, стр. 131.

ной ея чиншемъ или опредѣленной работой и вмѣшивающимъ въ это дѣло правительство. Но далѣе у него встрѣчается и важное отличіе отъ Сташица. Втеченіе пяти лѣтъ, прошедшихъ со времени выхода сочиненія послѣдняго, программа либераловъ успѣла нѣсколько развиться. Мы видѣли, что уже Курпъ требовалъ для крестьянъ владѣнія по крайней мѣрѣ движимымъ имуществомъ; въ «Практическихъ замѣчаніяхъ» подобное желаніе выражено уже болѣе ясно и опредѣленно. «Дайте намъ, говоритъ авторъ ихъ отъ лица польскихъ крестьянъ земельную собственность, подъ условіемъ извѣстной наследственной повинности, въ видѣ закупничества ¹⁾, какъ это съ давнихъ поръ практикуется въ разныхъ мѣстахъ; деньги отъ закупничества можете обратить или въ казну, или въ пользу владѣльцевъ; разложите ихъ на сроки и доли, мало-помалу мы или вышлатимъ, или отработаемъ ихъ. Дайте намъ право закупать каждому столько, сколько онъ въ состояніи» ²⁾. «Мы не желаемъ, заканчиваетъ онъ свою программу, иной свободы, кромѣ обезпеченія со стороны надзора и юрисдикціи страны, неприкосновенности нашей личности и имущества, увольненія насъ отъ работы на пановъ, дозволенія перехода на чинши, съ уплатою ссыпкою или деньгами, смотря по мѣстности, отдачи земель въ вѣчное владѣніе подъ условіемъ справедливыхъ обязанностей, чтобы отцы могли заботиться о пашняхъ для дѣтей. Мы просимъ основать наши права на контрактныхъ договорахъ между нами и панами. Въ нихъ слѣдуетъ сдѣлать шагъ впередъ, для улучшенія нашего положенія безъ обиды для владѣльцевъ» ³⁾. Въ случаѣ выполненія этой программы, авторъ брошюры обѣщаетъ Польшѣ полное благоденствіе. Яркими красками рисуетъ онъ благія слѣдствія одобной реформы. Земледѣліе страны улучшится, крестьяне станутъ богаче, предприимчивѣе, добродѣтельнѣе. «Достатокъ и

¹⁾ Закупничество (*zakupieństwo*) граничитъ съ арендой или съ деннымъ правомъ (см. *Maciejowski, Historia włościan w Polsce, s. 299*) и заключается въ томъ, что крестьянинъ, внесшій за землю опредѣленную сумму, получаетъ участокъ за извѣстный чиншъ въ полное свое владѣніе и распоряженіе, но собственность земли остается за помѣщикомъ.

²⁾ Тамже, стр. 131.

³⁾ Тамже, стр. 134—135.

удобства вызовутъ нестѣсняемую, свободную мысль, поведутъ къ свѣту разумѣнія, возбудятъ любознательность и желаніе извлекать пользу изъ образованія владѣльцевъ и ихъ знаній, доставятъ ремесленникамъ обильный матеріалъ, умножатъ прибыльную торговлю, усилятъ армію руками, испытанными въ трудѣ, вдохнуть ей мужество къ оборонѣ милыхъ родныхъ усадебъ, легче наполнять казну податями, облегчатъ осуществленіе правительственныхъ предначертаній, наградятъ владѣльцевъ—вѣрностью доходовъ и благосостояніемъ ихъ людей, поведутъ къ открытію въ родной землѣ новыхъ богатствъ и сокровищъ» ¹⁾. Восхваляя свободный трудъ, авторъ замѣчаетъ, что при немъ даже Пинскія болота, вѣроятно, были бы осушены и превращены въ плодородныя долины ²⁾. Наконецъ въ заключеніе онъ снова обращается къ интересу самой шляхты и кончаетъ свой трудъ такими словами: «Если уже не побудитъ васъ освободить насъ изъ рабства наша нищета, пусть убѣдитъ васъ въ этомъ ваша собственная вѣрнѣйшая выгода, большее благосостояніе вашего отечества, и, наконецъ, пусть послужитъ для васъ побужденіемъ къ этому и слава: вы сдѣлаете счастливыми людей, уничтожите дикость въ странѣ и положите прочную основу для ея процвѣтанія!» ³⁾.

Связь, существующая между тремя брошюрами, которыя мы только-что разбирали, заставила насъ нѣсколько уклониться отъ хронологическаго порядка въ разсмотрѣніи произведеній либеральной польской литературы того времени по крестьянскому вопросу. Намъ придется поэтому вернуться немного назадъ и остановиться на двухъ брошюрахъ, принадлежащихъ по направленію своему также къ либеральному лагерю и вышедшихъ еще въ 1789 году. Первая изъ нихъ «Замѣчанія о хлопахъ», появившаяся безъ имени автора, принадлежитъ львовскому каштеляну, Тадеушу Морскому ⁴⁾. Появленіе ея вызвано было случайнымъ обстоятельствомъ, именно тѣмъ,

¹⁾ Тамже, стр. 132; ср. также стр. 135—138.

²⁾ Тамже, стр. 138.

³⁾ Тамже, стр. 139.

⁴⁾ Uwagi o chłopach, w Warszawie, Gröll, безъ даты, но время ея можно опредѣлить по содержанию. Такъ какъ рѣчь въ ней идетъ о сеймовомъ заведеніи 30 марта 1789 г., то, вѣроятно, она вышла вскорѣ послѣ него. Ср. Kozon, l. c., t. I, s. 415, пр. 1; объ авторѣ см. Uruski, Sprawa włościanska. Warszawa, t. I, 1858, s. XX.

что на сеймовомъ засѣданіи 30 марта 1789 года читалось донесеніе о раскладкѣ панами на хлоповъ временной («протунковой») подати, наложенной на дворы, и предложень былъ проектъ, устанавлиющій наказаніе за это преступленіе, который, однако, былъ отвергнутъ сеймомъ. Авторъ брошюры взялъ на себя обязанность опровергнуть упреки консерваторовъ по адресу этого проекта и при этомъ высказываетъ свои взгляды вообще на крестьянскій вопросъ. Онъ признаетъ прежде всего, что настоящее положеніе крестьянъ неудовлетворительно и требуетъ реформъ, которыя задерживаетъ только корыстолюбіе. «Я вижу, говоритъ онъ, народъ въ цѣломъ уже на такой степени просвѣщенія, вижу состояніе края настолько отклонившимся въ сторону славы отъ позора, что и необходимость, и просвѣщеніе вносятъ предъ сословія не одинъ проектъ въ этомъ отношеніи и что никакимъ образомъ мы не обойдемся безъ новыхъ законовъ для сельскаго сословія» ¹⁾. Онъ собираетъ затѣмъ всѣ возраженія противъ внесеннаго проекта, главнѣйшія изъ которыхъ заключаются въ слѣдующемъ. 1) Проектъ внесенъ не во время. 2) Данное крестьянамъ во время бунта позволеніе обращаться въ судъ съ жалобой на пановъ ободрило бы бунтовщиковъ. 3) Доносы, совѣтуемые въ проектѣ, расстроили бы въ народѣ подлость, месть и шпіонство. 5) Жалобы крестьянъ не приносятъ пользы, а только ухудшаютъ положеніе дѣлъ, какъ это видно на примѣрѣ королевцизнъ. 7) Прежде облегченія участи крѣпостныхъ нужно просвѣтить ихъ. «Хотя бы раньше видѣть ихъ людьми, чѣмъ провозгласить свободными». 9) Ни въ одной инструкціи послы не уполномочены къ подобнымъ шагамъ ²⁾. Морскій подробно разбираетъ эти и другія возраженія, стараясь опровергнуть ихъ. Мы не будемъ слѣдовать за нимъ въ этомъ разборѣ, но отмѣтимъ только его общіе взгляды на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ. Бунтовать и не можетъ быть въ Польшѣ, по его мнѣнію, такъ какъ бунтуетъ человѣкъ, нарушающій законы, а для крестьянъ Рѣчи Посполитой законовъ не существуетъ ³⁾. Настоящая причина волненія среди хлоповъ кроется въ ихъ несчастномъ положеніи,

¹⁾ Uwagi o chłopach, s. 4.

²⁾ Тамже, s. 5—9.

³⁾ Тамже, s. 14—15.

благодаря которому они легко поддаются иностраннымъ внушеніямъ ¹⁾; въ противодѣйствіе этому авторъ рекомендуетъ мягкое обхожденіе съ хлопами, терпимость къ ихъ религіи и просвѣщеніе народа ²⁾. Послѣднее не составляетъ необходимаго подготовительнаго условія для введенія реформъ: крестьяне не могутъ выйти сразу изъ своего печальнаго положенія, но они должны быть допущены къ правамъ, свойственнымъ людямъ и приличнымъ ихъ сословію. Послѣ этого скорѣе пойдетъ и распространеніе образованія. Права, «приличныя сословію крестьянъ», не особенно, однако, широки у автора. «Провозглашеніе свободы хлоповъ, говоритъ онъ, я всегда считалъ не только ненужнымъ, но и вреднымъ. Форма нашего правительства исключаетъ ихъ отъ публичныхъ совѣщаній и я не пророчилъ бы долгаго существованія нашей собственной свободы, если бы услышалъ предложеніе о допущеніи хлоповъ къ публичнымъ совѣщаніямъ» ³⁾. Онъ требуетъ опредѣленія повинностей крестьянъ относительно пановъ закономъ, свободы перехода, обезпеченія собственности, хотя бы движимой, защиты крестьянъ отъ насилій и угнетеній; тогда они «будутъ свободными въ дѣйствительности, хотя не на словахъ» ⁴⁾. Реформы эти увеличатъ населеніе и промышленность Польши и «тогда уже нельзя будетъ философамъ, друзьямъ человечества, видѣть отмищеніе человечества въ расхватѣ нашихъ провинцій и выставлять будущимъ вѣкамъ (какъ они дѣлали это до сихъ поръ) этотъ раздѣлъ Польши, какъ дѣло милосердія и жалости къ сельскому сословію, стенающему у насъ въ неволѣ и подлости» ⁵⁾.

Признавая необходимость немедленной реформы, Морскій, однако, открываетъ для нея, какъ мы видѣли, не особенно широкое поле, и его сочиненіе, по заключающейся въ немъ программѣ, можетъ быть отнесено къ разряду тѣхъ осторожно-либеральныхъ произведеній, какихъ мы видѣли достаточно количество въ началѣ описываемаго періода. Но къ этому времени реформаторская мысль сдѣлала уже большіе успѣхи на поприщѣ литературы и наряду съ подобными Морскому авто

¹⁾ Тамже, s. 18—19.

²⁾ Тамже, s. 36.

³⁾ Тамже, s. 36—37, 37.

⁴⁾ Тамже, s. 36, 38, 49—51.

⁵⁾ Тамже, s. 46—47.

рами является все болѣе смѣлыхъ сравнительно реформаторовъ. Однимъ изъ такихъ былъ и авторъ появившейся въ томъ же 1789 году брошюры: «Общія замѣчанія о земледѣльческомъ и городскомъ сословіи»¹⁾. Основнымъ тезисомъ брошюры этой служить положеніе, что «подъ народнымъ благосостояніемъ нужно понимать счастье всѣхъ жителей страны»²⁾. Авторъ доказываетъ, что Польша для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить всѣмъ своимъ нуждамъ, и въ томъ числѣ главнымъ образомъ нуждѣ въ войскѣ, должна позаботиться о благоденствіи всего своего народа, такъ какъ никакія обыкновенныя средства не хватятъ ей въ случаѣ войны³⁾. «Признайте же, законодатели, восклицаетъ онъ, которыхъ рыцарское сословіе выслало въ эту столицу для будущаго счастья вашей отчизны, признайте, что нѣсколько сотъ тысячъ людей, которые зовутся потомками первыхъ завоевателей польской страны, не народъ, но четырнадцатая часть его, что народъ состоитъ изъ семи миллионовъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ хлопы и мѣщане находятся въ отношеніи одного къ четырнадцати, если не болѣе; что общая нужда требуетъ для каждаго жителя въ отдѣльности обезпеченія личной свободы и собственности, земельной ли или движимой, что общая работа всѣхъ гражданъ единственный источникъ народнаго богатства, наконецъ, что каждый житель долженъ находить уваженіе и опеку у законодательной власти, не въ силу наружной важности, но по мѣрѣ выгодъ, доставляемыхъ его работою народу»⁴⁾. Крестьянъ авторъ брошюры называетъ «людьми, наиболѣе достойными уваженія въ земледѣльческой странѣ и потому имѣющими прежде всѣхъ право на вниманіе власти, но у насъ находящимися въ презрѣніи»; возмущается тѣмъ, что паны «вслѣдствіе неограниченной власти надъ своими хлопами могутъ безъ суда отнять у нихъ имѣніе, обезпеченное самымъ долгимъ владѣніемъ». Съ негодованіемъ говорить

¹⁾ Uwagi ogólne nad stanem rolniczym i mieyskim z powodu przyszley rządu narodowego formy. Warszawa, Dufour, 1789. Pilat (l. c., s. 163 и пр. 1), предполагаетъ ея авторомъ Выбицкаго, судя по слогу и взглядамъ, тѣмъ болѣе, что Выбицкій писалъ въ защиту мѣщанъ, но что именно, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ это нѣсколько рискованное предположеніе.

²⁾ Uwagi ogólne, s. 3.

³⁾ Тамже, s. 3—19.

⁴⁾ Тамже, s. 25—6.

онъ объ отношеніи помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ: «Мы, временные собственники земскихъ имѣній, продаемъ ихъ (хлоповъ) другъ другу по инвентарю, на вѣчное время или, скорѣе, на ничтожную вѣчность нашей жизни, продолжающейся нѣсколько десятковъ лѣтъ. Ихъ дѣтей, родящихся обыкновенно голыми, мы оставляемъ въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ, которые родятся въ клейнотахъ, какъ это извѣстно каждому, у кого воображеніе расходится съ разсудкомъ. Двадцать одинъ годъ назадъ мы имѣли право убивать ихъ, отложивъ 100 злотыхъ и даже gratis и только по закону трактата 1768 г. насъ предостерегли, что наша голова слѣплена изъ той же глины, какъ и хлопская» ¹⁾). Власть шляхты основывается на ея обязательствѣ защищать остальныхъ жителей, но раздѣломъ Польши это обязательство нарушено. Раздѣлъ этотъ не могъ бы состояться, еслибы крестьяне и мѣщане не видѣли для себя въ сосѣднихъ государствахъ лучшей доли, чѣмъ въ Польшѣ ²⁾). Несчастья Польши будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока она не убѣдится, «что подъ народнымъ благосостояніемъ нужно разумѣть счастье не одного класса гражданъ, но всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ жителей Рѣчи Посполитой» ³⁾).

Въ «продолженіи общихъ замѣчаній о земледѣльческомъ и городскомъ сословіи» ⁴⁾ тотъ же авторъ доказываетъ необходимость освобожденія, опровергая предразсудки, существующіе на этотъ счетъ у шляхты. Освобожденный хлопь, по его словамъ, не пожелаетъ шляхетскихъ правъ, такъ какъ «онъ подъ свободой понимаетъ только то, чтобы быть паномъ, собственникомъ и полнымъ распорядителемъ имѣнія, прибрѣтеннаго собственной работой». Далѣе доказывается, что освобожденные хлопы могутъ покупать земскія имѣнія: они не скупаютъ всѣхъ имѣній, какъ не скупилъ ихъ и шляхта, а если хлопь, обладающій собственностью, проникнетъ на сеймъ, то это будетъ только хорошо, но можетъ послѣдовать еще не скоро ⁵⁾).

Событія 1789 года вызвали, кромѣ «Замѣчаній о хлопахъ»,

¹⁾ Тамже, в. 30, 31.

²⁾ Тамже, в. 32—35, 36—37.

³⁾ Тамже, с. 46.

⁴⁾ *Ściąg dalszy uwag ogólnych nad stanem rolniczym i miejskim.*

⁵⁾ Содержание этой брошюры, которой я самъ не видѣлъ, изложено по Maciejowskiemu, *Historya włóścian w Polsce*, s. 338—9.

еще одну брошюру въ либеральномъ духѣ, именно «Bunty Ukraińskie» (Украинскіе бунты) Франциска Макульскаго ¹⁾. Какъ показывается самое ея заглавіе, она написана по поводу опредѣленнаго событія, именно народнаго волненія на Украинѣ въ 1789 году и потому отличается нѣсколько специальнымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе авторъ ея высказываетъ и общіе взгляды на положеніе крестьянъ и возможность его улучшенія. Причины волненія Макульскій опредѣляетъ, подобно автору «Замѣчаній о хлопахъ», какъ заключающіяся въ самомъ положеніи крестьянъ, хотя къ этому онъ присоединяетъ еще и постороннее вліяніе (именно русское) ²⁾. «Повсюду жалуются, говоритъ онъ, на бунтъ, но будемъ жаловаться не на крестьянъ, а на пановъ, чтобы они не утѣснили, охваченные ненасытною жадностью, своихъ крѣпостныхъ ³⁾».

«Что земледѣлецъ находится въ угнетеніи, что онъ цѣнится наравнѣ со скотомъ, а по временамъ еще гораздо менѣе пса, за убійство котораго, случались примѣры, онъ кончалъ свою жизнь на висѣлицѣ или на суку, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но долженъ ли онъ быть угнетаемъ ярмомъ неволи, или нѣтъ?» ⁴⁾ Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, онъ обращается къ природнымъ законамъ и находитъ, что людямъ нужна взаимная помощь, что привлечь къ себѣ людей можно только лаской и любовью. Эта любовь «должна побуждать насъ къ охраненію жизни и имущества другихъ людей, къ управленію ихъ волей, но не такому управленію, чтобы крестьянинъ, день за днемъ гоняемый на панщину, кромѣ нея еще обязанъ былъ отбывать толоки въ праздники, дорожную повинность, заорки, оборки, зажинки, обжинки, закуски, обкуски и другія дѣла насилія, чувствуя себя угнетеннымъ насильно возложеннымъ на него ярмомъ неволи» ⁵⁾. Обращаясь отъ этихъ естественныхъ правъ человѣка къ польской дѣйствительности, Макульскій наталкивается именно на ту картину, какая обрисована въ послѣднихъ словахъ приведеннаго мѣста и восклицаетъ: «Зачѣмъ же мы противимся правамъ природы? Зачѣмъ

¹⁾ Bunty Ukraińskie czyli Ukraina nad Ukrainą uwagi, Warszawa, 1790.

²⁾ Bunty Ukraińskie, s. 21—2.

³⁾ Тамже, s. 39.

⁴⁾ Тамже, s. 132—133.

⁵⁾ Тамже, s. 140—2.

власть присвоена несправедливо? За что мѣщанинъ и хлопь цѣнятся у насъ наравнѣ со скотомъ? За что они не могутъ найти ни вниманія, ни справедливости, ни возможности заслугъ, благодаря которымъ могли бы добиваться награды?»¹⁾ Чтобы измѣнить это печальное положеніе крестьянъ, не соответствующее справедливости, Макульскій предлагаетъ свою программу улучшенія быта крестьянъ, которая должна вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать и прекращенію бунтовъ. Основныя черты этой программы, не особенно впрочемъ опредѣленной, заключаются въ слѣдующемъ: крестьяне должны быть приняты подъ опеку закона наравнѣ съ другими сословіями и судьба ихъ не должна зависѣть отъ воли пана²⁾. «Рѣчь Посполитая, замѣчаетъ Макульскій, свободна, но могла-ли бы она быть таковою, еслибы одинъ ея житель былъ свободенъ, а другой — невольникомъ?» Однако онъ тутъ же оговаривается: «излишняя свобода и излишняя неволя равно могутъ быть побужденіями къ бунту, но свобода, ограниченная законами, внесетъ въ умы крестьянъ любовь къ отечеству»³⁾. Жестокости должны быть строго воспрещены, а виновные въ нихъ паны будутъ привлекаться къ суду. Крестьяне должны имѣть свои суды и въ нихъ своего присяжнаго защитника. Повинности крестьянъ къ панамъ будутъ опредѣлены закономъ, равно какъ и время ихъ отбыванія, и помѣщикъ, не потребовавшій крестьянъ во время на работу, не можетъ уже звать ихъ по истеченіи этого времени. Въ каждой деревнѣ должны быть заведены приходскія школы съ учителями изъ хлоповъ или мѣщанъ⁴⁾. Но наряду съ этими требованіями въ духѣ прогрессивной партіи у Макульскаго встрѣчаются и такія, которыя расходятся съ первыми. Такъ, онъ не совѣтуетъ выгонять евреевъ-арендаторовъ изъ корчемъ потому, что они могутъ служить хорошими шпионами. Онъ совѣтуетъ только поставить слѣдующія условія

¹⁾ Тамже, с. 172—3.

²⁾ Тамже, с. 52—3.

³⁾ Тамже, с. 91; ср. еще с. 83—84 и с. 139.

⁴⁾ Тамже, стр. 92, 93, 94—5, 101. Любопытно, что на должности визитаторовъ православныхъ школъ на Украинѣ Макульскій предлагаетъ латинскихъ ксендзовъ, с. 103 — 4. Ревность къ католичеству вообще у него замѣтна: такъ, предлагая допустить русскихъ епископовъ въ сенатъ, онъ совѣтуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ уравнивать жалованье епископовъ, что можетъ, по его мнѣнію, способствовать отвлеченію Руси отъ православія, с. 129—131.

оставленія евреевъ: чтобы они никого не принуждали брать водку, не давали въ кредитъ болѣе, чѣмъ на 3 золотыхъ, и соразмѣряли цѣну водки съ цѣной хлѣба ¹⁾. Но еще гораздо болѣе поражаетъ слѣдующее его требованіе: для поднятія земледѣлія и увеличенія трудолюбія крестьянъ онъ совѣтуетъ отнять у нихъ излишнія земли, которыя они не обрабатываютъ по нѣскольку лѣтъ. «Когда у нихъ уменьшатся поля, они по необходимости будутъ старательнѣе работать и болѣе заботиться объ обработкѣ земли, чтобы имъ не далъ себя знать голодъ» ²⁾. Подобныя требованія характеризуютъ шаткость убѣжденій автора «Украинскихъ бунтовъ», которые вообще по своему складу скорѣе представляютъ памфлетъ. Серьезныя разсужденія переищаны здѣсь съ разсказами о личныхъ впечатлѣніяхъ автора и со стихами, иногда дубоватыми, въ которыхъ говорится о равенствѣ сословій, о необходимости устранить притѣсненія и т. д.

Гораздо шире и рѣшительнѣе разработанъ крестьянскій вопросъ въ вышедшей въ томъ же 1790 году брошюрѣ «Политическое право польскаго народа» ³⁾. Она принадлежитъ одному изъ главъ либеральной партіи на четырехлѣтнемъ сеймѣ, Гуго Коллонтаю, бывшему въ то же время главнымъ направителемъ либеральной политической литературы того времени ⁴⁾. Благодаря этому, эта брошюра получаетъ для насъ особый интересъ, какъ выражающая взгляды тѣхъ людей, которые *de facto* стояли во главѣ либеральнаго движенія въ Польшѣ въ эту эпоху. Въ предисловіи къ помѣщенному здѣсь проекту будущаго государственнаго устройства Рѣчи Посполитой, написанномъ горячо и страстно, авторъ протестуетъ противъ настоящаго положенія крестьянъ. «Не можетъ, говоритъ онъ, на-

¹⁾ Тамже, с. 114—115.

²⁾ Тамже, с. 122—4.

³⁾ Prawo polityczne narodu polskiego czyli układ rządu Rzeczypospolitéj. Warszawa, 1790. Брошюра эта составляетъ собственно четвертую часть большаго сочиненія Коллонтая п. в. «Do Stanisława Małachowskiego, ref. koronnego, o przyszlum seumie anopnu listów kilka», но, въ виду своей цѣльности, можетъ быть рассматриваема и отдѣльно.

⁴⁾ Подъ руководствомъ его работала цѣлая группа публицистовъ. См. объ нихъ любопытную и интересную книжку Wł. Smoleńskiego, «Kuznica Kołnatajowska, 1885, раскрывающую вмѣстѣ съ тѣмъ ту сторону польскаго движенія въ эту эпоху, которая сближала его съ французской революціей.

зваться свободнымъ тотъ народъ, гдѣ человѣкъ несчастливъ; не можетъ быть свободной та страна, гдѣ человѣкъ невольникъ. Поэтому ни одно законодательство не должно умалчивать о правахъ человѣка, ни одно общество не можетъ жертвовать людьми для людей. Такія дѣйствія назывались бы или несправедливостью, или страхомъ... Говорить, что непросвѣщенному народу не могутъ быть возвращены въ цѣлости его права, значить говорить противъ правилъ разсудка и справедливости, такъ какъ нѣтъ ни одного случая, за исключеніемъ недостатка лѣтъ и ума, въ которомъ человѣкъ могъ бы терять свои права. Даже малолѣтній и сумасшедшій находятся подъ опекой благодѣтельныхъ людей и одинъ только преступникъ можетъ быть невольникомъ общества... И можемъ-ли мы сказать, что шляхетское сословіе, которому польскіе законы обезпечили не только свободу, но и равное участіе въ правительственной власти (*rownosć w rządzie*), все равно просвѣщено?.. Что же такое крѣпостной чьей-нибудь деревни?.. Въ Европѣ-ли или въ другой части свѣта онъ равно гражданинъ земли и смѣло можетъ обратиться ко всякому Теренцію со словами: «*Homo sum, humani nihilo a me alienum puto*». Ты, который хочешь держать меня у себя въ рабствѣ, взгляни на меня и на себя, присмотришь, хотѣла-ли природа создать меня отличнымъ въ чемъ-нибудь отъ тебя: *homo sum*. Ты, который отказываешь мнѣ въ свободѣ, разсмотри свои и мои чувства, суди по самому себѣ и устыдись въ глубинѣ сердца, что на той же землѣ, подъ властью того же правительства, при которомъ ты обезпечиваешь для себя свободу, ты хочешь держать меня въ рабствѣ: *humani nihilo a me alienum puto*. Если работа, которая связала меня ближе съ землей, если моя бѣдная жизнь доставляли тебѣ излишества и великолѣпіе, ты обязанъ мнѣ за это благодарностью и справедливостью, а если ты оплачиваешь мнѣ неволей, не я, но ты не человѣкъ»¹⁾. Далѣе онъ доказываетъ, что освобожденіе крестьянъ влечетъ за собою выгоды для государства, ссылаясь въ подтвержденіе на примѣръ Голландіи, сорокъ лѣтъ боровшейся за свою свободу, и сопоставляя этотъ примѣръ съ первымъ раздѣломъ Польши. Разница, по его мнѣ-

¹⁾ *Prawo polityczne narodu polskiego. Do Prześw. Deputacyi, ss. 10, 11, 13—14, 14—15.*

нію, въ томъ, что въ Голландіи весь народъ пользовался свободой, а въ Польшѣ одна только шляхта. Этотъ мотивъ — необходимости освобожденія въ виду внѣшней опасности—разработанъ у Коллонтая съ такою же силой, какъ у Сташица и Курпя. «Что же это за народъ, спрашиваетъ онъ, въ которомъ нельзя насчитать ста тысячъ семей, заинтересованныхъ въ способѣ правленія, а остальные люди — невольники, у которыхъ нѣтъ никакой связи съ отечествомъ, для которыхъ всякое правительство безразлично? Пусть подумаетъ надъ этимъ каждый, кому мила свобода, пусть задрожитъ за свою судьбу тотъ, кого не трогаетъ судьба несчастныхъ крестьянъ, и если ему дорога свобода и вольность народа, пусть онъ спѣшитъ, какъ можно скорѣе, прибавитъ рукъ для ея защиты, пусть вселяетъ ее въ сердца бѣднѣйшихъ людей и сдѣлаетъ ее общимъ интересомъ всѣхъ. Невольникъ не дастъ ей поддержки!»¹⁾. Съ этой точки зрѣнія авторъ осуждаетъ прежнюю политику Польши по отношенію къ Малороссіи, говоря, что «еслибы Гадячскій трактатъ и права людей были соблюдаемы въ неприкосновенности, Украина по обѣ стороны Днѣпра до сихъ поръ была бы собственностью Рѣчи Посполитой, а дизунитская (православная) религія служила бы орудіемъ присоединенія другихъ славянскихъ народовъ подъ сладкое господство свободы»²⁾. На разработкѣ двухъ указанныхъ мотивовъ не кончается сходство Коллонтая со Сташицемъ и Курпемъ: также, какъ они и безымянный авторъ «Практическихъ замѣчаній», онъ считаетъ крестьянскую реформу краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ остальныхъ и думаетъ, что безъ нея Польша никакимъ образомъ не можетъ подняться изъ той пропасти униженія и безсилія, въ которой она находится. «Народъ польскій и вы, законодатели несчастнаго издавна народа! — восклицаетъ онъ, обращаясь къ депутаціи, назначенной сеймомъ для составленія конституціи, — дѣлайте, что хотите, идите, куда васъ ведетъ подчиненіе устарѣвшей рутинѣ; я смѣло предсказываю, что ни весь народъ, ни жители его не будутъ свободны, если ваше законодательство, обращая вниманіе только на малую часть народа, покинетъ остальныхъ на жертву насилію и

¹⁾ Do Prześw. Deputacyi, s. 24—25.

²⁾ Do Prześw. Deputacyi, s. 29.

произволу, если конституція не будетъ приведена въ порядокъ, если рядомъ со свободой въ ней будетъ помѣщаться рабство, рядомъ съ справедливостью — безправіе, рядомъ съ правдой — предразсудокъ» ¹⁾).

Согласно провозглашеннымъ здѣсь началамъ авторъ въ первомъ же параграфѣ первой главы своего проекта объявляетъ свободными всѣхъ людей, родившихся, живущихъ или вновь поселяющихся во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой; всякій человѣкъ свободенъ распоряжаться своими силами и имуществомъ, какъ ему угодно ²⁾. Въ главѣ восьмой, посвященной специально крестьянамъ, ближе опредѣляются ихъ права и обязанности. Неприкосновенность личности крестьянина ограждается закономъ: за убійство крестьянина или насиліе надъ его женой или дочерью помѣщикъ платитъ его семьѣ 2.000 гривенъ и подвергается смертной казни; за суровыя наказанія сверхъ мѣры и искалченія помѣщикъ подвергается по судебному приговору пенѣ въ 1.000 гривенъ; кромѣ того, въ первомъ случаѣ вся деревня можетъ уйти отъ пана, не обращая вниманія на контрактъ и не подвергаясь никакой отвѣтственности за нарушеніе его, а во второмъ — обиженный со всѣми своими родственниками ³⁾).

Но политическую и экономическую зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ Коллонтай оставляетъ въ полной силѣ. «Всякій помѣщикъ въ своихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, говоритъ онъ, и всякій пожизненный владѣлецъ представляетъ первую власть страны надъ людьми, поселившимися и живущими въ его имѣніяхъ». Онъ оставляетъ поэтому дворскіе суды, хотя на положеніи общемъ для всѣхъ судовъ страны ⁴⁾ и съ ограниченіемъ ихъ юрисдикціи болѣе мелкими преступленіями: эти суды могутъ наказывать крестьянъ розгами только до извѣстнаго числа ударовъ, заключеніемъ на нѣсколько лѣтъ и денежной пеней до извѣстной суммы; болѣе крупныя преступленія должны судиться въ особыхъ судахъ, установленныхъ для этого въ повѣтахъ ⁵⁾).

¹⁾ Przedmowa, s. IX.

²⁾ Prawa politycznego księga I, Rozdział I, § 1, s. 7.

³⁾ Тамже, rozdział VIII, § 13, s. 176; § 12, s. 175—6.

⁴⁾ Тамже, rozdz. VIII, § 1, s. 168—9.

⁵⁾ Тамже § 15, s. 178.

Собственно экономическія отношенія крестьянъ къ панамъ должны опираться на контрактахъ, инвентаряхъ и добровольныхъ договорахъ помѣщиковъ съ отдѣльными крестьянами или цѣлыми громадами, причемъ земля можетъ быть дана послѣднимъ во временное или же въ вѣчное владѣніе ¹⁾. «Свобода человѣка, поселившагося въ деревнѣ помѣщика, основывается на томъ, что условія контракта или инвентаря должны быть вѣрно соблюдаемы, что его движимое и недвижимое имущество никѣмъ не можетъ быть у него отнято, исключая тотъ случай, еслибы онъ задолжалъ, что этимъ имѣніемъ онъ можетъ распоряжаться по своей волѣ и можетъ по суду требовать отъ кого бы то ни было свои долги, что наслѣдство послѣ его родныхъ принадлежитъ только ему одному, что въ его рѣшенія никто не долженъ мѣшаться, что онъ исполнѣ воленъ жениться на комъ хочетъ и гдѣ хочетъ, что дѣтямъ своимъ онъ можетъ дать такое воспитаніе, какое найдетъ лучшимъ; наконецъ, что во всякомъ судѣ, съ помѣщикомъ-ли земли, на которой онъ поселился, или съ кѣмъ другимъ, онъ самъ, безъ всякаго посредничества, можетъ защищать свое дѣло и безопасность» ²⁾.

Что касается политическихъ правъ крестьянъ, то здѣсь Коллонтай отступается отъ высказанныхъ имъ въ предисловіи положеній и не даетъ крестьянамъ никакихъ правъ въ управленіи страной. Интересы ихъ на сеймѣ должны представлять особые *tribuni plebis* изъ шляхты, избираемые шляхтой же въ числѣ трехъ изъ каждой провинціи ³⁾. Понятно, что эти «народные трибуны» не особенно много принесли бы пользы народу.

Въ томъ же году Коллонтай выпустилъ новую брошюру

¹⁾ Тамже, *rozdz. VIII*, § 1, s. 168—9 и § 3, s. 170; § 5, s. 171. Договоръ долженъ быть обязательно заключенъ втеченіе двухъ лѣтъ; если же помѣщикъ за это время не сговорится съ крестьянами, онъ обращается къ воеводской комиссіи и та опредѣляетъ обязанности крестьянъ и пана, тамже, § 17 s. 179—180.

²⁾ Тамже, § 16, s. 178—9.

³⁾ *Do St. Małachowskiego, ref. kor., o przyszlum seymie anonyms listów kilka, Część III*, s. 204. Козлоп думаетъ, что предложеніе этихъ трибуновъ вызвано у Коллонтая невѣжествомъ хлоповъ, но это не устраняетъ противорѣчія съ предисловіемъ, гдѣ прямо отвергнуты подобныя соображенія.

подъ заглавiемъ «Послѣднее предостереженiе Польшѣ» ¹⁾. Въ ней онъ также затрогиваетъ крестьянскiй вопросъ, но уже не выставляетъ цѣлой программы, а настаиваетъ главнымъ образомъ на необходимости освобожденiя. Польша погибнетъ, по его словамъ, «если привязанные къ своимъ прерогативамъ не захотятъ подчиниться закону и гражданскому равенству, если весь народъ не будетъ имѣть интереса любить свое отечество и защищать общую свободу» ²⁾. Здѣсь тоже пылкое и смѣлое краснорѣчiе, что и въ «Политическомъ правѣ». «Позвольте мнѣ, обращается авторъ къ шляхтѣ, говорить вамъ правду, позже излагать вамъ ее будетъ напрасно. Конецъ нынѣшней войны (русско-турецкой) отниметъ полную возможность сдѣлать добро вамъ и вашему потомству... Теперь или никогда вы можете обезпечить себѣ наслѣдство трона и предписать соотвѣтственное ему правительство. Но правительство это не будетъ хорошимъ, если всякiй человекъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой не сдѣлается участникомъ свободы, такъ какъ иначе онъ не будетъ ея защитникомъ» ³⁾. Желая установленiя такого порядка, онъ угрожаетъ шляхтѣ въ случаѣ ея упорства неволей. «Вы могли, благодаря безкоролевьямъ и вашимъ несогласiямъ, утратить большую половину Польшы, отдать въ неволю столько миллионовъ людей и думаете, что съ вашимъ феодальнымъ правительствомъ, съ небольшой горстью шляхетскаго сословiя вы спасете остатокъ запуганнаго и уничтоженнаго народа? Дѣлайте, что хотите, ссылайтесь на ваши привилегiи, раздумывайте надъ прерогативами вашей феодальности, я вамъ смѣло скажу, что земля, въ которой болѣе семи миллионовъ невольниковъ и которая окружена деспотами, не можетъ быть свободной» ⁴⁾. Но, такъ настаивая на свободѣ крестьянъ, онъ спѣшитъ, однако, оговориться, что съ нею «не нужно соединять ложнаго представлениа» ⁵⁾.

Потому, что человекъ получить свои права, ему нельзя

¹⁾ «Ostatnia Przestroga dla Polski, Warszawa, Gröll, 1790.

²⁾ Тамже, с. 23.

³⁾ Тамже, с. 24.

⁴⁾ Тамже, с. 27.

⁵⁾ Тамже, с. 29—30.

еще будетъ быть непослушнымъ, принадлежать къ законодательству, уничтожать привилегіи и преимущества, принадлежащія потомству добродѣтельныхъ людей» (т. е. шляхтѣ) ¹⁾. За шляхтой останется вся законодательная и исполнительная власть, «такъ какъ земледѣлецъ, занятый пашней, не нуждается въ ней». Для крестьянъ авторъ требуетъ правительственной опеки и религіозной терпимости, указывая на то, что недостатокъ послѣдней вызвалъ возмущеніе Хмельницкаго и недавнюю рѣзню въ Украинѣ. «Пусть свобода — заканчиваетъ онъ свое сочиненіе—будетъ общимъ интересомъ всѣхъ людей, пусть не будетъ невольника въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и только этимъ вы отнимете у вашихъ сосѣдей возможность губить васъ чрезъ васъ же самихъ» ²⁾.

Но если глава прогрессивной партіи на четырехлѣтнемъ сеймѣ считалъ необходимымъ быстрое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и выставлялъ довольно широкую сравнительно программу для этого, то его ближайшіе сподвижники въ дѣлѣ подготовленія польскаго общества къ реформѣ путемъ литературы относились къ этому вопросу далеко не съ такою горячностью. Мы познакомились уже выше съ мнѣніемъ одного изъ такихъ помощниковъ Коллонтая, Трембицкаго, и видѣли, что его желанія отличаются въ этомъ отношеніи большою умѣренностью. Еще болѣе близкими къ Коллонтаю людьми и особенно ревностными пособниками его были двое Езерскихъ, Францискъ Салевій и Яцекъ, изъ которыхъ первый, вслѣдствіе своей неустанной литературной дѣятельности, заслужилъ отъ противниковъ реформы прозвище «Вулкана Коллонтаевской кузницы». Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей партіи реформы въ литературѣ того времени и въ своихъ произведеніяхъ рѣзко нападалъ на шляхетскіе предрассудки, съ язвительной ироніей выставляя ихъ на общее посмѣяніе. Но главныя усилія его были направлены къ защитѣ польскаго мѣщанства, крестьянскаго же вопроса онъ касался лишь слегка и мимоходомъ, нападая на шляхту и ея отношеніе къ народу, но не выставляя никакой положительной программы. Такъ, въ 1790 году онъ выпустилъ въ свѣтъ брошюру, носящую на-

¹⁾ Тамже, с. 30.

²⁾ Тамже, с. 32, 30—31,

звание: «Рѣпиха, мать королей, жена Пяста, славянского монарха среди сарматскихъ народовъ той части земли, которая зовется Польшей» ¹⁾. Онъ вспоминаетъ здѣсь о крестьянскомъ происхожденіи первыхъ королей Польши и развиваетъ теорію происхожденія шляхты отъ завоевателей-сарматовъ, теорію, главнымъ основаніемъ для которой ему служитъ настоящее обхожденіе пановъ съ хлопами. «Втеченіе столькихъ вѣковъ — говоритъ онъ—эта благороднѣйшая часть обывателей остается до сихъ поръ безъ всякой опеки закона... Такой образъ мышленія и поступковъ владѣльцевъ земли, хотя позорящій общую природу человѣка, хотя противный указаніямъ сердца, удерживается однако донинѣ вслѣдствіе силы воспитанія и вѣковой привычки, какъ происходящій изъ жестокаго источника войны, и поддерживаемый ненавистью и местию къ покореннымъ» ²⁾. Крестьянскій вопросъ Езерскій затрогиваетъ также въ другой брошюрѣ, вышедшей въ 1790 году подъ заглавіемъ: «Замѣчанія Яроша Кутасинскаго, герба Демборогъ, Луковскаго шляхтича, о нешляхетскомъ сословіи въ Польшѣ» ³⁾. Сочиненіе это посвящено собственно защитѣ правъ мѣщанъ, но мимоходомъ касается и крестьянъ. Авторъ сравниваетъ государство съ тѣломъ, въ которомъ голова—шляхта, грудь и желудокъ—мѣщане; ноги и руки—крестьяне. Изъ этого онъ выводитъ необходимость равенства правъ первыхъ и вторыхъ, и легко могъ бы, конечно, пойти и далѣе, но не пошелъ. «Сословіе же посольства, говоритъ онъ, то есть лицъ, не имѣющихъ владѣній, а только собственныя силы, требуетъ опеки надъ собой закона, такъ какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ мы охраняемъ руки и ноги отъ холода и всякаго поврежденія»..., ⁴⁾ но и только.

¹⁾ Rzepicha matka królów, żona Piasta, między narodami sarmackimi słowiańskiego monarchy tej części ziemi, która się nazywa Polska. Warszawa 1790.

²⁾ См. Wł. Smoleński, Kuźnica Kołłątajowska, Kraków, s. 73—74. По мнѣнію его эта теорія содѣйствовала побѣдѣ либеральной партіи, выказывая безправственность средствъ, какими шляхта достигла власти.

³⁾ Jarosza Kutasińskiego, herbu Dęboróg, szlachcica Łukowskiego, Uwagi nad stanem nieszlacheckim w Polsce, г. 1790.

⁴⁾ Uwagi nad stanem nieszlacheckim, s. 34.. Это согласно съ тѣмъ, что основой правъ мѣщанъ Езерскій считаетъ владѣніе городскою землею, s. 27. Онъ говоритъ о крестьянахъ еще въ брошюрѣ Duch nieboszczeni Bastylji, убѣждая третье сословіе силою добиваться своихъ правъ (Smoleński, l. с.

Однофамилец Франциска Езерскаго, Япекъ Езерскій, каштелянъ луковскій, нѣсколько обстоятельнѣе его разбираетъ крестьянскій вопросъ въ своей брошюрѣ «Всѣ ошибаются». Задача ея, какъ онъ самъ опредѣляетъ, удержать авторовъ, «какъ бы увлеченныхъ любовью къ свободѣ челоуѣка, но не имѣющихъ своихъ собственныхъ грунтовъ и крѣпостныхъ». Езерскій, упрекая этихъ авторовъ въ томъ, что они «прокладываютъ дорогу къ бунту», въ своей брошюрѣ, написанной въ видѣ бесѣды съ крестьяниномъ, доказываетъ, что крѣпостное право не неволя, полного равенства людей не существуетъ и счастье заключается не въ шляхетствѣ, а въ имѣннѣ. Несмотря однако на эти доказательства, въ которыхъ онъ какъ бы становится на точку зрѣнія консерваторовъ, каштелянъ луковскій желаетъ реформы положенія крестьянъ, которая, по его мнѣнью, должна заключаться въ установленіи крестьянскихъ судовъ, введеніи договоровъ между крестьянами и панами и доставленіи первымъ земельной собственности подъ условіемъ закупничества ⁴⁾).

Не совѣмъ доброжелательный къ крестьянамъ тонъ брошюры Езерскаго, вызвалъ рѣзкую критику ея въ брошюрѣ «Не всѣ ошибаются», появившейся въ томъ же 1790 году и написанной также въ видѣ разговора пана съ крестьяниномъ, причемъ въ уста перваго вкладываются слова Езерскаго. Авторъ этой брошюры не ставитъ своей собственной цѣльной программы, но измѣняетъ только нѣкоторые пункты программы Езерскаго. Онъ требуетъ полного уничтоженія произвольной панщины и введенія чинша, точнаго опредѣленія власти пановъ, опредѣленія размѣра и времени отбыванія панщины, наконецъ, надѣленія крестьянъ наследственной землей, не соглашаясь на долгосрочную аренду, которая, по его мнѣнью, можетъ вызвать только замѣшательства по истеченіи срока. Онъ желаетъ затѣмъ образованія для крестьянъ, не ограничивая его никакими рамками, доступа для нихъ въ духовенство, въ военную и гражданскую службу, и даже въ шляхетское со-

с. 79—80) и Niektóre wygazy, вышедшей уже послѣ его смерти въ 1791 г., въ которой онъ съ ѣдкой ироніей рисуеъ отношеніе пановъ къ хлопамъ (Smoleński, l. c., s. 105).

⁴⁾ См. у Korzona, l. c., s. 413—14 и примѣч. 1 къ с. 413. Wszyscy władza, 1790.

словіе ¹⁾. На войтовскіе суды, предлагаемые Езерскимъ, онъ не соглашается, считая ихъ выгодными только для помѣщиковъ и предпочитая для крестьянъ общіе безпристрастные суды. Политическихъ правъ для крестьянъ онъ не требуетъ, сходясь въ этомъ отношеніи съ луковскимъ каштеляномъ. Точно также согласенъ онъ съ нимъ и въ другомъ, болѣе частномъ вопросѣ, именно въ необходимости изгнанія евреевъ изъ корчемъ, хотя и замѣчаетъ, что въ продѣлкахъ евреевъ надъ крестьянами принимаютъ равное участіе и помѣщичьи дворы ²⁾. О шляхтѣ онъ говоритъ всюду съ горечью и негодованіемъ. «Люди, замѣчаетъ онъ, теперь хуже Каина. Каинъ отнял жизнь только у одного Авеля. Вы же стараетесь отнять у насъ всѣхъ свободу, цѣнимую наравнѣ съ жизнью. Отъ насъ идетъ все, войско, фабрики, хлѣбъ, деньги, помощь, и однако вы не стоите за насъ». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о совѣтѣ Езерскаго крестьянамъ покупать себѣ земли, онъ возражаетъ: «Изъ этихъ вашихъ словъ я догадываюсь, что вы забыли о законѣ, по которому только родовая шляхта можетъ покупать ихъ. Это то же, что сказать, что только тотъ, кто родился шляхтичемъ, можетъ ѣсть хлѣбъ и только онъ одинъ человекъ, а другіе—звѣри». Наконецъ, возражая на доказательство Езерскаго, что и въ Польшѣ паны и хлопы бываютъ равны—въ костелѣ и въ корчмѣ, онъ говоритъ: «и тамъ нѣтъ свободы. Вы разваливаете въ костелѣ на скамьяхъ, а мы должны стоять у дверей. Въ корчмѣ тоже самое. Нашихъ лошадей вы выгоняете, ставя своихъ турецкихъ жеребцовъ, стоящихъ по 1.000—что я говорю? Я ошибся и ошибся грубо—по 28.000 злотыхъ. Вы приказываете намъ снимать шапки, а сами ходите въ шляпахъ, ставя ноги въ тактъ, какъ будто въ театрѣ» ³⁾. Этотъ враждебный шляхтѣ тонъ брошюры объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ брошюры—мѣщанинъ, у котораго много накипѣло на сердцѣ противъ шляхетскаго владычества.

Въ томъ же 1790 году вышла изъ печати, написанная еще въ предъидущемъ году, брошюра другого, уже извѣстнаго въ

¹⁾ «Nie wszyscy błędzą», 1790, Warszawa, s. 21, 28, 38—39, 16, 58. Pilat (l. c., s. 161, пр. 1) предполагаетъ, что авторъ этой брошюры былъ варшавскій банкиръ-мѣщанинъ Барсъ (Barss).

²⁾ Тамже, s. 40—41; 37, 15, 35—36, 31.

³⁾ Тамже, s. 13, 11, 9.

это время въ литературѣ мѣщанина,—Сташица, носящая названіе, аналогичное съ брошюрой Коллонтая: «Предостереженія Польшѣ» ¹⁾. Общій тонъ этой брошюры совершенно тотъ же самый, что и въ «Размышленіяхъ надъ жизнью Яна Замоискаго». Въ началѣ брошюры, въ «предисловіи отъ имени польскаго народа къ первому сословію въ этомъ народѣ», авторъ убѣждаетъ шляхту опомниться и признать наконецъ, что она заключаетъ въ себѣ не весь народъ, а лишь одну его часть. Но «часть не можетъ удержаться, когда все тѣло гибнетъ. Гдѣ народъ уцѣлѣетъ, тамъ удержится и сословіе. Гдѣ падетъ народъ, тамъ и сословіе должно погибнуть». «Спасай себя, шляхта!—воскликаетъ онъ въ концѣ этого предисловія, не нужно, чтобы ты теряла свои льготы и свободу, но нужно, чтобы ты распространила свои права, чтобы увеличила число свободныхъ и вольныхъ гражданъ. Ты не спасешься частной, или, такъ сказать, половинной конституціей, но спасешься конституціей вполнѣ новой и обнимающей весь польскій народъ. Это эпоха, когда Польша должна подвергнуться полной реформѣ» ²⁾. Крестьянскій вопросъ занимаетъ въ «Предостереженіяхъ» такое же, если еще не болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ «Размышленіяхъ»: болѣе трети всей брошюры посвящено его разбору. Мы встрѣчаемъ здѣсь такія же яркія изображенія печальной дѣйствительности жизни польскихъ крестьянъ этого времени, какъ и въ первомъ сочиненіи Сташица. Одна изъ подобныхъ картинъ, рисующая внѣшнюю обстановку жизни крестьянина, была уже приведена нами выше ³⁾; вотъ другая, изображающая внутреннюю его жизнь. «Человѣкъ, рабство котораго доходитъ до такой степени, что ему едва позволено пріобрѣтать работой столько вещей, сколько требуютъ необходимѣйшія потребности жизни, которому запрещено даже желать улучшенія своей участи, которому запрещено жить въ своихъ дѣтяхъ, нужды котораго означены, желанія, стремленія, весь образъ мышленія отданы другому, въ которомъ задержана душевная дѣятельность, заглушено прекраснѣйшее и наиболѣе дѣятельное свойство человѣческой при-

¹⁾ «Przestrogi dla Polski». 1790. Я пользовался ею въ собраніи сочиненій Сташица (Dzieła Stanisława Staszica, 1816, t. I), по которому и сдѣланы всѣ ссылки.

²⁾ Тамже, с. 3, 7, 11.

³⁾ Смотри выше, стр. 77—8.

роды,—желаніе счастья или лучшаго благосостоянія; онъ только половина человѣка, и эта оставленная ему половина хуже утраченной. Онъ только страдательное существо; ему осталась только тоска. Онъ ничего не дѣлаетъ иначе, какъ изъ страха и грусти. Такой человѣкъ мало имѣетъ побужденій къ дѣятельности. Такая невольничья машина, у которой совершенно отняты воля и разумъ, безъ принужденія не сдѣлаетъ ни одного шагу: въ какомъ положеніи она разъ очутится, въ томъ и будетъ оставаться, пока ее не толкнетъ кто-нибудь другой. Нашему крестьянину запрещено перейти съ одного мѣста на другое, измѣнить свое положеніе, иначе работать, болѣе мыслить, горячѣе чувствовать, желать себѣ улучшенія, словомъ, не только быть, но даже хотѣть быть счастливымъ. Для чего же онъ станетъ работать?» ¹⁾

Онъ обращается къ естественнымъ правамъ человѣка, указываетъ на несоотвѣтствіе имъ положенія крестьянъ въ Польшѣ, но главная сила его лежитъ не здѣсь. Въ немъ слишкомъ много знанія дѣйствительности для того, чтобы онъ могъ думать, что эти отвлеченныя доказательства могутъ повліять на современныхъ ему поляковъ и, изложивъ теорію естественнаго права, онъ тотчасъ же оставляетъ ее и обращается къ доказательствамъ необходимости и выгоды реформы для самой шляхты въ силу политическихъ обстоятельствъ ²⁾. Съ горячими, страстными воззваніями, въ которыхъ звучитъ нота, близкая къ отчаянію, обращается онъ къ шляхтѣ и ея представителямъ на сеймѣ, умоляя ихъ произвести реформу во имя гуманности, патриотизма, религіи. «Граждане, которыхъ небо назначило на это время въ сеймъ (do rady),—воскликаетъ онъ,—забудьте о себѣ и помните, что въ ваши руки вложило Провидѣніе судьбы тѣхъ милліоновъ поколѣній, которые будутъ слѣдовать за нами. Отъ этого, быть можетъ уже послѣдняго, момента зависитъ ихъ доля. Вы отвѣтите Богу за ихъ гибель. Спасайте весь народъ и вы спасете себя» ³⁾. «Имѣете же вы сердце!—обращается онъ къ шляхтѣ въ другомъ мѣстѣ,—и вы еще христіане! обманщики, не учителя Христовой вѣры тѣ священники, которые преподали вамъ такое ученіе и которые говорятъ вамъ, что»

¹⁾ Dzieła St. Słazica, t. I, s. 132.

²⁾ Тамже, см. характерное мѣсто на s. 110.

³⁾ Тамже, s. 109.

Хотя вы такъ безчестны, такъ жестоки, вы можете соединиться съ Богомъ и сдѣлаться участникомъ милостей Того, кто умеръ единственно изъ-за любви къ человѣку. Я говорю вамъ, что если Богъ справедливъ, не можетъ быть въ Его глазахъ большаго преступленія, чѣмъ ваше. Есть ли у васъ любовь къ отечеству? вы не граждане, но враги Польши. Вы болѣе вредите этой странѣ, чѣмъ вредили москальи, шведы, нѣмцы, турки и татары: жестокость тѣхъ падала на нѣкоторыхъ и кончалась чрезъ нѣсколько лѣтъ, ваша жестокость не только губить живущихъ, но и кладетъ вѣчное препятствіе для Польши подняться со славою; мѣшая росту населенія, задерживая увеличеніе урожаевъ, она распространяетъ неволю на поколѣнія отдаленныхъ вѣковъ». «Опомнитесь! Не злоупотребляйте терпѣніемъ неба! Время исправленія! время человѣчности! отдайте человѣка Богу. Отдайте человѣку право его природы: пусть онъ плодится и множится. Я вижу страшныя несчастья надъ вашими головами. А такъ какъ я люблю Польшу, такъ какъ я не могу забыть, что родился полякомъ, я постоянно думаю, какъ бы спасти эту страну. Есть безконечныя способы. Оставимъ только упорство, возьмемся за умъ» ¹⁾).

Но и теперь Сташицъ остается при убѣжденіи, что всѣ эти безконечныя способы окажутся бесполезными безъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Всѣ остальные реформы отходятъ у него на задній планъ передъ этой реформой положенія крестьянъ ²⁾. Въ программѣ, которую онъ выставляетъ для этой реформы, нѣтъ ничего новаго сравнительно съ первымъ его сочиненіемъ, исключая одного пункта, именно собственности крестьянъ. Тогда какъ въ первой брошюрѣ онъ признаетъ за ними только движимую собственность, въ «Предостереженіяхъ Польшѣ» есть уже нѣкоторый шагъ впередъ въ этомъ отношеніи, хотя и не выразившійся съ полной опредѣленностью. Во многихъ мѣстахъ этого послѣдняго сочиненія Сташицъ рѣзко нападаетъ на исключительное владѣніе шляхты землей; ³⁾ для блага страны, для поднятія земледѣлія необходимо «дозволить право собственности другимъ людямъ» ⁴⁾. Онъ не со-

¹⁾ Тамже, с. 137—8. Ср. еще с. 108—9, с. 135, 152—3.

²⁾ Тамже, с. 109—110.

³⁾ Тамже, с. 114, 115—16, 87—88.

⁴⁾ Тамже, с. 120.

ставляетъ однако для этого общаго проекта, довольствуясь совѣтомъ отдать староства и духовныя имѣнія въ вѣчную аренду преимущественно мелкими участками съ условіемъ постоянной платы хлѣбомъ, чрезъ что «откроется крестьянамъ дорога къ собственности» ¹⁾. Остальныя части программы тѣ же, что и въ «Размышленіяхъ»: уничтоженіе панщины, введеніе опредѣленныхъ закономъ работъ и чиншей, причемъ послѣдніе должны быть особенно рекомендованы правительствомъ помѣщикамъ, учрежденіе земледѣльческаго суда изъ 3 лицъ, изъ которыхъ одно должно быть выбираемо крестьянами, для каждаго повѣта, свобода перехода крестьянъ, сельскія школы, за прещеніе евреямъ торговли крѣпкими напитками и т. д. ²⁾. Но и здѣсь, какъ и раньше, Стапиць не увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ народнаго дѣла, пока этимъ дѣломъ завѣдуетъ одна шляхта. Особенно настраиваетъ его къ этимъ мыслямъ тотъ фактъ, что шляхта разлагала на крестьянъ наложенныя на нее самое подати и прибѣгала даже къ клятвопреступленію, чтобы уменьшить ихъ ³⁾. «Послѣ столькихъ ужасныхъ несчастій, — восклицаетъ въ негодованіи Стапиць, — послѣ такого позорнаго раздѣла народа, въ этотъ моментъ, выживавшійся вѣками и подаренный чудеснымъ Провидѣніемъ для спасенія Польши, польскій шляхтичъ совершилъ клятвопреступленіе, чтобы не платить подати...

«Прибыло сраму Польшѣ. Уже теперь есть у сосѣдей и будетъ у потомства вѣчнымъ пятномъ на польской славѣ, что вмѣсто податей несчастной отчизнѣ досталось клятвопреступленіе ⁴⁾».

Въ 1791 году, послѣ того, какъ прогрессистамъ удалось уже провести конституцію 3 мая, они не прекращали своей литературной дѣятельности, частью защищая эту конституцію отъ нападеній консерваторовъ, частью требуя ея дальнѣйшаго

¹⁾ Тамже, с. 97—8, 104—5, 105.

²⁾ Тамже, с. 123—4 и 138—139. Любопытно, что не считая возможнымъ сдѣлать чинши обязательными, онъ предлагаетъ установить для помѣщиковъ вводящихъ ихъ въ своихъ помѣстіяхъ, гражданскій вѣнокъ (Koronę obywatelską), с. 124.

³⁾ По рѣшенію 4-лѣтняго сейма доходъ помѣщиковъ, съ котораго долженъ былъ ввматься налогъ, опредѣлялся по ихъ собственнымъ показаніямъ, даннымъ подъ присягой. При этомъ многіе показывали свой доходъ меньше настоящаго.

⁴⁾ Тамже, с. 178, 179.

развитія. Это послѣднее особенно имѣло мѣсто по отношенію къ крестьянскому вопросу, который въ конституціи 3 мая получилъ крайне неполное и неудовлетворительное разрѣшеніе, какъ это мы подробнѣе увидимъ ниже. Одною изъ брошюръ этого времени, посвященныхъ защитѣ интересовъ крестьянъ, было сочиненіе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «О крестьянахъ». Здѣсь отмѣчается перемѣна къ лучшему, происшедшая въ отношеніяхъ къ крестьянамъ, хотя размѣрами этой перемѣны авторъ и недоволенъ ¹⁾. Онъ хвалитъ конституцію 3 мая за выразившееся въ ней доброжелательство къ крестьянамъ, но находитъ ее неполной: слѣдовало, по его мнѣнію, извѣстить крестьянъ, чтобы они заключали контракты со своими панамъ, и не требовать отъ уходящаго крестьянина поставленія на свое мѣсто другаго. «Согласно-ли съ требованіями сердца—спрашиваетъ онъ,—чтобы онъ привлекалъ другаго подъ ярмо тѣхъ повинностей, тяжести которыхъ самъ не могъ вынести» ²⁾? Онъ надѣется на мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, несмотря на то, что, по его же словамъ, «многіе помѣщики упорствуютъ заключать контракты со своими крѣпостными, а положеніе этихъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ тяжело: ихъ угнетаютъ бѣдность, болѣзни и голодъ» ³⁾. Программа его заключается въ слѣдующемъ: прежде всего должны быть прекращены всякія притѣсненія крестьянъ и уменьшены ихъ повинности; они должны быть допущены къ общимъ судамъ и нужно при этомъ, чтобы среди самыхъ судей находились крестьяне. Наконецъ нужно опредѣлить закономъ всѣ дани и повинности крестьянъ ихъ панамъ, руководствуясь при этомъ не только количествомъ земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, но и качествомъ ея. Чтобы устранить трудности, заключающіяся въ опредѣленіи послѣдняго, авторъ брошюры предлагаетъ такое средство: «устроимъ общій аукціонъ» (rozwolny powszechny licytacy), говоритъ онъ. Личная свобода крестьянскихъ сыновей, по его плану, должна быть полною. «Не можетъ быть привязанъ къ землѣ человекъ, который самъ не принималъ на себя обязанностей къ ней, и ни

¹⁾ O włościanach, Warszawa, r. 1791, s. 5.

²⁾ Тамже, s. 5—6, 8.

³⁾ Тамже, s. 8—14, 7, 16.

одинъ отецъ не имѣеть права заключать контрактъ на свободу сына. По смерти хозяина ни одинъ сынъ его не можетъ быть принуждаемъ остаться на хозяйствѣ, не падеть чрезъ это земледѣіе, а еще скорѣе бы оно рушилось, еслибы принуждали къ хозяйству не имѣющихъ къ нему природной склонности»¹⁾).

Гораздо умѣреннѣе и консервативнѣе желанія автора брошюры, вышедшей въ томъ же году подъ заглавіемъ: «Вопросъ, нужно-ли для совершенства политической конституціи нашего государства, чтобы крестьяне имѣли участіе въ законодательствѣ»²⁾? Онъ начинаетъ свое произведеніе въ очень либеральномъ духѣ, говоря: «Я не забываю, чѣмъ я обязанъ всему народу, защищая привилегіи человечества и первоначальныхъ общественныхъ договоровъ. Я не вижу между собой и своимъ крестьяниномъ другой разницы, кромѣ той, какую создалъ слѣпой случай». Онъ признаетъ всю тяжесть крѣпостнаго права, предлагаетъ уничтожить его. «Согласимся же, говоритъ онъ, на уничтоженіе варварскаго крѣпостнаго права, подъ игомъ котораго стонуть наши крестьяне, что я говорю: стонуть! они такъ угнетены и придавлены имъ, что не только не смѣютъ, но даже почти уже не умѣютъ издать стона». Затѣмъ однако слѣдуютъ ограниченія, заходящія очень далеко. Уничтоженіе крѣпостнаго права сводится къ уничтоженію панскихъ злоупотребленій и притѣсненій, къ обезпеченію жизни, здоровья и имущества крестьянъ и къ установленію суда для нихъ. Политическихъ правъ хлопь не можетъ имѣть, какъ не обладающій недвижимою собственностью, которой, по мнѣнію автора, ему нельзя предоставить; впрочемъ, въ политическихъ правахъ для крестьянъ нѣтъ и нужды, такъ какъ ихъ будутъ защищать на сеймахъ ихъ паны, интересы которыхъ совпадаютъ съ интересами ихъ хлопьевъ. Вѣковой опытъ, видно, не убѣдилъ автора въ бесполезности этой защиты для крестьянъ. Наконецъ, прежде всякихъ рѣшительныхъ реформъ въ крестьянъ

¹⁾ Тамже, с. 15, 21, 25, 34.

²⁾ См. у Korzona, l. c., s. 415, прим. 1: «Pytanie, czy do doskonałości konstytucyi politycznej Państwa Naszego koniecznie potrzeba, aby gmin miał udział w Prawodawstwie».

янскомъ вопросѣ, онъ желаетъ просвѣщенія крестьянъ, ссылаясь въ доказательство на Руссо ¹⁾).

Послѣдовавшія затѣмъ бурныя событія прекратили дальнѣйшее развитіе крестьянскаго вопроса въ польской литературѣ. Прогрессистамъ пришлось защищать свое дѣло уже не съ перомъ, а съ мечемъ въ рукахъ, и извѣстно, какъ неудачна была для нихъ эта защита. Въ послѣдній разъ либеральная партія возвысила свой голосъ по крестьянскому вопросу во время возстанія Костюшки въ брошюрѣ: «Голосъ за крестьянъ», но авторъ послѣдней уже не выставляетъ подробной программы, а ограничивается специальными требованіями: одобряя распоряженія Костюшки, касающіяся крестьянъ, онъ желаетъ допущенія ихъ во всеѣ комиссіи и даже въ Высшій Народный Совѣтъ ²⁾).

Прослѣдивъ такимъ образомъ развитіе крестьянскаго вопроса въ польской политической литературѣ за 19 лѣтъ (1775—1794), насколько въ ней выразились стремленія прогрессивной партіи, остановимся на минуту, прежде чѣмъ перейти къ ихъ противникамъ, и посмотримъ, къ чему же сводились эти стремленія и насколько они соотвѣтствовали требованіямъ и нуждамъ польскихъ крестьянъ.

Первымъ и главнымъ требованіемъ прогрессивной партіи въ литературѣ для крестьянъ была—личная ихъ свобода. Выставленное уже у Мабли, а затѣмъ изъ польскихъ писателей у Поплавскаго и Стройновскаго въ нѣсколько неопредѣленномъ видѣ, требованіе это съ теченіемъ времени принимало все болѣе опредѣленную и благопріятную для крестьянъ форму въ

¹⁾ Къ этому же разряду брошюръ, занимающихъ какъ бы середину между взглядами либеральной и консервативной партій, относятся еще «Воззваніе галичанина къ полякамъ» (*Odezwa Galicyanina do Polaków*, 1790) и «Слезы не изъ воды, а изъ крови...» (*Łzy nie wodne, ale krwawe etc.* 1789). Авторъ первой изъ нихъ, начавъ также воззваніемъ о необходимости улучшенія быта крестьянъ, о необходимости собственности для нихъ, кончаетъ очень скромной программой, требуя добровольныхъ контрактовъ помѣщиковъ съ хлопами, введенія чиншей, но лишь современемъ, и справедливости для нихъ въ случаѣ обидъ. Вторая брошюра, написанная отъ имени крестьянъ, очень безграмотно, но съ претензіями на образованность (въ ней есть, напримѣръ, цитата изъ Овидія: *Quando Adam fodiebat humum et Eva pilum trahebat, Quis tunc vir clarus nobilitate fuit?*), желаетъ только прекращенія угнетеній, взывая къ состраданію шляхты; въ ней же доказывается, что хлопы и шляхта—равно происходятъ отъ Адама и Евы.

²⁾ См. Korzon, I. с., s. 459—460.

произведеніяхъ лучшихъ представителей прогрессивной части польской литературы этого времени. Выбицкій предоставляет свободу всѣмъ сыновьямъ крестьянина, за исключеніемъ двухъ, которые должны оставаться на занятой имъ землѣ, но уже Сташиць требуетъ для крестьянскихъ сыновей полной свободы уходить и поселяться, гдѣ имъ вздумается, прибавляя къ этому свободу браковъ. Въ такой же формѣ выражаютъ это требованіе вслѣдъ за Сташицемъ Курпъ, авторъ «Практическихъ Замѣчаній» и Коллонтай, ограничивая ее только заключеннымъ съ помѣщикомъ контрактомъ. Но и это ограниченіе отвергается авторомъ брошюры «О крестьянахъ 1791 г.» для сыновей крестьянъ. Но съ другой стороны, съ легкой руки Руссо среди самихъ польскихъ либераловъ того времени находились такіе, которые не считали возможнымъ предоставить крестьянамъ полную свободу.

Другое требованіе, встрѣчающееся почти во всѣхъ произденіяхъ либеральной партіи, это требованіе учрежденія судовъ для крестьянъ. Здѣсь различіе существуетъ только по формѣ: тогда какъ одни ¹⁾ желаютъ простаго допущенія крестьянъ къ общимъ судамъ, другіе ²⁾ предлагаютъ установить особый земледѣльческій судъ, и, наконецъ, третьи ³⁾ требуютъ установленія двухъ инстанцій: низшихъ судовъ, дворскихъ или крестьянскихъ, находящихся подъ вліяніемъ двора, и высшей инстанціи въ видѣ общихъ или особо учрежденныхъ для этого судовъ.

Не съ такимъ уже общимъ рвеніемъ разбирались въ этой литературѣ экономическія отношенія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе значительное большинство авторовъ высказалось и здѣсь въ смыслѣ неудовлетворительности существующихъ порядковъ, ставя за основу будущей реформы введеніе опредѣленныхъ повинностей и работъ крестьянъ помѣщикамъ и очиншеванія. Такъ какъ практическія затрудненія въ проведеніи этой реформы признавались и въ либеральномъ лагерѣ, то авторъ брошюры «О крестьянахъ» совѣтуетъ для осуществленія ея «общій аукціонъ». Наконецъ, нѣкоторые авторы не ограничиваются этимъ и требуютъ опредѣленія закономъ срока отбыванія по-

¹⁾ Барсъ.

²⁾ Сташиць.

³⁾ Коллонтай и Яцекъ Езерскій.

винностей. Для полнаго урегулированія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ наиболѣ выдающіеся авторы прогрессивной партіи совѣтуютъ введеніе добровольныхъ договоровъ, какъ Сташиць, авторъ «Практическихъ замѣчаній», Коллонтай, авторъ книги «О крестьянахъ» и нѣкоторые другіе.

При этомъ крестьянинъ остается у всѣхъ авторовъ не болѣе, какъ арендаторомъ помѣщичьей земли. Правда, и въ этомъ отношеніи замѣтенъ нѣкоторый прогрессъ: тогда какъ первые авторы ¹⁾, писавшіе о крестьянскомъ вопросѣ, признавали собственностью крестьянъ только движимое имущество, т. е. ихъ заработокъ и сборъ хлѣба, къ концу этого періода стало просыпаться у лучшихъ авторовъ нѣкоторое сознание необходимости земельной собственности для крестьянъ, выразившееся въ совѣтахъ долгосрочной аренды (Сташиць) и закупничества (Коллонтай, авторъ «Практическихъ Замѣчаній» и Езерскій). Тѣмъ не менѣе, до признанія полной земельной собственности крестьянъ, до проекта надѣленія ихъ землею не дошли даже лучшіе представители прогрессивной партіи въ литературѣ. Нельзя думать, чтобы они совсѣмъ не могли себѣ представить возможности этого: въ сочиненіяхъ французскихъ философовъ, къ которымъ обращались поляки за указаніемъ программы, есть прямые совѣты установленія крестьянской собственности, у Мабли—частной, у Руссо—общинной, правда, у послѣдняго въ далекомъ будущемъ. Но польскіе публицисты, стоя болѣе или менѣе далеко отъ народа, происходя изъ панской среды или, по крайней мѣрѣ, вращаясь въ этой послѣдней, стояли въ данномъ случаѣ на точкѣ зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ и не видѣли возможности допустить въ Рѣчи-Посполитой такую коренную реформу: земля, по ихъ убѣжденію, принадлежала помѣщикамъ и не могла быть отнята отъ послѣднихъ безъ совершенія несправедливости. Въ виду этого земельная собственность крестьянъ въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ, совершенно не была включена въ программу прогрессивной партіи.

Точно также остались не включенными въ эту программу и политическія права крестьянъ. Нѣкоторые авторы прямо указывали на то, что политическія права тѣсно связаны съ земельною собственностью и потому не могутъ принадлежать

¹⁾ Поплавскій, Стройновскій, Скшетускій и др.

крестьянамъ, какъ не владѣющимъ таковой. Даже выдающіеся по своимъ взглядамъ авторы высказывали опасенія, что въ случаѣ допущенія крестьянъ къ политическимъ правамъ рухнетъ шляхетская свобода, и нельзя не сознаться, что подобныя опасенія имѣли свое основаніе, только не шляхетская свобода, а шляхетское владычество погнбло бы безвозвратно при дарованіи крестьянамъ права посылать своихъ представителей на сеймъ. Коллонтай, отказывая крестьянамъ въ этомъ правѣ, пытается замѣнить его избраніемъ ихъ представителей шляхтой изъ среды самой себя; попытка вполнѣ неудачная и доказывающая только сознаніе существующей несправедливости, которой не хотѣли устранить.

Отмѣтимъ въ заключеніе еще нѣкоторыя частности выставленной прогрессистами въ своихъ произведеніяхъ программы разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Почти общимъ требованіемъ было учрежденіе народнаго образованія, которое большинство авторовъ понимаетъ какъ элементарное ¹⁾. Но Барсъ (Barss) желаетъ допущенія крестьянъ ко всѣмъ ступенямъ образованія, не ограничивая ихъ въ этомъ отношеніи никакими рамками. Затѣмъ для поднятія земледѣлія страны и нравственности крестьянъ нѣкоторые авторы предлагаютъ учредить награды, которыя бы выдавались крестьянамъ за хорошее хозяйство и поведеніе. Къ этому же разряду частныхъ требованій относится еще одно, выставленное Сташицемъ и имѣющее большую практическую важность, именно требованіе уничтоженія пропинаціи. Другіе авторы довольствовались только желаніемъ удаленія евреевъ изъ корчемъ.

Намъ предстоитъ еще отвѣтить на вопросъ, насколько эта программа соотвѣтствовала дѣйствительнымъ желаніямъ и нуждамъ польскаго крестьянства. Матеріаломъ для рѣшенія этого вопроса можетъ служить намъ приведенный въ началѣ этой главы «Тарчинскій проектъ». Сличая съ высказанными въ немъ желаніями крестьянъ программу, поставленную либеральною партіею въ литературѣ, мы замѣчаемъ прежде всего, что эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ такіе пункты, о которыхъ вовсе не идетъ рѣчи въ проектѣ: таковы, напримѣръ, требованіе судовъ для крестьянъ, желаніе народнаго образованія, желаніе

¹⁾ Одни предлагаютъ въ учителя священниковъ (Сташиць, Макульскій) другіе—образованныхъ крестьянъ и мѣщанъ.

уничтоженія пропинадіи и еще нѣкоторыя мелкія требованія. Затѣмъ нѣкоторые пункты, существующіе равно и въ литературной программѣ либераловъ, и въ «Тарчинскомъ проектѣ», разработаны въ первой разностороннѣе и шире, чѣмъ во второмъ: таковъ именно вопросъ объ экономическихъ отношеніяхъ крестьянъ; тогда какъ въ проектѣ говорится только о необходимости ограниченія повинностей (подводъ и стражи), въ прогрессивныхъ брошюрахъ рѣчь идетъ объ упорядоченіи и панцины и повинностей путемъ закона и добровольныхъ договоровъ крестьянъ съ помѣщиками. Точно также вопросъ о личной свободѣ крестьянъ поставленъ, по крайней мѣрѣ, въ брошюрѣ «О крестьянахъ 1791 г.» шире, чѣмъ въ «Тарчинскомъ проектѣ». Другое дѣло—вопросы о собственности крестьянъ и ихъ политическихъ правахъ. Въ проектѣ требуется для крестьянъ полная собственность ихъ земельныхъ участковъ и право посылать представителей на сеймъ, хотя въ количествѣ четырехъ, положенія, до которыхъ, какъ мы видѣли, не додумались даже лучшіе изъ польскихъ либеральныхъ мыслителей этой эпохи. Наконецъ, въ этомъ проектѣ заключаются и такія требованія, какихъ мы не встрѣчаемъ во всей остальной литературѣ по крестьянскому вопросу, за исключеніемъ развѣ неяснаго желанія общинныхъ земель у Руссо, именно требованіе права пользованія лѣсомъ и пастбищами. Изъ этого сопоставленія видно такимъ образомъ, что по двумъ главнымъ вопросамъ, входящимъ въ составъ улучшенія крестьянскаго быта, выставленная прогрессивною партіею программа реформы отставала отъ желаній самихъ крестьянъ, именно по вопросу о собственности и политическихъ правахъ ихъ, въ одномъ—личной свободѣ крестьянъ—стояла наравнѣ съ ними и въ одномъ—вопросѣ о судахъ—ушла дальше крестьянскихъ желаній. Последнее, впрочемъ, является нѣсколько сомнительнымъ, такъ какъ мы не можемъ все-таки считать «Тарчинскій проектъ» полнымъ выразителемъ стремленій современныхъ ему польскихъ крестьянъ. Несомнѣнная случайность его происхожденія, конечно, должна была невыгодно отразиться и на полнотѣ его содержанія, вслѣдствіе чего существовавшія у крестьянъ желанія могли не найти себѣ въ немъ выраженія. Трудно предположить между тѣмъ, чтобы у польскихъ хлопковъ не было желанія избавиться отъ помѣщичьяго суда, составлявшаго, одно изъ наиболѣе удручавшихъ ихъ бѣдствій и подававшаго

случай къ всевозможнымъ притѣсненіямъ. Но если даже мы оставимъ эти предположенія, хотя и основанныя на фактахъ, и будемъ судить лишь по имѣющимся у насъ безспорнымъ даннымъ, намъ все-таки придется сказать, что программа либеральной партіи въ томъ видѣ, какъ она была выражена въ литературѣ того времени, не соотвѣтствовала и не удовлетворяла вполнѣ желаніямъ польскихъ крестьянъ. Это могло зависть, и въ дѣйствительности, вѣроятно, и завистло, отъ того громаднаго разъединенія, какое существовало между шляхтой и крестьянами и даже между этими послѣдними и городскимъ сословіемъ. Мысль о томъ, что крестьянинъ фактически можетъ пользоваться всѣми правами другихъ сословій, оставаясь въ то же время крестьяниномъ, какъ-то не входила въ голову ни польскаго шляхтича, ни польскаго мѣщанина.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о такихъ произведеніяхъ польской политической литературы этого времени по крестьянскому вопросу, которыя разбирали послѣдній съ точки зрѣнія прогрессивной партіи. Мы видѣли уже, однако, что въ средѣ самой этой партіи существовали люди, пугавшіеся слишкомъ крайнихъ, по ихъ мнѣнію, реформъ и ограничивавшіеся предложеніемъ исправить самыя вопіющія злоупотребленія. Но кромѣ того существовала и партія, противная всякой попыткѣ реформы въ этомъ отношеніи, и она, конечно, также не оставалась въ бездѣйствіи. Почти на всякое болѣе выдающееся произведеніе, выходившее изъ либеральнаго лагеря, сыпались ея возраженія и къ разсмотрѣнію этихъ-то послѣднихъ мы теперь и перейдемъ.

Сильныя нападки консерваторовъ вызвали уже сочиненіе Выбицкаго «Патріотическія письма» и «Кодексъ законовъ» (*Zbiór praw*), въ составленіи котораго онъ участвовалъ. По поводу ихъ вышли именно двѣ брошюры, изъ которыхъ одна озаглавлена: «Обывательскія мысли по поводу проекта подъ заглавіемъ: Кодексъ судебныхъ законовъ», а другая «Размышленія надъ проектомъ подъ заглавіемъ и т. д.» ¹⁾. Неизвѣстный авторъ первой изъ нихъ доказываетъ, что крестьяне въ Польшѣ никогда не были и не суть невольниками и что угне-

¹⁾ *Myśli Obywatelskie z okoliczności projektu pod tytułem Zbiór praw sądowych*, r. 1780 и *Reflexye nad projektem pod tytułem Zbiór praw sądowych*, r. 1780.

сеніе ихъ составляетъ исключительно слѣдствіе анархіи и забвенія старыхъ законовъ, охранявшихъ личность крестьянина ¹⁾; крѣпостное право, по мнѣнію автора, само по себѣ не мѣшаетъ ни увеличенію населенія, ни улучшенію земледѣлія. Въ доказательство своей мысли онъ ссылается на Пруссію, Венгрію и прилежащія къ Австріи польскія земли, въ которыхъ, несмотря на существованіе крѣпостнаго права, и земледѣліе стоитъ высоко, и населеніе отличается своей плотностью ²⁾. Правда, онъ признаетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ и гнетъ крѣпостнаго права чувствуется слабѣе, но это, по его мнѣнію, не причина, а слѣдствіе густоты населенія. «Хлопы здѣсь, говоритъ онъ, женятся, поселяются въ другихъ деревняхъ и никто имъ этого не запрещаетъ, такъ какъ людей всюду достаточно и дѣлается это взаимно» ³⁾. Установленія такого порядка, другими словами, образованія многочисленнаго безземельнаго сельскаго пролетаріата, зависящаго отъ воли помѣщика, желалъ бы авторъ и для остальныхъ частей Польши ⁴⁾. Впрочемъ, желанія его на будущее время являются въ крайне неопредѣленномъ видѣ. Главная цѣль его—сохранить крѣпостное право въ его настоящей формѣ и съ этой цѣлью онъ ссылается даже на св. Писаніе, освящающее рабство ⁵⁾. Реформы въ крестьянскомъ быту, вродѣ тѣхъ, какія производили въ своихъ имѣніяхъ Замойскій, Хребтовичъ и Бржостовскій, при малонаселенности страны могутъ, по его словамъ, принести только вредъ, такъ какъ слѣдствіемъ ихъ явятся въ народѣ развратъ, пьянство, лѣность и бродяжничество. «И такимъ образомъ весь народъ, говоритъ онъ, былъ бы похожъ на морскую волну, носящуюся по обширной поверхности цѣлой Польши» ⁶⁾. Въ виду этого онъ не соглашается ни на допущеніе годовой давности для розыска бѣглыхъ крестьянъ, при существованіи которой, по его мнѣнію, освободились бы всѣ

¹⁾ Myśli Obywatelskie, s. 7—10.

²⁾ Тамже, s. 14—15.

³⁾ Тамже, s. 15.

⁴⁾ Тамже. Главная основа благосостоянія крестьянъ въ названныхъ мѣстностяхъ, по нашему автору,—закупничество, но онъ какъ будто не замѣчаетъ, что это первый, хотя и очень еще несовершенный, шагъ къ свободѣ и собственности крестьянъ. См. тамже, s. 17—8.

⁵⁾ Тамже, s. 12—13.

⁶⁾ Тамже, s. 16—17, 17.

польскіе крестьяне, ни на отпускъ всѣхъ сыновей крестьянина, кромѣ двухъ, какъ это предлагаетъ Выбицкій. Автора «Обывательскихъ мыслей» не убѣждаетъ и то обстоятельство, что эти мѣры принадлежать къ числу тѣхъ старыхъ законовъ, отъ забвенія которыхъ, по его же словамъ, зависитъ ухудшеніе быта польскихъ крестьянъ. Хотя это и старые законы, рассуждаетъ онъ, не замѣчая противорѣчія съ равьше сказаннымъ, но пришли они въ забвеніе, конечно, вслѣдствіе своей негодности ¹⁾. Онъ согласенъ только позволить желающимъ изъ помѣщиковъ освободить своихъ крестьянъ обращаться за разрѣшеніемъ къ сейму. «Со всѣмъ тѣмъ, кому вздумается совершенно освободить отъ крѣпостнаго права своихъ крестьянъ, пусть ему дана будетъ эта возможность. Каждый можетъ подать на сеймъ подобный проектъ, относящійся специально къ его имѣніямъ и Рѣчь Посполитая не откажетъ ему въ этой милости»... «Можетъ быть, — не то иронически, не то наивно прибавляетъ онъ, — современемъ и всѣ, увидѣвъ его выгоды, будутъ просить объ этомъ». «Пусть сперва—продолжаетъ онъ затѣмъ—покажутъ примѣръ во всѣхъ королевскихъ экономіяхъ и старостахъ и въ духовныхъ имѣніяхъ, а шляхетское сословіе посмотритъ на результаты такого порядка» ²⁾. Авторъ «Обывательскихъ мыслей» согласенъ только на одну реформу, на допущеніе хлоповъ къ общимъ судамъ съ жалобами на пановъ. «Имѣютъ это право евреи; за что же обижать въ этомъ отношеніи крестьянское сословіе, болѣе полезное для страны и правовѣрное?» Но и эта реформа, необходимость которой онъ признаетъ вмѣстѣ съ Выбицкимъ ³⁾, принимаетъ у него изуродованный видъ: онъ желаетъ именно установленія въ каждомъ повѣтѣ особыхъ «протекторовъ», которые по первой жалобѣ хлопа посылали бы помѣщику «instancjonalny list» и лишь въ случаѣ неэффективности этого шага выдавали бы хлопцу свидѣтельство, дающее ему право начать дѣло противъ своего пана въ городскомъ судѣ. Протекторовъ этихъ могли бы въ каждомъ повѣтѣ избирать сами крестьяне изъ среды свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, въ количествѣ двухъ или трехъ

¹⁾ Тамже, с. 21—23, 25—27.

²⁾ Тамже, с. 28.

³⁾ Тамже, с. 13—14.

человѣкъ ¹⁾). Такую же рѣзкую критику проекта Выбицкаго представляет и вторая изъ названныхъ брошюръ ²⁾).

Сочиненіе Сташица «Размышленія надъ жизнью Яна За-мойскаго» также не осталось безъ возраженій со стороны противнаго лагеря. Главнымъ противникомъ его явился неизвѣстный авторъ брошюры «Размышленія надъ размышленіями» ³⁾). Въ этой книгѣ, по объему своему не уступающей, если не превосходящей еще произведеніе Сташица, онъ подробно разбираетъ всѣ выводы и доказательства послѣдняго въ пользу реформы и почти во всѣхъ пунктахъ оказывается несогласнымъ съ его программой, хотя къ нему самому и къ его таланту выказываетъ большое уваженіе. Относительно образованія, котораго Сташицъ требуетъ для крестьянъ, онъ замѣчаетъ, что оно должно быть соотвѣтственно положенію ихъ, «такъ какъ что же ремесленнику въ латинскомъ языкѣ, земледѣльцу въ піитикѣ и солдату въ теологіи?» ⁴⁾ Онъ, впрочемъ, болѣе идетъ на уступки, чѣмъ авторы предшествующихъ брошюръ: онъ признаетъ тяжелое положеніе польскихъ крестьянъ, замѣчая о той картинѣ ихъ жизни, которая помѣщена у Сташица и которую мы привели выше ⁵⁾:

«Эта истинная или вымышленная повѣсть несчастья и обидъ честнаго земледѣльца, равно какъ и картина этихъ милліоновъ людей, стонущихъ въ неволѣ, тѣмъ болѣе можетъ растрогать, что не заключаетъ въ себѣ ничего тенденціознаго и такого, что не практиковалось бы въ этомъ утѣсеніи» ⁶⁾). Соглашаясь такимъ образомъ съ тѣмъ, что угнетеніе дѣйствительно существуетъ, онъ несогласенъ, однако, съ мѣрами, которыя предлагаетъ Сташицъ для уничтоженія его или, по крайней мѣрѣ, старается отодвинуть ихъ въ далекое будущее. Такъ по по-

¹⁾ Тамже, с. 31.

²⁾ О ней см. краткое упоминаніе у Maciejowskiego, *Historya włościan w Polsce*, с. 371.

³⁾ *Uwagi nad Uwagami*, г. 1789, Warszawa, Dufour. Какъ сообщаетъ авторъ, она была готова еще въ началѣ 1788 г., но «dla oddalenia od prass drukarskich» не могла быть напечатана ранѣе. О самомъ авторѣ мы знаемъ только то, что онъ самъ говоритъ намъ о себѣ, т. е., что онъ жилъ на границѣ Галиціи, с. 284.

⁴⁾ *Uwagi nad Uwagami*, с. 22.

⁵⁾ См. стр. 111—114.

⁶⁾ Тамже, с. 189.

воду освобожденія крестьянъ онъ говоритъ: «Нѣтъ ничего болѣе справедливаго, какъ чтобы эта достойнѣйшая часть жителей страны, кормящая своимъ трудомъ всѣ высшія и низшія сословія, пользовалась истинною собственностью человѣка, свободой, но нельзя опрометчиво дать сразу это драгоценнѣйшее благо народу, придавленному долгой неволей и допешему почти до скотскаго состоянія, безъ предварительнаго приготовленія къ принятію ея, такъ какъ это значило бы большую часть этихъ полезныхъ тружениковъ пустить бродяжничать, красть и разбойничать». Этотъ аргументъ, попадавшійся, какъ мы видѣли, съ легкой руки Руссо и у писателей либеральнаго лагеря, для автора «Размысленій надъ размысленіями» служить въ сущности не болѣе, какъ отговоркой. Истинныя побужденія, заставляющія его противиться свободѣ хлопковъ, онъ самъ высказываетъ ниже, говоря, что невозможно согласиться на свободный переходъ крестьянъ въ виду недостаточности рукъ для земледѣлія. «Я бы скорѣе думалъ, замѣчаетъ онъ, вмѣсто заохочиванія земледѣльца къ искусствамъ и ремесламъ насколько возможно ласковыми средствами помѣшать оставленію имъ пашни и переходу въ другія сословія». Ремеслами и торговлей, по его мнѣнію, могутъ заниматься «люди, отвыкшіе отъ тяжелой работы», и иностранцы ¹⁾). Точно также и для уничтоженія панщины онъ требуетъ времени. Измѣненіе «гнусной» панщины на чинши или опредѣленную работу «очень полезное предложеніе», «но и къ этой перемѣнѣ также нужно сперва приготовить народъ». Очиншеваніе несомнѣнно доставитъ помѣщикамъ болѣе дохода, чѣмъ нынѣшній способъ веденія хозяйства, но только современемъ, при постепенномъ примѣненіи его, а иначе трудно будетъ собрать какіе бы то ни было чинши. Въ доказательство онъ ссылается на бывшіе уже примѣры, «когда, въ первомъ увлеченіи чувствами гуманности, этихъ бѣдняковъ увольняли отъ панщины, но затѣмъ должны были снова вернуться къ ней, такъ какъ хлопъ не только не могъ отдать оброка, но такъ опускался, что его еще приходилось спасать отъ гибели». Что касается введенія опредѣленной работы, то ей будутъ противиться прежде всего сами хлопы, не любящіе новостей. Наконецъ, сеймъ не можетъ заниматься выдѣломъ пашни для хлопковъ и назначеніемъ съ нея оброковъ

¹⁾ Тамже, s. 135, 190.

и повинностей, такъ какъ для этого нужно раньше узнать массу мѣстныхъ условій. «Подъ Краковомъ грядка земли доставляетъ больше дохода, чѣмъ цѣлый моргъ на Полѣсьѣ, такъ всѣ эти различія нужно раньше узнать» ¹⁾. Интересъ помѣщиковъ стоитъ для автора на первомъ планѣ: среди нихъ не мало, по его словамъ, и такихъ «чувствительныхъ душъ, которыя сами сожальютъ объ нуждѣ и угнетеніи своихъ крѣпостныхъ, но какъ же имъ облегчить ихъ положеніе? если уменьшить работу, то или придется нанимать для обработки земли, или не будетъ столько пшеницы на продажу, а на что же тогда покупать нужную одежду, мебель и посуду?» Объ уменьшеніи помѣщиками своихъ расходовъ можетъ говорить, по его мнѣнію только моралистъ, въ практической же жизни оно не найдетъ примѣненія ²⁾. Онъ отвергаетъ такимъ образомъ всякую реформу въ положеніи крестьянъ въ данное время. Не только нельзя освободить хлопковъ или уничтожить панщину, но нельзя даже уменьшить размѣры существующихъ повинностей, такъ какъ это уменьшило бы доходы помѣщиковъ. Но одно средство для облегченія настоящаго положенія крестьянъ онъ все-таки предлагаетъ, совѣтуя освобождать крестьянъ въ отдѣльныхъ случаяхъ въ видѣ награды, на примѣръ за хорошую пряжу льну. «Я ручаюсь за то, успокоиваетъ онъ пановъ, что цѣлыхъ громадъ не придется освобождать сразу, и увѣренъ, что изъ тѣхъ, которыхъ такимъ образомъ освободятъ, ни одинъ не уйдетъ изъ деревни, пока ей будетъ владѣть такой помѣщикъ и пока какой-нибудь необычайный подстароста не вздумаетъ батогами утвердить надъ ними свою юрисдикцію». Но и тутъ онъ прибавляетъ: «захотятъ ли наши паны согласиться на это? — это другой вопросъ, разрѣшить котораго я не могу» ³⁾. Все сводится у него въ концѣ концовъ къ желанію оставить дѣла въ томъ положеніи, какъ они есть, и сентиментальныя фразы о несчастномъ положеніи земледѣльцевъ, о «гнуственности» панщины плохо прикрываютъ собою сквозящій черезъ нихъ чисто эгоистическій помѣщичій расчетъ.

Въ другомъ произведеніи консервативной партіи, также вышедшемъ по поводу сочиненія Стапица и носящемъ названіе

¹⁾ Тамже, в. 136—7, 137, 138, 139, 140.

²⁾ Тамже, в. 298—9.

³⁾ Тамже, в. 241.

«Сеймовой проектъ, происходящій отъ автора «Согласія и Несогласія», авторъ, касаясь, между прочимъ, и крестьянскаго вопроса, признаетъ, повидимому, необходимость реформы въ немъ. Земледѣлецъ, говоритъ онъ, «благодѣтель міра и поэтому онъ заслужилъ въ Польшѣ вниманіе къ себѣ и помощь въ своемъ бѣдственномъ положеніи». «Я не говорю, спѣшитъ онъ, однако, оговориться, чтобы онъ пользовался той свободой, какой пользуется въ благоустроенныхъ странахъ (w rządnych krajach), такъ какъ Польша еще не избавилась отъ того предрасудка, что земледѣлецъ долженъ быть бѣднѣйшимъ невольникомъ. Пусть ужъ онъ будетъ такимъ, если угодно, пусть не имѣетъ справедливости, если польскій обычай или предрасудокъ заставляеть его быть несчастнымъ, но пусть по крайней мѣрѣ помѣщики и поссессоры помнятъ, что у него только двѣ руки»... «Я, говоритъ онъ далѣе, изъ другаго сословія, старинный шляхтичъ, но все-таки прошу собравшіяся сословія о справедливости для хлоповъ»¹⁾. Эта справедливость принимаетъ, однако, у него очень оригинальную форму. Онъ желаетъ, чтобы всѣ воеводства, земли, повѣты одновременно учредили на реляціонныхъ сеймикахъ «порядокъ для хлопской, фольварочной, дворской или комнатной челяди. То есть, пусть они напишутъ ординацію, какую хозяинъ или панъ долженъ давать плату въ годъ своимъ служащимъ, паробкамъ, паробчакамъ, пастухамъ, дѣвкамъ, дѣвочкамъ, дворскимъ слугамъ и какія нужно давать прислугѣ каждый день кушанья и обратно, какія услуги должна она оказывать хозяину или пану... Никому нельзя будетъ повышать платы сверхъ этого росписанія и давать болѣе пици (sic!). Нельзя будетъ принимать безъ свидѣтельства (testymonium) ни одного слуги подъ страхомъ пени въ 1000 гривенъ... Нельзя будетъ прятать въ домѣ бѣглаго и давать ему пици или питья подъ страхомъ такой же пени... Бродягамъ нищимъ, просящимъ милостыню, никто не долженъ ни давать, ни даже продавать за деньги пици, но такихъ... должны содержать ихъ родные города или деревни»²⁾. Такимъ образомъ вѣрная въ основѣ своей мысль—о необходимости точнаго опредѣленія работы и повинностей крестьянъ—приводитъ въ концѣ концовъ автора «Сеймоваго проекта» къ такимъ мѣрамъ, которыя повлекли бы за

¹⁾ Projekt Seymowy z Autora Zgoda i Niezgoda wynikający s. 6—7, s. 7.

²⁾ Тамже, s. 8—10.

Собою еще большее отягощеніе ихъ. Единственное дѣйствительно прогрессивное желаніе, встрѣчающееся у него, это желаніе приходскихъ школъ для крестьянъ, причемъ онъ старается опровергнуть мнѣніе, будто науки побуждаютъ хлопковъ къ бѣгству ¹⁾.

Но если противники Сташица въ литературѣ относились къ нему безъ особой вражды и даже признавали вмѣстѣ съ нимъ въ иныхъ случаяхъ необходимость и пользу реформы—въ теоріи,—то послѣдовавшія за нимъ либеральныя брошюры, шедшія въ нѣкоторыхъ пунктахъ дальше его, вызывали крайне неумѣренные и озлобленныя нападки консерваторовъ. Ими переполнена напримѣръ брошюра, о которой было упомянуто вскользь уже ранѣе, именно «Доисканіе у предковъ сочувствія къ крѣпостнымъ», написанная ксендзомъ Игнатіемъ, монахомъ монастыря St. Maria de Mercede въ 1790 году ²⁾. Авторъ разбираетъ здѣсь двѣ брошюры, возбудившія, повидимому, особенное негодованіе въ консервативномъ лагерѣ, именно Курпя «О польскихъ крѣпостныхъ», и Пильховскаго «Добавленіе къ книгѣ о польскихъ крѣпостныхъ», и съ своей стороны защищаетъ крѣпостное право въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ. Неравенство людей имѣетъ, по его мнѣнію, божественное происхожденіе, такъ какъ ведетъ свое начало отъ Адама и Евы. Собственно крѣпостную зависимость онъ также защищаетъ св. Писаніемъ, ссылаясь на ап. Павла, повелѣвающего слугамъ подчиняться своимъ господамъ. Постѣ этихъ теологическихъ доказательствъ онъ обращается уже къ Польшѣ и старается опровергнуть утвержденія либеральныхъ писателей о господствующемъ въ ней угнетеніи крестьянъ. Въ томъ, что крестьянинъ не пользуется доходомъ съ земли, онъ не видитъ ничего особеннаго. «Земли въ Польшѣ принадлежать не хлопамъ, но или королю, или шляхтѣ; стало быть, и доходы съ нихъ должны идти или королю, или шляхтѣ». Прикрѣпленіе также не составляетъ само по себѣ угнетенія: при свободѣ было бы плохо не только помѣщикамъ, но и крестьянамъ, которыхъ затаскали

¹⁾ Тамже, s. 21.

²⁾ Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym autorowi odpowiedzi czyli dodatku do księgi o poddanych polskich, 1790 r. w Styczniu, съ подписью X. Ignacy a S. Maria de Mercede Trynitarz. Такъ какъ самой брошюры въ рукахъ у меня не было, я излагаю ее по большому извлеченію, помѣщенному у Урусскаго: Крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ, русск. перев., т. I, стр. 13—31.

бы судьи-взяточники. А сколько, прибавляетъ онъ, терпѣли бы дорожные въ корчмахъ отъ хлопотъ, распившихся въ силу своей свободы? чѣмъ и какъ усмирить ихъ» ¹⁾? Въ этихъ словахъ, какъ и во всей брошюрѣ, проглядываетъ полная невозможность для автора представить себѣ, чтобы крестьяне могли находиться подъ опекой какой-нибудь другой власти, кромѣ помѣщичьей; уничтоженіе послѣдней равняется въ его представленіи установленію полнѣйшей анархіи и безначалія ²⁾. Идя далѣе, онъ не находитъ угнетенія ни въ барщинѣ, ни въ насильственной перемѣнѣ помѣщикомъ земли крестьянина, лишь бы въ послѣднемъ случаѣ удобренная земля обмѣнивалась на удобренную же. Угнетеніе онъ видитъ лишь въ нѣкоторыхъ особенно тяжелыхъ повинностяхъ, вродѣ пропинаціи, да въ слишкомъ произвольномъ способѣ дѣйствій помѣщиковъ. «Что же сказать, говорить онъ, о томъ обыкновенномъ деспотизмѣ, которымъ, кромѣ разныхъ несправедливостей, помѣщики пользуются въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ, отнимая у нихъ землю и имущества, когда имъ вздумается, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и продавая ихъ, какъ скотъ. Владѣльцы хотятъ имѣть право, когда имъ вздумается, отнимать у крестьянина пашню, а того не хотятъ, чтобы мужикъ имѣлъ право, если ему вздумается, бросить пашню и идти прочь». Противъ такихъ притѣвленій авторъ возстаетъ, приглашая помѣщиковъ лучше наблюдать за своими управляющими ³⁾. Онъ заступаетъ также за свободу брака крестьянъ и желаетъ уничтоженія куницъ (выкупа) ⁴⁾. Полемизируя, не совсѣмъ удачно, съ приводимыми у Пильховскаго свидѣтельствами старыхъ писателей противъ крѣпостнаго права ⁵⁾, онъ соглашается еще на нѣкоторыя реформы, проектируя судъ надъ помѣщикомъ, обвиняемымъ въ

¹⁾ Урусскій, Крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Спб., 1859, т. I, стр. 14.

²⁾ Возможно, впрочемъ, что это непониманіе лишь мнимое. Примѣры послѣдняго также есть въ брошюрѣ. Такъ, предполагая, что крестьяне были бы свободны и помѣщики давали имъ землю, авторъ недоумѣваетъ, что дѣлать помѣщику, если крестьянинъ уйдетъ, и какъ платить тогда подати съ пустой земли, которой онъ не можетъ отдать другому, какъ собственность ушедшаго крестьянина. Тамже, стр. 17—18.

³⁾ Тамже, стр. 14—15, 16—17.

⁴⁾ Тамже, стр. 22—3.

⁵⁾ Тамже, стр. 18—21.

казни хлопа, на счетъ обвиняемаго ¹⁾, совѣтуя считать уголовнымъ преступленіемъ со стороны пана и смерть его хлопа подъ розгами или въ какомъ-нибудь особомъ заточеніи и предлагая наказывать пана, изувѣчившаго хлопа, вознаграждая послѣдняго на его счетъ и освобождая отъ крѣпостной зависимости; наконецъ, онъ дозволяетъ доносы въ случаѣ насилія пана надъ крестьянкою ²⁾. Но, предлагая эти частныя средства къ улучшенію судьбы крестьянъ, онъ рѣшительно отказывается отъ всякой попытки общей реформы: освободить крестьянъ, по его убѣжденію, никто не имѣетъ права, этого не должно и нельзя дѣлать ³⁾.

Никто не имѣетъ права произвести освобожденіе, потому что оно было бы отнятіемъ шляхетской собственности, вопреки всѣмъ инструкціямъ сеймиковъ и акту конфедераціи. Стремясь доказать, что крестьяне составляютъ неотъемлемую собственность шляхты, ксендзъ Игнатій говоритъ, что они образовались изъ плѣнниковъ, поселенныхъ королями и шляхтой на своихъ имѣніяхъ, и съ этою цѣлью подбираетъ тѣ законы, въ какихъ есть указанія въ пользу его предположенія ⁴⁾. Не должно освобождать крестьянъ, потому что тогда земля останется необработанной, умножатся разбои, хлопь сдѣлается дерзкимъ, а помѣщикъ, на землѣ котораго онъ сидитъ, долженъ будетъ отвѣчать за него; не должно этого дѣлать и потому, что определенное сеймомъ пожертвованіе изъ помѣщичьихъ доходовъ (надо думать подать, установленная подъ названіемъ *ofiaga dziesiątego grosza*) разсчитана на хлѣбъ, собранный крестьянами, и на дни барщины ⁵⁾. Нельзя, наконецъ освободить хлоповъ, потому что они не могутъ выплачивать оброкъ со своей земли. «Я самъ, говоритъ авторъ, живой свидѣтель этому, потому что самъ въ Литвѣ въ трехъ мѣстахъ, по просьбѣ хлоповъ, съ чинша переводилъ ихъ на барщину и, вслѣдствіе испытаннаго сажанія на чиншъ, предупреждаю, что очиншеваніе уменьшаетъ доходъ и умножаетъ людей спившихся и задолжавшихъ, такъ

¹⁾ Тамже, стр. 23; вести подобные процессы, по плану автора, должны 2 помѣщика, ежегодно избираемые шляхтой въ каждомъ повѣтѣ.

²⁾ Тамже, стр. 24.

³⁾ Тамже, стр. 24.

⁴⁾ Тамже, стр. 24—6.

⁵⁾ Тамже, стр. 27—28.

какъ ни въ одномъ повѣтѣ денегъ не сѣютъ и не жнутъ и мало повѣтовъ торговыхъ» ¹⁾. Если освободить крестьянъ и не запретить крѣпостнаго права, то, по мнѣнію автора, крестьяне сами возвратятся къ нему; если же запретить его, то многіе бѣдняки умрутъ съ голода. Ссылаясь на примѣръ евреевъ въ землѣ ханаанской, всендзъ Игнатій говоритъ затѣмъ: «что же сказать о нашей странѣ, то песчаной, то болотистой, то гористой и вездѣ почти неурожайной? что сказать о множествѣ нашихъ крестьянъ, работающихъ себѣ и пану панскою запряжкой, засѣвающихъ панскимъ зерномъ, живущихъ въ панскихъ избахъ, часто на панскомъ содержаніи, каждою весною пользующихся панскимъ хлѣбомъ, панскими деньгами уплачивающихъ государственныя повинности и задолжавшихъ пану за нѣсколько лѣтъ оброкъ и другія подати? когда они будутъ свободными, когда имъ будетъ строго запрещено отдаваться въ кабалу пану, придется ли имъ пользоваться благодѣяніями пана или всегда необходимымъ для нихъ кредитомъ? ихъ будутъ тѣмъ скорѣе отталкивать, что они бѣдны и задолжали, и слѣдовательно они будутъ умирать съ голоду по дорогамъ, и никого нельзя будетъ осудить въ убійствѣ ихъ..» ²⁾. Словомъ, если вѣрить этому доброжелателю народа, помѣщики оказываютъ крестьянамъ громадное благодѣяніе, держа ихъ въ крѣпостной зависимости и не допуская «умирать съ голоду по дорогамъ». Свобода, по его словамъ, не нужна хлопамъ и потому, что они имѣютъ возможность противиться излишнимъ притѣсненіямъ—бѣгствомъ. Другое средство, имѣющееся у хлоповъ для протеста, возмущеніе, ему не такъ нравится и по поводу возмущеній въ Украинѣ онъ замѣчаетъ, что «слѣдуетъ скорѣе хлопотать о надзорѣ за крестьявиномъ, чѣмъ о его освобожденіи»; въ этихъ возмущеніяхъ главную роль играетъ, по его убѣжденію, разнузданность хлоповъ: русскій крестьянинъ менѣе платитъ и работаетъ, чѣмъ литовскій и польскій, и потому его возмущенія—безразсудство, которое слѣдуетъ усмирять исключительно силой; религіозный вопросъ онъ совершенно упускаетъ изъ виду. Въ заключеніе онъ совѣтуетъ панамъ хорошее обхожденіе со своими крѣпостными, какъ средство, наи-

¹⁾ Тамже, стр. 28.

²⁾ Тамже, стр. 29—30.

болѣе способное привязать послѣднихъ къ вѣчной крѣпостной зависимости ¹⁾).

Несостоятельность и слабость всѣхъ этихъ разсужденій крѣпостника-ксендза очевидны съ перваго взгляда и еслибы дѣло шло лишь о внутреннемъ достоинствѣ разбираемыхъ нами произведеній, то, конечно, не стоило бы совсѣмъ и говорить объ нихъ, но для насъ они важны съ другой точки зрѣнія, раскрывая передъ нами взгляды крайней консервативной партіи во всей ихъ неприглядной наготѣ, безъ тѣхъ либеральныхъ оговорокъ, которыми прикрывался, напримѣръ, авторъ «Размышленийъ надъ размышленіями». Ксендзъ Игнатій приближается по своимъ воззрѣніямъ на крестьянскій вопросъ скорѣе къ тѣмъ противникамъ Выбицкаго, о которыхъ мы выше говорили: онъ отрицаетъ существованіе общаго угнетенія крестьянъ въ Польшѣ, какъ и тѣ, и подобно имъ же несогласенъ на реформу не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не прикрываясь фразами о неподготовленности крестьянъ къ этой реформѣ, а прямо доказывая ея невозможность и ненужность. Качество доказательствъ—уже другое дѣло.

Такимъ образомъ, если мы видѣли выше, что въ лагерѣ либеральныхъ писателей существовало раздвоеніе, что одни изъ нихъ требовали немедленной и коренной реформы, тогда какъ другіе готовы были идти на компромиссы и уступки, съуживая объемъ реформы или же отодвигая совершенное выполненіе ея въ болѣе или менѣе отдаленное будущее, то нѣсколько подобное этому раздѣленіе было и среди консерваторовъ: одни изъ нихъ, болѣе приближаясь къ прогрессивной партіи, вмѣстѣ съ нею признавали неудовлетворительность настоящаго положенія крестьянъ и даже необходимость и цѣнность выставленной ею программы его улучшенія, но, ссылаясь на невозможность примѣненія ея сразу, безъ подготовки къ ней самихъ крестьянъ, отводили для нея мѣсто лишь въ далекомъ будущемъ, довольствуясь въ настоящемъ лишь нѣкоторыми ничтожными уступками; другіе прямо отрицали возможность и необходимость реформы, доказывая, что настоящее положеніе крестьянъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы требовало кореннаго измѣненія. Въ сущности, однако, оба эти отдѣла консерваторовъ руководились интересомъ по-

¹⁾ Тамже, с. 30, 31.

мѣщиковъ, хотя для приличія оба и прикрывались пользою или же временною необходимостью крѣпостнаго права для самихъ же польскихъ хлоповъ; только у послѣдняго это прикрытіе было болѣе прозрачно, чѣмъ у перваго, за котораго стоялъ и авторитетъ такого философа, какъ Руссо.

Понятно, что при такихъ взглядахъ консервативной партіи всякій шагъ, дѣлавшійся въ практической жизни для улучшенія быта крестьянъ, долженъ былъ встрѣчать съ ея стороны нерасположеніе и недовѣріе. И дѣйствительно та конституція 3 мая 1791 г., которая вызвала со стороны либеральной партіи упреки за недостаточное и неполное разрѣшеніе въ ней крестьянскаго вопроса, подверглась и строгому осужденію консерваторовъ, но уже съ другой точки зрѣнія. Въ выпущенной этой партіей брошюрѣ подъ названіемъ «Замѣчанія Дызмы Бончи Томашевскаго, гражданско-военнаго комиссара Брацлавскаго воеводства, на конституцію и революцію 3 мая 1791 года» неизвѣстный авторъ, скрывшій свое настоящее имя подъ этимъ псевдонимомъ, утверждаетъ, что 4-ою статьею конституціи творцы ея хотѣли возбудить въ крестьянахъ желанія различныхъ облегченій и поднять ихъ противъ ихъ пановъ ¹⁾. Побѣда Тарговицкой конфедераціи прекратила литературную дѣятельность консерваторовъ, а послѣдовавшія затѣмъ событія—Костюшковское возстаніе и подавленіе его—не благоприятствовали ея возобновленію. Споръ былъ оконченъ.

Въ этомъ спорѣ, то затихавшемъ на короткое время, то вновь оживлявшемся и тянувшемся всѣ послѣднія 19 лѣтъ существованія Рѣчи-Посполитой, отъ перваго ея раздѣла и до послѣдняго, перевѣсъ ума и талантовъ, безспорно, все время оставался на сторонѣ партіи реформы. Среди противниковъ ея въ литературѣ нѣтъ ни одного выдающагося писателя, ни одного громкаго имени. Но этого мало. Можно смѣло сказать, что большинство вышедшихъ за это время брошюръ по крестьянскому вопросу примыкаетъ болѣе или менѣе къ либеральной партіи. То обстоятельство, что въ нашемъ обзорѣ этой

¹⁾ Dyzyjny Bonczy Tomaszewskiego, komisarza cywilno-wojskowego województwa braclawskiego nad konstytucyą i rewolucyą dnia 3 maja roku 1791 pwagi. См. Smoleński, Kuźnica Kołłątajowska, s. 152—3. Объ авторѣ Трембицкій въ отвѣтной брошюрѣ замѣчаетъ, что онъ вѣроятно какой-нибудь крупный панъ, см. тамъ же, s. 155.

литературы чисто консервативныя произведенія занимаютъ такъ мало мѣста сравнительно съ сочиненіями либераловъ, не простая случайность, не только слѣдствіе односторонняго на-
 правленія имѣвшагося у насъ подъ руками матеріала: консер-
 ваторы составляли и въ дѣйствительности меньшинство среди
 авторовъ, высказывавшихся по этому вопросу, хотя, можетъ
 быть, меньшинство болѣе сильное. Но, признавая это, мы дол-
 жны отмѣтить съ другой стороны и то обстоятельство, что
 среди писателей-прогрессистовъ далеко не всѣ вполнѣ заслужи-
 ваютъ это имя. Мы видѣли уже выше, что программа, выставлен-
 ная самыми крайними изъ нихъ, не могла вполнѣ удовлетворить
 тѣмъ желаніямъ, которыя ставились самими крестьянами, расхо-
 дясь съ ними въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ. Къ этому
 нужно еще прибавить, что и такая программа находила сочувствіе
 далеко не у всѣхъ представителей партіи реформы въ полити-
 ческой литературѣ этой эпохи: лишь немногіе, наиболѣе вы-
 дающіеся писатели возвышались до этой программы, большин-
 ство же держалось очень осторожно, доводя свою осторожность
 порою почти до полного консерватизма. Не лишень значенія
 и тотъ фактъ, что въ общей массѣ политической литературы
 эпохи раздѣловъ Рѣчи-Посполитой произведенія, посвященныя
 разбору крестьянскаго вопроса, занимаютъ по своему количе-
 ству второстепенное мѣсто, а такихъ, которыя бы занимались
 исключительно этимъ вопросомъ, можно назвать очень немного.
 Не даромъ просвѣчиваетъ такое отчаяніе въ усиліяхъ Ста-
 шица обратить вниманіе своихъ современниковъ на положеніе
 крестьянъ. Въ виду этихъ соображеній тотъ перевѣсъ про-
 грессивной партіи, о которомъ мы упомянули, долженъ много
 потерять въ нашихъ глазахъ: всегда и всюду либеральная пар-
 тія, употребляя это слово въ лучшемъ его смыслѣ, имѣетъ на
 своей сторонѣ лучшихъ борцовъ за идеи въ теоріи, чѣмъ кон-
 серваторы, но это мало помогаетъ ей, если такіе борцы оста-
 ются одинокими. Наконецъ, важное значеніе имѣетъ и то об-
 стоятельство, что среди именъ наиболѣе энергичныхъ борцовъ
 за крестьянское дѣло въ эту эпоху мы не встрѣчаемъ тѣхъ
 лицъ, которыя были главными двигателями дѣла реформы
 въ литературѣ, принадлежа къ опредѣленной партіи, проводив-
 шей это дѣло на четырехлѣтнемъ сеймѣ: изъ нихъ одинъ
 только Коллонтай выставилъ цѣльную программу разрѣшенія
 крестьянскаго вопроса, хотя и страдающую нѣкоторыми недо-

статками, тѣ же лица, которыя были его ближайшими пособниками и помощниками, какъ оба Езерскіе и Трембицкій, или касались крестьянскаго вопроса лишь вскользь, или же высказывались по нему очень осторожно.

Такимъ образомъ главная масса авторовъ, высказывавшихъ свои мнѣнія по крестьянскому вопросу за это время, занимала болѣе или менѣе среднее положеніе, не выставляя вполне определенной программы дѣйствій, хотя и склонялась болѣе на сторону прогрессистовъ. Что касается двухъ крайнихъ партій, обозначившихся въ литературѣ, то изъ нихъ партія прогрессивная отличалась несравненно болѣею талантливостью, болѣшимъ образованіемъ и умомъ, чѣмъ ея противница, но, принимая это во вниманіе, нужно помнить также и то, что невѣжество составляетъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе твердыхъ оплотовъ консерватизма и что главное поприще дѣйствій консерваторовъ представляетъ въ большей части случаевъ не литература, а практическая жизнь. Къ проявленіямъ этой послѣдней, поскольку они касались крестьянскаго вопроса, мы теперь и перейдемъ.

ГЛАВА III.

Мѣры частныхъ лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

Реформы частныхъ землевладѣльцевъ: Замойскаго, Павла Ксаверія Бржостовскаго, Станислава Понятовскаго, литовскаго подканцлера Хребтовича, княгини Яблоновской, маршала Малаховскаго, Красинскаго. Менѣе извѣстныя реформы: Масаляскаго, Еверскаго, Вавржецкаго. Имѣнія Щенскаго-Потоцкаго и Адама Чарто-рыйскаго. Общій выводъ. Законодательство. Огражденіе жизни крестьянъ на сеймѣ 1768 г. Попытки реформы положенія крестьянъ на сеймѣ 1774—75 гг. Сеймѣ 1784 г. и его постановленіе, дополняющее конституцію 1768 г. Четырехлѣтній сеймѣ: дѣло о податяхъ; постановленія о крестьянахъ, служащихъ въ войскѣ, и о староствахъ; дѣла на Украинѣ въ 1789 году и отношеніе къ нимъ сейма. Сеймики въ 1790 году. Крестьянское дѣло въ конституціи 3 мая 1791 г. Положеніе крестьянъ послѣ этой конституціи; эмиграція и бунты ихъ за этотъ періодъ. Отношеніе крестьянъ къ Польшѣ во время войны съ Россіей. Восстаніе Костюшки. Мѣры властей восстанія—Краковской Порядковой Коммиссіи и Костюшки—относительно крестьянъ. Значеніе этихъ мѣръ. Приѣмъ ихъ шляхтой. Отношеніе крестьянъ къ восстанію. Заключеніе.

Обращаясь отъ литературы къ практической жизни, мы прежде всего остановимся на мѣрахъ, принимавшихся частными землевладѣльцами для улучшенія быта своихъ крестьянъ. Во великомъ обществѣ реформаторской дѣятельности правительства предшествуютъ попытки реформы, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, со стороны отдѣльныхъ лицъ. Но, если это положеніе справедливо вообще, то тѣмъ болѣе примѣняется оно къ такимъ государствамъ, гдѣ правительство есть не что иное, какъ воплощеніе самого общества, какъ это было въ старой Польшѣ. Такія попытки реформы дѣйствительно имѣли мѣсто въ частныхъ имѣніяхъ Польши втеченіе послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка и рассмотримъ ихъ мы теперь и займемся, съ цѣлью опредѣлить, насколько отразились въ нихъ выставленныя въ литературѣ требованія.

Первая попытка улучшенія быта крестьянъ въ Польшѣ въ

описываемую эпоху принадлежить человѣку, съ именемъ котораго мы уже встрѣчались и встрѣтимся еще ниже, именно Андрею Замойскому. Еще въ 1760 году онъ началъ реформу въ своихъ имѣніяхъ Бѣжунь, посадивъ часть крестьянъ на чиншъ. Черезъ 5 лѣтъ, убѣдившись, что хозяйство этихъ крестьянъ идетъ хорошо, онъ началъ распространять реформу уже на всѣхъ своихъ крѣпостныхъ ¹⁾. Основныя черты ея были слѣдующія: крестьяне отбывали въ годъ только 6 дней панщины, вся остальная замѣнялась чиншемъ въ такихъ размѣрахъ: съ волоки земли (около $7\frac{1}{2}$ десятинъ) платилось 93 злотыхъ деньгами, 5 четвертей овса, поль-фуры соломы, $2\frac{1}{2}$ корца сѣчки, 15 яицъ; кромѣ того каждый крестьянинъ долженъ былъ вывезти въ годъ 5 фуръ лѣснаго матеріала ²⁾. Между крестьянами и дворомъ заключались обязательства, имѣвшія силу втеченіе пяти лѣтъ. Младшіе сыновья крестьянъ могли уходить учиться ремесламъ, но 1 или 2 старшихъ должны были оставаться на землѣ; при этомъ участокъ въ 1 волоку переходилъ къ одному сыну, въ 2 -- къ двумъ; бездѣтный крестьянинъ могъ распоряжаться своей землей съ вѣдома и согласія двора, но подъ условіемъ, чтобы вновь приобретающій ее былъ изъ этого же имѣнія и притомъ человѣкъ вольный. Никакими долгами отягощать своего участка крестьянинъ не могъ. На топливо крестьянамъ шла заросль, лѣсомъ на постройки они могли пользоваться только съ согласія двора. Внутреннее устройство громады зависѣло отъ солтыса, избираемаго ею съ согласія двора, который могъ и смѣнить его. Этотъ солтысъ съ двумя хозяевами судилъ дѣла частнаго и полицейскаго характера; отъ него шла апелляція къ магистрату въ Бѣжунь и оттуда къ самому помѣщику, за которымъ оставался и судъ по всѣмъ важнѣйшимъ преступленіямъ. Солтысъ могъ отнять землю у плохаго хозяина и отдать ее его сыну или родственникамъ. Солтысъ же завѣдывалъ общинной кассой вмѣстѣ съ двумя домохозяевами; изъ этой кассы выдавались пособія вновь поселявшимся крестьянамъ на обзаведеніе и старымъ на свадьбу или же въ случаѣ несчастья. Наконецъ, солтысъ отправлялъ молодыхъ крестьянъ въ ученіе ремесламъ, велъ общинныя книги и назначалъ опекуновъ вдовамъ и сиротамъ крестьянъ.

¹⁾ Korzon, l. c., s. 378.

²⁾ Горемыкинъ, Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. Спб., 1869, стр. 117.

Дворъ удерживалъ за собою монополію напитковъ ¹⁾. Несмотря на то, что въ этомъ устройствѣ оставалось много недостатковъ стараго польскаго хозяйства, несмотря на то даже, что назначенныя повинности были высоки, крестьяне имѣній Замойскаго съ любовью относились къ своему пану, и не мудрено: они освобождались отъ произвольной панщины, отправляли только опредѣленныя повинности и получали полную свободу въ своихъ хозяйствахъ. Къ сожалѣнію, однако, такое положеніе ихъ продолжалось не долго, такъ какъ вслѣдствіе сильнаго неудовольствія сосѣдней шляхты, возбужденнаго этой реформой, Замойскій уже въ 1773 году долженъ былъ уничтожить ее: онъ сдалъ свое имѣніе въ аренду шляхтичу Козловскому и при этомъ новомъ хозяинѣ была возобновлена какъ панщина, такъ и весь существовавшій до реформы порядокъ ²⁾.

Почти одновременно съ Замойскимъ производилъ реформу въ своихъ имѣніяхъ другой большой панъ, референдарій Великаго Княжества Литовскаго, Павелъ Ксаверій Бржостовскій. Въ 1767 году принялъ онъ во владѣніе имѣніе Меречь, отъ его имени получившее затѣмъ названіе Павлова ³⁾, и по свидѣтельству современника, описавшаго его дѣйствія, «нашелъ здѣсь землю, поросшую лѣсомъ, съ рѣкой Меречанкой, впадающей въ Нѣманъ, съ небольшимъ населеніемъ, да и эту горсть одичалыхъ людей, жившихъ въ нуждѣ и нищетѣ, отягощенныхъ работами и пребывавшихъ въ рабскомъ состояніи, по общему обычаю въ этой странѣ, нужно было искать по лѣсамъ» ⁴⁾. Онъ началъ вводить реформу постепенно, установивъ награды за

¹⁾ Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce, Biblioteka Warszawska, 1862, II, s. 231—2.

²⁾ Горемыкинъ, I. с., с. 117. Яцекъ Езерскій указываетъ на то, что Замойскій долженъ былъ вернуться къ панщинѣ, не объясняя подробно причинъ и какъ бы ставя это въ зависимость отъ самихъ крестьянъ, но противникъ его, авторъ брошюры «Nie wszyscy bładzą» передаетъ, что Замойскій уничтожилъ свою реформу, такъ какъ на него «начали кричать и метать со всѣхъ сторонъ ядовитые упреки, называя его возмутителемъ общественнаго спокойствія», см. «Nie wszyscy bładzą» s. 23.

³⁾ См. вышедшую въ 1811 г. брошюру: Pawłow od roku 1767 do roku 1795, od jednego domowego przyjaciela opisany, s. 5. Въ ней много любопытныхъ подробностей относительно Павлова и отношенія современниковъ къ реформѣ Бржостовскаго.

⁴⁾ Тамже.

хорошее хозяйство, учредив лекціи для молодежи, а затѣмъ и школу для крестьянскихъ дѣтей. Тѣмъ временемъ владѣлецъ вмѣстѣ съ четырьмя wybranными отъ крестьянъ стариками занимался приготовленіемъ проекта новаго устройства, который и былъ оконченъ къ 1769 году ¹⁾. Цѣль устава, какъ опредѣляетъ ее Бржостовскій, обращаясь къ крестьянамъ, заключается въ томъ, «чтобы вы жили въ безопасности, чтобы вы были освобождены отъ постоянного страха новыхъ податей, жили, какъ должны жить люди, по закону, а не такъ, какъ въ другихъ имѣніяхъ, гдѣ каждый годъ новая подать и болѣе богатый принужденъ бываетъ и платить болѣе». По уставу крестьянамъ предоставлялась полная свобода уйти съ земли, когда они пожелаютъ, замѣнивъ только себя другимъ, свободнымъ человѣкомъ. За ними была признана свобода распоряжаться своимъ заработкомъ, собственность строеній и предоставлено право отказывать домъ, имущество и землю кому угодно ²⁾. Барщина не уничтожалась совершенно, но обязанности крестьянъ были строго опредѣлены и желающіе могли перейти на чиншъ. Принудительный наемъ также сохранялся, но съ высокими цѣнами. Дворъ оставлялъ за собою монополію крѣпкихъ напитковъ и помола хлѣба, но крестьяне получали за то полную свободу торгова въ остальномъ и за особую плату могли пользоваться сплавной рѣкой Меречанкой. Наконецъ, крестьяне могли заключать и долги, но въ имѣніи. Внутреннее устройство имѣнія представляло нѣкоторое подобіе государственнаго строя Рѣчи-Посполитой: учреждены были двѣ палаты или избы, высшая и нисшая, изъ которыхъ въ первой засѣдалъ самъ Бржостовскій со своимъ совѣтомъ, а во второй—крестьяне; велись протоколы этихъ засѣданій. Чиновниковъ было довольно много: губернаторъ, намѣстникъ или писарь, присяжный, цензоръ, лавники, лѣсничіе, мостовые, десят-

¹⁾ Тамже, с. 6—7. Ксендзъ Калинскій въ своихъ рѣчахъ, которыя онъ говорилъ павловскимъ крестьянамъ (Mowy Jmci Xiędza Gwillelma Kalińskiego do rolników miane w Pawłowie, w Wilnie, 1779, s. 18), сообщаетъ, что Бржостовскій и самъ училъ крестьянскихъ дѣтей.

²⁾ См. Lubomirski, l. c., s. 228 и Mowy Kalińskiego, s. 39, 45 — 6. Последний сообщаетъ, что при введеніи въ Павловъ новаго устройства всякаго крестьянина спрашивали, хочетъ ли онъ остаться и подчиниться новымъ порядкамъ. Всѣ рѣшились остаться. Тамже, с. 36.

ники. Губернаторъ вѣдалъ полицейскія дѣла, а вмѣстѣ съ намѣстникомъ, тивуномъ и двумя лавниками составлялъ судъ первой инстанціи. Важнѣйшія дѣла судилъ самъ помѣщикъ ¹⁾. Учреждена была школа на счетъ общины, основанъ фондъ на директора и фельдшера ²⁾; наконецъ, какъ бы для того, чтобы еще болѣе усилить сходство этого имѣнія съ государствомъ, устроена была въ Павловѣ милиція и введена обязательная воинская повинность крестьянъ ³⁾. Весь договоръ былъ внесенъ въ акты виленскаго земскаго суда, чѣмъ крестьяне какъ бы отдавались подъ покровительство закона ⁴⁾. Эта реформа Бржостовскаго, въ которой не трудно замѣтить большое сходство съ реформой, производившейся Замоискимъ, хотя она могла быть и совершенно независима отъ послѣдней, вызвала большое любопытство въ тѣхъ изъ его современниковъ, которые заботились объ улучшеніи быта крестьянъ; самъ король живо интересовался ею. Крестьяне, въ свою очередь, были, повидимому, довольны ею и привязаны къ своему пану ⁵⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Бржостовскаго, именно въ 1777 году, началъ вводить реформу, гораздо менѣе впрочемъ

¹⁾ Lubomirski, l. c., s. 229, 230, 231. Von der Brügggen, Polen's Auflösung, s. 55—6.

²⁾ Lubomirski, l. c., s. 228; о фондѣ, равнявшемся 30.000 золотыхъ и учрежденномъ въ 1788 году, см. Pawłow od roku 1767 do roku 1795, s. 26; въ школѣ обучали дѣтей читать, писать, считать и различнымъ ручнымъ работамъ, также.

³⁾ Lubomirski, l. c., s. 228.

⁴⁾ l. c., s. 227. Уставъ этотъ былъ напечатанъ въ 1769 году въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: «Ustawy, stosujące się do dobrego porządku i powinności osiadłych ludzi w dobrach Pawłowie czyli Merezcu».

⁵⁾ Смотри цитованную уже брошюру Pawłow od roku 1767 do r. 1795, s. 9—21. Здѣсь помѣщены письма къ Бржостовскому королю, s. 9 и 10, княгини Яблоновской, s. 11—13, Адама и Михаила Чартгорыскихъ, s. 13—14 и s. 17, Станислава Понятовскаго, s. 18—20, Охоцкаго, s. 20, и какого-то шляхтича Бѣлинскаго, s. 14—17. Въ послѣднемъ есть интересное мѣсто, касающееся отношенія польской шляхты къ подобнымъ реформамъ: «до сихъ поръ у насъ считали величайшей истиной, что хлопы, прикрѣпленные къ землѣ, стонущіе подъ ярмомъ крѣпостнаго права, отягощенные панциной, лишенные собственности, такіе хлопы, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись. Желать измѣнить ихъ судьбу все равно, что рѣшиться уменьшать свое имущество, подать дурной примѣръ всѣмъ сосѣдямъ и навлечь вредныя послѣдствія на всю околицу...» s. 15. О любви крестьянъ къ Бржостовскому см. письмо ихъ къ пану, также, 37—40.

сложную, въ своихъ имѣніяхъ племянникъ короля, Станиславъ Понятовскій. Крестьяне его громаднаго Корсунскаго имѣнія были уволены отъ панщины и посажены на чиншь, приче́мъ въ контрактахъ, заключенныхъ съ каждымъ хозяиномъ, «крестьянину, его женѣ, равно какъ дѣтямъ и позднѣйшему ихъ потомству, отдается въ вѣчное владѣніе земля, дуга, огороды, домъ, гдѣ онъ живетъ, и всякія постройки вмѣстѣ со всѣмъ его доходомъ.» Понятовскій пошелъ такимъ образомъ далѣе Замойскаго, подобно Бржостовскому обезпечивая крестьянамъ землю и постройки на вѣчныя времена; но въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ онъ оставилъ за собою и послѣдняго, совершенно уничтоживъ панщину и замѣнивъ ее исключительно чиншемъ, который долженъ былъ выплачиваться въ 4 срока, безо всякихъ добавочныхъ работъ или уплатъ. ¹⁾

Не такъ благопріятно, но все-таки выгодно для крестьянъ было устройство имѣній литовскаго подканцлера, Іоахима Литавора Хребтовича, которое послѣдній началъ вводить въ нихъ около этого же времени. Какъ и у предыдущихъ реформаторовъ, о которыхъ мы упоминали, крестьяне получили здѣсь личную свободу, но панщина не была совершенно уничтожена: оставлены были въ силѣ дорожная повинность и обязанность стражи и подводъ; кромѣ того крестьянинъ за пользованіе землею долженъ былъ отдавать помѣщику $\frac{1}{3}$ всего сбора. Въ это устройство вмѣшалась нѣкоторая причудливость: предъ введеніемъ его Хребтовичъ раздѣлилъ всю пахатную землю своего имѣнія на четвероугольники, величиною каждый въ волоку, и распредѣлил ихъ затѣмъ по качеству земли на три разряда; когда на этихъ участкахъ поселились крестьяне, имѣніе приняло видъ шахматной доски ²⁾.

Но если въ тѣхъ примѣрахъ реформы, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтна доля панской причудливости, на первомъ планѣ стоитъ во всякомъ случаѣ забота о благосостояніи крестьянъ, то были и такіе помѣщики, которые подъ видомъ облегченія участи своихъ хлоповъ и строгаго опредѣленія ихъ повинностей наваливали на нихъ невыносимыя тягости и давали полный

¹⁾ Korzon, l. c., s. 389.

²⁾ Korzon, l. c., s. 390, Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Спб. 1886, т. 1. с. 165.

просторъ своему произволу. Яркій примѣръ подобнаго рода реформы представляетъ устройство, введенное княгиней Анной Яблоновской въ своемъ имѣннн Семятичахъ. Крестьянамъ обезпечено было и у Яблоновской владѣнне ихъ земель, по крайней мѣрѣ на долгій срокъ: каждый изъ нихъ получалъ 12 морговъ пахатной земли, 2 морга сѣнокоса и 2 морга подъ огородъ и усадьбу на 50 лѣтъ, втеченіе которыхъ никто, не исключая и самого помѣщика, не могъ отнять у него этой земли; по прошествіи этого срока, если крестьянинъ вносилъ 100 золотыхъ, условіе получало силу еще на 50 лѣтъ. Въ случаѣ выселенія крестьянинъ долженъ былъ поставить на свое мѣсто другаго хозяина съ такимъ же имуществомъ. За пользованіе этою землею крестьяне несли слѣдующія повинности: 2 конныхъ или 4 пѣшихъ рабочихъ дня въ недѣлю съ каждаго тягла, лѣтомъ 4 толоки, дорожной повинности 2 дня въ мѣсяцъ, 1 день для двора и 1—для самихъ крестьянъ, 6 дней стражи, кромѣ которыхъ волость должна была доставить въ фольварокъ и содержать здѣсь на свой счетъ 6 дѣвокъ, отбываніе ночной стражи у фольварка отъ захода до восхода солнца по очереди всей волостью, принудительный наемъ для сплава лѣса въ размѣрѣ 34 дней въ годъ; сверхъ всего этого крестьянинъ долженъ былъ платить чиншъ деньгами и продуктами въ такихъ размѣрахъ: деньгами — 5 золотыхъ, овса 1½ корца, коноплянаго волокна чищенога 12 лотовъ; наконецъ, крестьяне обязаны были къ слѣдующимъ работамъ: въ каждомъ домѣ сдѣлать 2 корца гречихи или проса, даннаго со двора, выпрясть тальку нитокъ, каждому хозяину отвезти въ барскій домъ 2 сажени дровъ, въ общинный магазинъ къ дню св. Михаила—8 гарнцевъ жита; поправлять дороги и заботиться о насаженныхъ на нихъ деревьяхъ долженъ былъ тотъ, черезъ чью землю дорога проходила. Такое, хотя и точное, распределеніе работъ и повинностей¹⁾, конечно, не могло составить облегченія въ судьбѣ крестьянъ. «Слѣдовательно, прибавляетъ

¹⁾ Составлена была Яблоновской и таблица дневной работы для барщины, которая была, однако, такова, что заставила одного польскаго писателя сказать о кн. Яблоновской, что она забыла всякое человѣколюбие относительно крестьянъ, такъ какъ, отяготивъ ихъ работою, требовала положительно невозможнаго, напр., чтобы крестьянинъ перенесъ втеченіе дня изъ гумна въ амбаръ 60 корцевъ хлѣба, см. Lubomirski, l. c., в. 227, прим. 2.

одинъ изъ недавнихъ писателей объ этой эпохѣ, перечисливъ приведенныя повинности, за участокъ земли въ 6 десятинъ съ частицею огорода и луга крестьянинъ отбывалъ 282 рабочихъ дня и сверхъ того еще платилъ чиншъ, возилъ дрова, исполнялъ даровыя работы и отдавалъ дани хлѣбомъ и пряжею; едва ли физически возможно требовать больше, если принять въ соображеніе, что съ этихъ же 6 десятинъ надо было ему прокормиться съ семьею и что имѣніе Семятичи находилось въ болотистомъ и песчаномъ Подлясьи, гдѣ земля принадлежитъ къ числу наименѣе хлѣбородныхъ въ Польшѣ¹⁾».

Внутреннее устройство имѣнія было таково: высшіе начальники, какъ войты, сельскіе и лавники, назначаются дворомъ изъ среды крестьянъ, низшіе—десятники, избираются самими крестьянами на годъ. Всѣ они освобождались отъ цанцины, войты вполнѣ, другіе отчасти. Дворская власть очень сильно вмѣшивается въ личную жизнь крестьянъ: такъ, выдѣлъ взрослыхъ сыновей съ нарушеніемъ отцовской власти предоставленъ патримоніальнымъ чиновникамъ, выдача замужъ дочерей или женитьба парней въ другихъ имѣніяхъ безусловно воспрещены. Дворъ оставалъ за собою и торговыя монополіи: крестьянинъ не можетъ ни продавать хлѣбъ, ни свезти его на мельницу безъ вѣдома и позволенія войта, только двору можетъ продавать ленъ, коноплю, овесъ, куръ, яйца, скотъ, воскъ, медъ, мотки, полотно, пухъ, перо, и только отъ двора покупать соль и крѣпкіе напитки. Уставъ въ точности опредѣлялъ наказанія, въ общемъ очень тяжелыя, за различныя проступки, и полицейскія правила, мелочность и придирчивость которыхъ просто поражаютъ человѣка свѣжаго. Достаточно привести два примѣра: утромъ всѣ крестьяне должны были вставать на работу по звонку; другое правило устанавливаетъ общую одежду крестьянскихъ дѣвушекъ по одному образцу²⁾.

Наконецъ, крестьяне по этому уставу владѣли общимъ имуществомъ: общинной кассой, магазиномъ и сельской пасѣкой; въ имѣніи устроены были милосердія, деревенская конюшня, судебный домъ, домъ для умершихъ, домъ для сушенія конопли и пожарный приборъ. За то съ другой стороны

¹⁾ Горемыкинъ, I. с., с. 115. Ср. Korzon, I. с., с. 403—4.

²⁾ Korzon, I. с., с. 405. Lubomirski, I. с., с. 225—6, 224. Горемыкинъ, I. с., с. 116.

крестьяне были лишены права общаго пользованія лугами и пастбищами ¹⁾).

Вообще отличительными чертами этого устройства Семятичей являются съ одной стороны излишняя тяжесть работъ и повинностей, съ другой—строгость наказаній, назойливое вмѣшательство помѣщичьей власти въ частную жизнь крестьянъ и мелочность предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Тѣмъ удивительнѣе хвалебные отзывы нѣкоторыхъ современниковъ о княгинѣ Яблоновской. Единственная хорошая сторона ея устава, которой можно объяснить подобные отзывы, — это обезпеченіе за крестьянами ихъ земельныхъ участковъ, но одного этого было бы еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы поставить ея имя въ числѣ реформаторовъ положенія крестьянъ. Напротивъ того, въ ея уставѣ выражается почти исключительно забота о своемъ собственномъ интересѣ, распоряженія же, направленные якобы къ выгодѣ хлоповъ, проникнуты педантизмомъ и духомъ помѣщичьяго произвола ²⁾).

Болѣе приближалось по типу своему къ реформамъ Замойскаго, Бржостовскаго, Понятовскаго и Хребтовича преобразование, произведенное въ имѣніяхъ Станислава Малаховскаго. Послѣдній торжественнымъ актомъ, изданнымъ 17 ноября 1790 года и подтвержденнымъ королемъ, уничтожилъ въ своихъ имѣніяхъ крѣпостное право, давъ хлопамъ такую же свободу, какою они пользовались въ королевскихъ имѣніяхъ: каждый крестьянинъ могъ выселиться, поставивъ за себя другаго, и могъ

¹⁾ Kozzon, тамже. Lubomirski, l. с., s. 224. Уставъ этотъ напечатанъ въ Варшавѣ въ 1786—7 гг. подъ заглавіемъ: *Ustawy powszechne dla dóbr moich Rzadców*, Gröll, 8 t.t.

²⁾ Даже Любомирскій, вообще относящійся къ этимъ реформамъ съ слишкомъ большимъ энтузіазмомъ и довѣріемъ, по поводу кн. Яблоновской говоритъ: «въ общемъ благосостояніе крестьянъ основано не на свободѣ, но на предписаніяхъ, принужденіи и надзорѣ; повинности взимаются почти исключительно въ видѣ панщины и лишь въ незначительной части данями и чиншемъ; рядомъ съ этимъ есть другія, менѣе значительныя предписанія, которыя были бы скорѣе смѣшны, чѣмъ серьезны, еслибы не стѣсняли свободы крестьянъ, а гдѣ нѣтъ свободы, тамъ смѣхъ святотатство, а грустныя слезы плохое утѣшеніе», l. с. Кн. Яблоновскую сильно хвалить напр. авторъ брошюры *Nie wzruszyc Władza*, s. 51. Przułogowski, разбирая реформу Яблоновской, упускаетъ изъ виду тяжесть повинностей и потому находитъ ея уставъ разумнымъ и даже «прекрасной страницей въ исторіи нашего хлонка», какъ онъ выражается. *Włoscianie u nas i gdzieindziej*, s. 175.

даже продать свою землю съ согласія двора. Менѣе удовлетворительно были опредѣлены экономическія отношенія: крестьяне освобождались, правда, отъ всякихъ панщинъ, не установленныхъ въ инвентарѣ, но и эти послѣднія были довольно многочисленны и не особенно легки. Съ волоки требовалось отработать въ недѣлю 4 тяглыхъ дня или 8 пѣшихъ, спрясть 4 мотка и 60 матовъ; кромѣ того существовали дорожная и сторожевая повинности; наконецъ, сохранялся и принудительный наемъ въ размѣрѣ 150 дворскихъ морговъ на 300 крестьянъ, но съ платою по опредѣленной таксѣ: за тяглый день — 26 грошей, за пѣшій—13 и за женскій—10 гр. На каждую волоку дается за то подъ постройки 2 морга земли и сѣнокоса 4 м. Съ крестьянъ, взявшихъ меньше пашни, меньше идетъ и повинностей и меньше дается и сѣнокоса и усадебной земли, для взявшихъ $\frac{1}{2}$ волоки—въ половинномъ размѣрѣ и т. д. ¹⁾. Тяжесть этихъ условій очевидна съ перваго взгляда, но все-таки они значительно легче, чѣмъ условія, поставленныя княгиней Яблоновской. Характерною чертою реформы является еще то обстоятельство, что установившій ее актъ былъ подтвержденъ королемъ; это какъ бы отдавало крестьянъ подъ опеку правительственной власти и сближало реформу Малаховскаго съ одной стороны съ реформой Бржостовскаго, съ другой—съ произведенной въ томъ же 1790 году Красинскимъ, старостой Опиногорскимъ и посломъ Подольскимъ. Послѣдній, умершій въ этомъ году, по завѣщанію далъ своимъ крестьянамъ свободу выселяться, по желанію платить чиншъ или отбывать панщину и мѣстомъ для ихъ жалобъ на помѣщиковъ и суда съ послѣдними назначилъ Гражданско-Военную Коммиссію ²⁾.

Кромѣ этихъ опредѣленныхъ реформъ до насъ сохранились отрывочныя извѣстія о нѣкоторыхъ другихъ въ томъ же духѣ. Такъ, еще въ 1774 году были произведены еп. Виленскимъ, Масальскимъ, преобразованія въ его имѣніи Игуменьѣ, которыя, однако, ближе неизвѣстны ³⁾. Другое подобное свидѣтельство, сохранившееся до насъ, принадлежитъ самому преобразователю: именно Яцекъ Евверскій, каштелянъ луковскій, увѣряетъ, что,

¹⁾ Подробности этого устройства, замѣтованыя изъ Dziennika Napolewogo, см. у Korzon'a, l. c., s. 444—445.

²⁾ Korzon, l. c., s. 445.

³⁾ Тамже, s. 389.

вступивъ во владѣніе своимъ имѣніемъ, онъ тотчасъ же отмѣнилъ во всѣхъ деревняхъ его крѣпостное право, т. е., вѣроятно, панщину ¹⁾. Наконецъ, посоль Брацлавскій, Вавржецкій, заявлялъ на 4-лѣтнемъ сеймѣ, что онъ далъ свободу своимъ крѣпостнымъ и вслѣдствіе этого населеніе его деревни увеличилось втрое ²⁾. Всѣ эти свидѣтельства, однако, носятъ слишкомъ неопредѣленный и общій характеръ для того, чтобы можно было строить на нихъ какіе-нибудь выводы.

Но не всегда только преобразованія поднимали благосостояніе крестьянъ. Мы знаемъ примѣръ — правда, только одинъ, — когда крестьяне пользовались сравнительно очень хорошимъ бытомъ, несмотря на то, что въ положеніи ихъ не произошло никакой коренной перемѣны. Это было въ громадныхъ, лежавшихъ въ Украинѣ, имѣніяхъ Щенскаго Потоцкаго. Панъ этотъ отличался среди своихъ современниковъ сочувствіемъ къ судьбѣ простаго народа, но слишкомъ горячо привязанный къ шляхетской вольности и старинѣ для того, чтобы вводить какія-либо измѣненія, онъ ограничился полумѣрами: онъ отнялъ аренды у евреевъ и вообще у тѣхъ посессоровъ и комиссаровъ, на которыхъ къ нему поступали жалобы, и, принявъ затѣмъ половину имѣній въ свое личное управленіе, другую половину роздалъ въ аренду такимъ лицамъ, въ которыхъ онъ былъ вполне увѣренъ. Особенно благопріятно было положеніе крестьянъ, находившихся подъ его собственнымъ управленіемъ: здѣсь было введено общинное управленіе крестьянъ, панщина доведена была до ничтожной сравнительно цифры одного дня въ мѣсяцъ, 12 дней дорожной повинности и 12 дней лѣтомъ во время покоса и жатвы. Остальная панщина была переведена на чиншъ съ умѣреннымъ расчетомъ по 12 грошей за рабочий день. Лично заботясь о благосостояніи своихъ крѣпостныхъ, Потоцкій не допускалъ никакихъ несправедливостей и притѣсненій по отношенію къ нимъ и крестьяне, не обремененные работой, имѣя достаточно времени для занятія собственнымъ хозяйствомъ, были богаты и наслаждались полнымъ благоденствіемъ. Однако, при такомъ способѣ хозяйства, доходъ съ него значительно уменьшался и, хотя это не имѣло особаго значенія для самого Щенскаго Потоцкаго, при его громадныхъ

¹⁾ Nie wszycy bładza, s. 5. Приведено у Korzon'a, s. 405.

²⁾ Тамже, s. 445.

средствахъ, но могло оказаться не безразличнымъ для его наслѣдниковъ, а такъ какъ настоящее положеніе крестьянъ ничѣмъ не было обезпечено, кромѣ воли владѣльца, то имъ могла угрожать въ будущемъ перемѣна къ худшему ¹⁾.

Таковы всѣ свѣдѣнія, дошедшія до насъ, о сдѣланныхъ за это время попыткахъ къ улучшенію быта крестьянъ. Не говоря уже о ихъ незначительномъ числѣ (7 на 30 лѣтъ—1760—90,—если не считать тѣхъ, о подробностяхъ которыхъ мы ничего не знаемъ, какъ реформы Масальскаго, Езерскаго и Вавржецкаго), вниманіе изслѣдователя невольно поражаетъ то обстоятельство, что всѣ эти реформаторы изъ числа большихъ пановъ Рѣчи Посполитой. Въ средѣ этихъ пановъ, воспитывавшихся на иностранный ладъ, знакомившихся съ произведеніями французскихъ философовъ, прежде всего зародилась мысль объ улучшеніи судьбы польскихъ хлоповъ, нашедшая себѣ выраженіе въ литературѣ, и среди нихъ же впервые эта мысль была примѣнена на практикѣ. Всматриваясь затѣмъ ближе въ сущность этихъ реформъ, мы замѣчаемъ, что почти во всѣхъ ихъ крестьянамъ предоставлено самоуправленіе въ большемъ или меньшемъ объемѣ, право выбора себѣ властей, хотя въ иныхъ случаяхъ, напр. у кн. Яблоновской, только низшихъ, и притомъ всегда съ подтвержденія двора, и право собственнаго суда для частныхъ дѣлъ въ низшей инстанціи. Личная свобода крестьянъ также нашла обезпеченіе у всѣхъ почти реформаторовъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, которое встрѣчалось намъ и въ литературныхъ произведеніяхъ, именно уходившій крестьянинъ долженъ былъ поставить на свое мѣсто другаго съ соответственнымъ имуществомъ. Что касается собственности крестьянъ, за такую признавалось ихъ движимое имущество, заработокъ и, въ лучшемъ случаѣ, строенія (Бржостовскій), но никакъ не земля. Последняя отдавалась крестьянамъ только во владѣніе на болѣе или меньшій срокъ по особымъ контрактамъ; сроки эти сильно разнились между собою: у Замойскаго—срокъ контракта 5 лѣтъ, у Яблоновской—уже 50 лѣтъ, съ возможностью для крестьянина

¹⁾ См. Костомаровъ, I. с., с. 167. Доходъ Щенскаго простирался до 2.001.890 злотыхъ съ 3.000.000 морговъ, см. Когзон, I. с., в. 405—6. Точно такъ же процвѣтало благосостояніе крестьянъ въ имѣніяхъ кн. Адама Чарторыскаго, хотя и послѣдній не вводилъ реформъ.

возобновить по истеченіи срока дѣйствіе контракта вносомъ определенной суммы, наконецъ у Бржостовскаго и Станислава Понятовскаго земля отдается крестьянамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Переходя къ экономическимъ обязательствамъ крестьянъ, какъ они опредѣлялись въ этихъ реформахъ, мы прежде всего должны отмѣтить тотъ благоприятный для крестьянъ фактъ, что обязательства эти получали строгую определенность и не могли быть увеличиваемы впредь по одному произволу двора. Полной и коренной реформы экономическихъ отношеній мы не видимъ однако здѣсь, исключая развѣ имѣній Понятовскаго, гдѣ барщина была совершенно уничтожена и замѣнена чиншемъ. Во всѣхъ другихъ имѣніяхъ барщина сохранялась, въ необязательной ли формѣ, какъ у Бржостовскаго и Красинскаго; или же въ обязательной. Наконецъ, самый размѣръ повинностей и работъ у большинства владѣльцевъ былъ очень высокъ, а у нѣкоторыхъ доходилъ до такихъ размѣровъ, что облегченіе крестьянъ становилось по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Точно также въ большинствѣ этихъ имѣній помѣщичьи дворы удерживали за собою монополию торговли хотя нѣкоторыми предметами, по преимуществу солью и крѣпкими напитками, а въ имѣніи кн. Яблоновской подобная монополія получила очень широкое развитіе. Нѣкоторые реформаторы съ цѣлью закрѣпленія своего дѣла добились санкціи его отъ государственной власти въ различной формѣ (Бржостовскій, Малаховскій, Красинскій) и тѣмъ самымъ какъ бы вводили своихъ крестьянъ въ ряды гражданъ Рѣчи Посполитой, но это, конечно, представляло еще очень недостаточное выраженіе нужды въ дѣйствительномъ дарованіи польскимъ хлопамъ гражданскихъ правъ.

Такимъ образомъ въ этихъ реформахъ отразились тѣ же идеалы, какіе выставлялись въ польской политической литературѣ этой эпохи по крестьянскому вопросу, но отразились съ тѣми уклоненіями—иногда очень важными—, какія вызывались на практикѣ столкновеніемъ помѣщичьихъ интересовъ съ крестьянскими. Но если въ произведенныхъ за это время преобразованіяхъ нашла себѣ выраженіе практическая сторона проектовъ реформы, то не трудно усмотрѣть въ нихъ и другую сторону,—то, свойственное вообще философамъ XVIII вѣка, стремленіе устраивать судьбу людей по отвлеченнымъ соображеніямъ и мало примѣнимымъ къ жизни теоріямъ, ко-

торое не разъ приносило человѣчеству вредъ вмѣсто ожидаемой пользы. Стремленіе это сказалось во внутреннемъ устройствѣ Павлова, напоминающемъ самостоятельное государство, и еще болѣе въ тѣхъ правилахъ, какія были установлены кн. Яблоновской для жизни Семятичскихъ крестьянъ.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ трудно вывести благоприятное заключеніе относительно стремленія къ реформѣ крестьянскаго быта среди помѣщиковъ тогдашней Польши. Улучшали положеніе своихъ хлоповъ паны, да и то немногіе; самыя эти улучшения были относительны и неполны: главныя основы, на которыхъ покоилось тяжелое положеніе крестьянъ, личное ихъ закрѣпощеніе и панщина, оставались въ большинствѣ случаевъ въ силѣ, только съ нѣкоторыми ограниченіями; главное благо, которое доставлялось крестьянамъ этими преобразованіями, заключалось въ точномъ опредѣленіи ихъ повинностей, при которомъ, однако, помѣщичій интересъ игралъ главную роль, иногда совершенно подавляя собою интересъ крѣпостныхъ. Если такъ стояло дѣло преобразованія въ тѣхъ кругахъ, которые скорѣе всего могли рѣшиться на него, безъ особаго ущерба для своихъ собственныхъ выгодъ, то чего же можно было ожидать отъ средней шляхты, менѣе просвѣщенной и менѣе богатой? Само собою, она могла обнаруживать еще менѣе порывовъ къ реформамъ, которыя прежде всего уменьшили бы ея доходы. Для того, чтобы рѣшиться добровольно на такое уменьшеніе своихъ средствъ, нужно было обладать яснымъ и твердымъ сознаніемъ необходимости этого шага, нужно было всецѣло проникнуться сочувствіемъ къ крѣпостнымъ, томившимся въ тяжкой неводѣ, но уже самое существованіе этой неводи въ описываемый періодъ отвергаетъ возможность подобнаго предположенія относительно всей шляхты того времени. Мы не знаемъ даже отдѣльныхъ случаевъ реформъ среди этого класса: общія упоминанія, встрѣчающіяся въ источникахъ¹⁾, могутъ относиться и къ указаннымъ уже фактамъ, и во всякомъ случаѣ не даютъ намъ никакихъ твердыхъ данныхъ для выводовъ. Съ другой стороны, примѣровъ угнетеній, несправедливости и плохаго обхожденія съ хлопами въ отдѣльныхъ

¹⁾ Ср. Uwagi nad Uwagami, s. 137 и Uwagi praktyczne въ Славянскомъ Сборникѣ, т. III, отд. 3, с. 72, 111, 139.

шляхетскихъ имѣнiяхъ за это время встрѣчается въ источникахъ болѣе, чѣмъ достаточно ¹⁾). Если къ концу описываемаго періода и произошло нѣкоторое смягченіе помѣщичьяго произвола, то это смягченіе не касалось общаго характера отношеній пановъ къ своимъ крѣпостнымъ и взглядъ шляхетской массы на послѣднихъ оставался такимъ же, какимъ онъ былъ и въ началѣ этого періода ²⁾). Такимъ образомъ нельзя было и ожидать добровольной реформы крестьянскаго быта со стороны массы средней шляхты. Такая реформа могла, однако, послѣдовать съ другой стороны, со стороны законодательной власти, которая, хотя и составлялась въ Польшѣ изъ представителей той же самой шляхты, но болѣе просвѣщенныхъ сравнительно съ массой. Для представителей законодательной власти являлась возможность произвести реформу, еслибы прогрессивная партія обладала въ этомъ вопросѣ серьезнымъ вліяніемъ въ странѣ. Отношеніе шляхты къ крестьянскому вопросу лучше всего можетъ выясниться для насъ въ законодательныхъ мѣрахъ, принятыхъ по отношенію къ нему сеймами и затѣмъ революціоннымъ правительствомъ Костюшки, и въ томъ впечатлѣніи, какое эти мѣры вызывали въ странѣ.

Впервые въ этомъ періодѣ поднятъ былъ крестьянскій вопросъ на сеймахъ подъ чужимъ, именно русскимъ, вліяніемъ. Въ 1768 году было сдѣлано на сеймѣ постановленіе, въ силу котораго у пановъ отнималось право жизни и смерти надъ ихъ хлопами и послѣдніе, въ случаѣ совершенія ими уголовнаго преступленія, должны быть отсылаемы въ общіе, земскіе или гродскіе суды; чтобы успокоить, однако, шляхту, къ этому было прибавлено обѣщаніе никогда не отнимать и не уменьшать остальныхъ ея правъ надъ крѣпостными ³⁾. Шляхтичъ,

¹⁾ См. конецъ первой главы.

²⁾ Сташицъ въ своемъ вышедшемъ въ 1790 году сочиненіи «Предостереженіе Польшѣ» говоритъ: «Я знаю хорошо, что теперь уже немного въ Польшѣ такихъ плохихъ пановъ, которые бы завидовали богатому крѣпостному и искали случая отнять у него то, что онъ собралъ себѣ тяжелымъ трудомъ и хорошимъ хозяйствомъ» (Dzieła Stanisława Staszica, 1816, t. I, Przestrogi dla Polski, s. 134), но онъ же чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ: «до сихъ поръ шляхта повторяетъ эти дикія слова: когда земледѣлецъ будетъ имѣть справедливость (т. е. судъ), шляхтичъ сдѣлается невольникомъ», тамже, s. 149—50.

³⁾ Вотъ это постановленіе: «*Całość dominii et proprietatis status szlacheckiego nad dobrami ziemskiem, dziedzicznemi, y ich poddauemi, wedlug praw*

убившій хлопа, не могъ уже отдѣлаться съ этихъ поръ платой головщины, но долженъ былъ наказываться смертью, какъ за убійство шляхтича; точно также за пораненіе или искалѣченіе хлопа шляхтичъ долженъ былъ отвѣчать предъ судомъ ¹⁾).

Эти постановленія, повторенныя въ 1775 году, имѣли несомнѣнно очень важное значеніе, выводя хлопа изъ того унижательнаго положенія, когда его можно было убить безнаказанно, какъ какой-нибудь скоть, и ограничивая до нѣкоторой степени произволь пановъ надъ своими крѣпостными, но наряду съ этимъ въ нихъ былъ и крупный недостатокъ, затруднявшій, а иногда и дѣлавшій совсѣмъ невозможнымъ ихъ прижѣненіе. Этотъ недостатокъ заключался въ томъ, что въ нихъ не была опредѣлена съ достаточною точностью судебная процедура, а такъ какъ крестьяне не имѣли права жаловаться на своихъ пановъ, то некому было начинать дѣла противъ шляхтича-убійцы. Недостатокъ этотъ нашель осужденіе еще въ тогдашней польской литературѣ ²⁾).

На сеймѣ 1773—5 года вновь былъ поднятъ крестьянскій вопросъ и, какъ можно догадываться, опять по настоянію Россіи. Маршалъ Понинскій внесъ въ делегацію, избранную сеймомъ для санкціи раздѣла и для установленія будущаго правленія Рѣчи Посполитой, проектъ, касавшійся крестьянъ, который поддерживался вообще сторонниками Россіи. Содержаніе этого проекта въ точности неизвѣстно и объ немъ можно судить только на основаніи рѣчи Понинскаго, въ которой онъ доказывалъ необходимость обезпеченія хлопамъ собственности

statutowych nigdy odeymowana ani zmniejszana być nie ma. Jus iednak vitae et necis poddanego w ręku dziedzica być nie ma, lecz gdy poddany krzywdzono popełni, do Sądu Ziemskiego, lub Grodzkiego, lub Miejskiego w miastach większych oddany być powinien». Volumina legum, S.-Petersburg, 1860, t. VII, s. 280.

¹⁾ Volumina legum, t. VII, s. 280—281. Последнее постановленіе относительно пораненія или искалѣченія гласить слѣдующее: «A co się ściaga do zranienia, skaleczenia lub ochronienia alias mutylacyi na którymkolwiek członku, tedy w takowych sprawach iak nayściślejsza sprawiedliwość dla ukrzywdzonych, roztropności y sumenney surowości Sędziow y Sądow in foris competentibus zostawie się, ażeby podobne występki, pro qualitate zadanych ran et conditione osob, ktorym zadane będą, sądzili i karali», s. 281.

²⁾ Объ этомъ говоритъ уже Выбицкій въ «Listach Patriotycznych» t. I, s. 313—17, и жалобы эти продолжались и во время 4-лѣтняго сейма; см. извлеченіе изъ брошюры «Głos poddaństwa» у Limanowskiego, Historia ruchu społecznego, s. 296.

и прекращенія притѣсненій, предлагая въ то же время строгое прикрѣпленіе хлоповъ къ землѣ, обусловленное возможностью для помѣщиковъ «хватать всякаго, идущаго безъ свидѣтельства». Проектъ этотъ, повидимому, далеко не принадлежавшій къ числу крайнихъ, не прошелъ, однако, въ делегации, несмотря на дѣятельную поддержку еп. виленскаго, Масальскаго; точно также не прошелъ и проектъ, поданный въ 1775 году воеводой гнѣзненскимъ Сулковскимъ и клонившійся также къ улучшенію быта крѣпостныхъ. Послѣдняго даже не захотѣли читать на сеймѣ, упорно не соглашавшемся на какія бы то ни было измѣненія въ пользу крестьянъ, хотя за послѣднихъ и говорили нѣкоторые послы, какъ, напр., Орачевскій ¹⁾. Не прошло и предложеніе Езерскаго, нашедшее сильную поддержку со стороны русскаго посла Штакельберга, чтобы каждый помѣщикъ могъ освобождать своихъ крѣпостныхъ ²⁾. Такимъ образомъ на этомъ сеймѣ были только подтверждены постановленія 1768 года ³⁾ и не только не было сдѣлано ничего новаго въ пользу крестьянъ, но и въ яркомъ свѣтѣ выступило нежеланіе шляхты дѣлать что бы то ни было въ этомъ отношеніи: въ самомъ дѣлѣ, даже вліяніе Россіи, безъ всякаго сопротивленія проводившей свои планы во всемъ другомъ, здѣсь оказалось бессильнымъ.

Вновь выступило крестьянское дѣло на сеймѣ 1780 года, благодаря Андрею Замоискому. Послѣднему въ 1776 году поручено было сеймомъ составить собраніе законовъ ⁴⁾. Бывшій канцлеръ усердно взялся за это дѣло, въ которомъ его ближайшимъ помощникомъ былъ извѣстный уже намъ Іосифъ Выбицкій. Кромѣ того, ему помогали въ работѣ литовскій подканцлеръ Хребтовичъ, епископъ плоцкій Шембекъ и юристы Грохольскій и Венгжецкій. Весьма вѣроятно также, что онъ пользовался и совѣтами жившаго въ это время въ его домѣ въ качествѣ учителя его дѣтей Стапица. Замоискій, извѣстный по своему доброжелательству къ крестьянамъ, не могъ, составляя кодексъ законовъ, оставить ихъ въ томъ же печальномъ положеніи, въ какомъ они находились, и попытался произвести реформу въ этомъ отношеніи, но, нужно сознаться,

¹⁾ См. рѣчь его у Костомарова, I. с., т. I, с. 151.

²⁾ Korzon, I. с., с. 386—7.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ Volumina legum, t. VIII s. 543.

очень осторожно. Основные черты проектированнаго имъ «устава о хлопахъ» заключались въ слѣдующемъ: личную свободу получали всѣ сыновья крестьянина, кромѣ перваго и третьяго, обязанныхъ оставаться на помѣщичьей землѣ; остальные могли быть отданы отцомъ въ городъ для образованія или обученія ремесламъ, даже безъ позволенія пана ¹⁾. Всѣ же другіе крестьяне, взявшіе землю отъ помѣщика безъ контракта, воспользовавшіеся вспоможеніемъ отъ двора и отработывавшіе для него панщину, не могли уйти съ земли, за исключеніемъ того случая, когда панъ давалъ имъ письменное увольненіе за своей печатью. Всякій, отнявшій свободу у крестьянина, получившаго такое увольненіе, наказывался пеней въ 300 злотыхъ. Крестьянинъ, бѣжавшій изъ деревни, могъ розыскиваться втеченіе года, но если онъ бралъ съ собою инвентарь, то этотъ срокъ продолжался на 4 года, наконецъ, самый инвентарь могъ быть розыскиваемъ и по истеченіи этого срока, до 10 лѣтъ. Отецъ можетъ выдавать дочерей замужъ, даже въ другую деревню; еслибы панъ воспротивился браку и дѣвушка ушла изъ деревни, она также пользуется годовою давностію, но притомъ, если она будетъ возвращена пану и ранѣе года уже замужнею, это замужество все-таки сохраняетъ свою силу. Относительно единственной дочери сдѣлано было, впрочемъ, исключеніе: она могла быть розыскиваема и послѣ года, и мужъ ея, если онъ былъ хлопомъ, долженъ былъ принять хозяйство послѣ тестя, если же былъ свободнымъ человѣкомъ, то ему предоставлялось на выборъ: или сѣсть на землю, или поставить на свое мѣсто другаго. Это постановленіе сохраняло свою силу и въ томъ случаѣ, если мужъ ея былъ хлопомъ чужаго имѣнія ²⁾. Въ экономическомъ отношеніи Замойскій дѣлилъ крестьянъ на два разряда: свободныхъ и несвободныхъ. Къ первымъ принадлежатъ тѣ, которые поселяются на землѣ, заключивъ договоръ съ ея владѣльцемъ, и не берутъ отъ послѣдняго ничего, кромѣ земли. Они могутъ уйти, когда кончится срокъ ихъ договора, не признаютъ надъ собой ничего суда, кромѣ гродскаго, съ апелляціей въ земскій, но въ полицейскомъ отношеніи должны подчиняться помѣщикамъ. Наконецъ, они могутъ пріобрѣтать землю на ленномъ, или, скорѣе,

1) Maciejowski, *Historya włościan w Polsce*, Warszawa, 1874, s. 206.

2) Maciejowski, *l. c.*, s. 204, 205.

эмфитевтическомъ правѣ¹⁾. Второй разрядъ крестьянъ—крестьяне несвободные—составлялся изъ тѣхъ, которые взяли отъ помѣщика землю безъ договора и вдобавокъ пользовались скотомъ и другими вспоможеніями отъ двора. Они, какъ мы уже видѣли, не могли покинуть землю безъ согласія помѣщика, но, въ случаѣ притѣсненій съ его стороны, могли позвать его въ судъ, гдѣ интересы крестьянъ представлялъ особый чиновникъ, инстигаторъ, обязанный защищать ихъ. Безъ вѣдома помѣщика такіе хлопы не могутъ ни заключать долговъ, ни отказывать кому-либо свое имущество по завѣщанію²⁾. Выморочное наследство послѣ хлопа того или другаго разряда доставалось его пану. Наконецъ, во всякомъ приходѣ должна быть школа, въ которую ходили бы сыновья и дочери крестьянъ³⁾.

Несмотря на то, что въ этомъ проектѣ крестьянамъ было предоставлено очень мало правъ, уже самый слухъ о заключающихся въ немъ льготахъ для крестьянъ взволновалъ шляхту. Проектъ еще не былъ представленъ королю, а уже среди шляхты волненіе достигало крайней степени и на сеймикахъ, собравшихся предъ сеймомъ 1778 года, на которомъ ожидали внесенія проекта Замоискаго, въ инструкціи посламъ включалось наставленіе «мужественно стоять» за шляхетскую вольность. Такъ, въ инструкціи посламъ отъ брестъ-куявскаго и иноврацлавскаго воеводства былъ помѣщенъ слѣдующій пунктъ: «Такъ какъ освобожденіе или, скорѣе, разнузданіе (*rozwolnienie*) крѣпостныхъ есть извращеніе вѣками установленнаго порядка и грозитъ окончательнымъ обнищаніемъ шляхетскаго сословія и роковымъ нарушеніемъ общественной безопасности, такъ какъ появляются уже примѣры, какъ крѣпостные только по слуху объ этомъ проектѣ возмущаются противъ собственныхъ пановъ, то мы заклинаемъ и обязываемъ пановъ пословъ, чтобы они мужественно и смѣло возставали противъ этого проекта, а еслибы онъ прошелъ *ad officinam legum*, торжественно протестовали противъ него»⁴⁾.

¹⁾ Тамже, с. 207, 229.

²⁾ Тамже, с. 207, 208, 229.

³⁾ Тамже, с. 230, 212.

⁴⁾ Pawiński, Dzieje ziemi Kujawskiej oraz акта historyczne do nich służące, Warszawa, 1888, T. V, № 89, с. 307. Затѣмъ въ инструкціи слѣдуетъ предложеніе ограничить переходъ крѣпостныхъ. Ниже мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться, что масса шляхты стремилась къ цѣлямъ, совершенно дотиво-положнымъ освобожденію крестьянъ.

Самъ король находилъ, что предложенныя Замоискимъ реформы слишкомъ смѣлы и рановременны¹⁾, и, чтобы переждать волненіе, отложилъ представленіе проекта сейму до 1780 года. Предъ этимъ послѣднимъ онъ отправилъ Выбицкаго со своими личными рекомендаціями въ Великую Польшу съ тѣмъ, чтобы онъ агитировалъ на сеймикахъ въ пользу проекта Замоискаго и выступилъ въ качествѣ кандидата на посольскую должность въ Сродѣ. Но Выбицкому скоро пришлось убѣдиться въ неудачѣ своей миссіи. Шляхта повсюду кричала, что онъ съ Замоискимъ «хотѣли обратить ихъ въ хлопъ, а дочерей ихъ въ крестьянокъ (chłorjank)», а въ Сродѣ его даже предупредили, чтобы онъ не ходилъ въ костелъ, гдѣ должны были происходить выборы, такъ какъ шляхта питаетъ противъ него самыя враждебныя намѣренія. Выбицкій понялъ, что дѣло его окончательно проиграно, и выѣхалъ изъ Сроды, отрекаясь отъ кандидатуры. Когда затѣмъ открылся сеймъ 1780 года и внесенъ былъ на него проектъ Замоискаго, въ сеймовой залѣ поднялся такой шумъ, какъ будто въ ней «появилось какое чудовище». Защитникамъ проекта, которыхъ было, впрочемъ, немного, — между ними и племяннику короля, Станиславу Понятовскому, — не давали говорить, самый проектъ не былъ даже прочитанъ, а одна за другою предлагались резолюціи противъ него, одна другой рѣзче. Было даже предложено сжечь торжественно проектъ. Сторонникамъ Замоискаго приходилось думать уже не о томъ, чтобы провести его проектъ, но чтобы постановили менѣ оскорбительную для него резолюцію. Послѣ долгихъ преній она была, наконецъ, постановлена въ такой формѣ: «За работу, принятую надъ собраніемъ законовъ и составленіемъ законодательнаго проекта въ трехъ томахъ, объявляемъ ординату Андрею Замоискому, бывшему великому коронному канцлеру, должную благодарность, но такъ какъ въ этомъ собраніи мы не находимъ исполненія нашихъ намѣреній, выраженныхъ на сеймѣ 1776 г., то устранимъ навсегда это вышеупомянутое собраніе законовъ

¹⁾ Сташицъ говоритъ, что онъ видѣлъ экземпляръ проекта Замоискаго, на поляхъ котораго рукой самого короля были написаны различныя похвалы, но надъ закономъ о ивщанахъ и крѣпостныхъ нѣсколько разъ стояло: «слишкомъ рано, слишкомъ рано». «Скорѣй ужъ нужно было сказать, съ горечью прибавляетъ онъ, слишкомъ поздно, слишкомъ поздно» (Dzieła Stanisława Staszica, 1816, t. IV. Pochwała Andrzeja Zamojskiego, s. 43, примѣчаніе).

и постановляемъ, чтобы ни на одномъ сеймѣ оно не было воскрешаемо»¹⁾). Такъ печально окончилось это новое выступленіе крестьянскаго вопроса передъ сеймомъ. Представители шляхетскаго народа Рѣчи Посполитой не хотѣли даже слышать о какихъ бы то ни было льготахъ подчиненной имъ, безправной и безответной крѣпостной массы.

Но среди этихъ представителей уже не переставали появляться люди, хлопотавшіе именно за интересы этой массы, и вліяніе ихъ сказывалось порою и въ законодательствѣ. Та неполнота конституціи 1768 года, о которой сказано было выше, была исправлена до нѣкоторой степени на сеймѣ 1784 года, когда въ конституцію включено было постановленіе, что въ случаѣ убійства хлопа шляхтичемъ гроды обязаны призывать убійцу къ суду, а если не исполнять этого, имъ грозитъ денежная пеня и тюремное заключеніе²⁾). Это былъ уже безспорно шагъ впередъ, хотя и не особенно большой. Ошибка, заключавшаяся въ постановленіяхъ 1768 года и мѣшавшая ихъ выполнению на практикѣ, была слишкомъ явна для того, чтобы можно было препятствовать ея исправленію. Какъ бы то ни было, это послѣднее было совершено, хотя, повторяю, не въ полномъ видѣ: чтобы устранить окончательно возможность безнаказанности преступленій, слѣдовало предоставить хлопамъ право самимъ обращаться въ судъ съ жалобой, но до этого не дошла еще шляхта.

Нѣкоторая забота о крестьянахъ видна и въ постановленіи сеймика Сѣрадзскаго воеводства въ 1786 г. не отдавать въ аренду евреямъ имѣній и шинковъ. Нужно думать, однако, что на практикѣ это постановленіе исполнялось не особенно усердно, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году сеймикъ угрожалъ тому, кто сталъ бы противиться его рѣшенію, штрафомъ въ 300 гривенъ и тюремнымъ заключеніемъ втеченіе 6 недѣль³⁾). Но эти рѣшенія Сѣрадзскаго сеймика составляютъ едва-ли не единственный примѣръ заботы шляхты о положеніи крестьянъ

¹⁾ Volumina legum, t. VIII, s. 588—9.

²⁾ Volumina legum, t. VIII.

³⁾ См. брошюру Uwagi praktyczne въ русскомъ переводѣ, Слав. Сб. т. III, отд. 3, стр. 75.

за 4 года, прошедшіе отъ сейма 1784 г. до начала четырехлѣтняго сейма въ 1788 году ¹⁾).

На этомъ послѣднемъ крестьянскій вопросъ, въ той или другой формѣ, уже чаще выступаетъ на сцену. Въ первый разъ это имѣло мѣсто, когда шла рѣчь о раскладкѣ временной подымной подати (*podymne protupkowe*): по предложенію Нѣмцевича сеймъ объявилъ, что подать эта наложена на помѣщичьи дворы, но не на крестьянъ ²⁾. Но если мы видѣли выше, что шляхта не исполняла рѣшеній, постановленныхъ ею же самою, а не представителями ея, на сеймикахъ, и притомъ гораздо менѣе задѣвавшихъ ея интересы, то трудно будетъ предположить, чтобы это постановленіе сейма встрѣтило со стороны шляхты полную готовность повиноваться ему. И дѣйствительно, уже черезъ 2 мѣсяца сейму было донесено, что какой-то помѣщикъ разложилъ эту подать на своихъ крестьянъ. Ораторы прогрессивной партіи, посоль гнѣзненскій Рожновскій, Адамъ Чарторыйскій и Казиміръ Сапѣга, требовали наказанія за подобныя дѣйствія, но на это сеймъ не пошелъ и требованіе было отвергнуто. Пренія по этому вопросу возобновились съ большою горячностью въ засѣданіи 13 апрѣля 1790 г., когда прочитаны были передъ сеймомъ донесенія суперъ-интендента Украинской провинціи и Гражданско-Военной Коммиссіи Каменецкаго повѣта о раскладкѣ помѣщичьими дворами временной подати на хлоповъ и объ усиливающейся благодаря этому эмиграціи послѣднихъ. Консервативная партія пыталась замѣять это обвиненіе, называя его клеветой, но попытка эта не удалась. Чацкій требовалъ, въ видѣ наказанія для подобныхъ помѣщиковъ, наложить на нихъ учетверенную подать, Нѣмцевичъ также желалъ наказанія виновныхъ, а посоль подольскій, Морскій, оправдывая помѣщиковъ, сваливалъ всю вину на арендаторовъ и совѣтовалъ поручить Гражданско-Военнымъ Коммиссіямъ смотрѣть за ними. Кромѣ того, этотъ случай далъ поводъ доброжелателямъ крестьянъ выступить и съ другими жалобами. Публиккій, посоль инфлянтскій,

¹⁾ По свидѣтельству Охоцкаго, на брацлавскомъ сеймикѣ сдѣланы были заявленія въ инструкціи посламъ объ улучшеніи участи хлоповъ, подъ влияніемъ Щенснаго Потоцкаго, см. у Костомарова, I, с. 1, 236 и v. Brüggem, I, с., s. 231. Это, однако, единственный подобный случай, который мы знаемъ.

²⁾ См. *Głos Niemcewicza* на sessyi seymowej 9 Stycznia, изд. отдѣльно.

представилъ сейму жалобу крестьянъ им. Столовичъ на ихъ поссессора и требовалъ резолюціи на другую, поданную уже ранѣе, жалобу голендровъ им. Свиныры на Богуслава Стоковскаго, бравшаго съ каждой семьи по дукату дани, неправильно гонявшаго ихъ на дорожныя повинности и т. д. Подобную же жалобу крестьянъ бывшаго іезуитскаго имѣнія Погаты на поссессора Кавецкаго представилъ Казиміръ Сапѣга. Наконецъ, еп. познанскій Окенцкій предложилъ, чтобы въ случаѣ неуплаты податей военныя экзекуціи направлялись въ помѣщичьи дворы, а не къ хлопамъ. Консервативная партія, главнымъ ораторомъ которой выступилъ Зелинскій, возражала противъ принятія сеймомъ хлоповъ подъ свою защиту отъ ихъ пановъ, указывая въ подтвержденіе на примѣръ Галиціи, гдѣ «поблажка, данная хлопамъ правительственной политикой, довела ихъ до такой разнузданности, что они не хотѣли знать ни малѣйшаго послушанія начальству, къ собственнымъ панамъ относились съ враждой и непріязнью, и не хотѣли ни знать, ни отбывать никакой работы». Несмотря на горячія рѣчи защитниковъ крестьянъ, постановленіе сейма опять носило на себѣ печать нерѣшительности. Онъ поручилъ только своимъ маршаламъ «частными письмами разослать въ Гражданско-Военныя Коммиссіи приказаніе не допускать злоупотребленій и угнетеній» ¹⁾. Такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ сеймъ не рѣшился прямо выступить на защиту крестьянъ противъ помѣщиковъ, нарушавшихъ его собственное постановленіе; это зависѣло отъ того, что въ самомъ сеймѣ большинство не могло допустить еще и мысли о возможности опеки и защиты закона для хлопа противъ его собственнаго пана.

Нѣсколько доброжелательнѣе отнесся сеймъ къ крестьянамъ во время преній объ организаціи войска. Пинскій посолъ Бутримовичъ замѣтилъ, между прочимъ, что наборъ рекрутовъ въ войско плохо идетъ благодаря произволу пановъ, налагающихъ на своихъ хлоповъ столько податей, сколько имъ вадумается. Замѣчаніе это осталось безъ дѣйствія, но когда вслѣдъ затѣмъ Краснодембскій предложилъ, чтобы крестьянинъ, прослу-

¹⁾ См. Korzon, I. c., s. 423, 426—7. Сеймоваго дневника за 1789 г. въ И. П. Библ. не имѣется, почему я и долженъ ссылаться въ этомъ случаѣ на Корзона.

жившій въ войскѣ 8 лѣтъ, былъ освобождаемъ отъ крѣпостной зависимости и получалъ сверхъ того пособіе отъ правительства, предложеніе это было принято сеймовымъ большинствомъ, съ измѣненіемъ только 8-лѣтняго срока службы на 12-лѣтній ¹⁾). Можно думать однако, что согласіе на этотъ шагъ вынудило у сейма не столько сознание необходимости улучшить судьбу крестьянъ, сколько печальное состояніе войска. Подобными расчетами не можетъ быть объяснено другое постановленіе сейма, клонившееся къ обезпеченію участи крестьянъ въ староствахъ Бѣлоцерковскомъ, Богуславскомъ, Каневскомъ и Хмѣльницкомъ, принадлежавшихъ первоначально королю, а теперь переходившихъ отъ него къ брату его и Браницкому. По предложенію Стройновскаго, въ конституціи, опредѣлявшей доходы, которые должны были идти съ этихъ староствъ въ казну, были прибавлены слова: «свободу обезпечиваемъ, судъ устанавливаемъ для мѣщанъ въ Ассессоріи, для хлоповъ въ Референдаріи» ²⁾). Въ силу этого рѣшенія крестьяне названныхъ староствъ оставались въ томъ же состояніи, въ какомъ они были, пока эти имѣнія принадлежали непосредственно королю, и для нихъ устранялась невыгода перехода въ частное владѣніе.

Но если такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ сейма за 1789 и 1790 гг. проглядываетъ какъ бы сочувствіе къ крестьянамъ и сознание тяжести ихъ положенія, то совершенно другою является роль сейма въ громкомъ и печальномъ дѣлѣ украинскаго бунта 1789 года. Это дѣло, въ которомъ, кромѣ вѣроисповѣдныхъ и сословныхъ интересовъ, были вмѣшаны чисто политическія интриги нѣкоторыхъ польскихъ пановъ, представляетъ грустный образчикъ произвола шляхты надъ русскимъ народомъ Украины. Мы видѣли выше, что положеніе крестьянъ въ ней было едва-ли не тяжелѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Польши, такъ какъ къ экономическому утѣсненію здѣсь, благодаря различію религіи высшаго и низшаго классовъ народа, присоединялось угнетеніе чисто религіознаго характера. Украинскому народу силой навязывали ненавистную ему унию, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Страшный фактъ сожженія живымъ кре-

¹⁾ Korzou, I. c., I, 424.

²⁾ Тамже, 425.

стьянина Данила Кушнира одинъ представлялъ бы уже достаточное доказательство этому, но болѣе мелкихъ фактовъ угнетенія православныхъ можно бы привести множество. Наряду съ этимъ произволъ помѣщиковъ и тѣмъ болѣе ихъ управляющихъ и посессоровъ въ поборакъ съ крестьянъ, по свидѣтельству самихъ современниковъ-поляковъ ¹⁾, доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Но, угнетая и тѣсня всячески южно-русскій народъ, оскорбляя на каждомъ шагу его религиозное чувство, поляки вмѣстѣ съ тѣмъ не могли забыть, что если гдѣ, то именно въ Украинѣ они должны бояться народа, уже столько разъ силившася скинуть съ себя тяготившее его ярмо. Поэтому, когда въ 1785 году назначенъ былъ въ Польшу православный епископъ, Викторъ Садковскій, среди католическаго и униатскаго духовенства поднялась сильная тревога, несмотря на то, что Садковскій вовсе не помышлялъ о насильственномъ возвращеніи православію прежняго его значенія, а напротивъ старался по возможности сойтись съ униатами и съ польскими панами ²⁾. Хотя всѣ дѣйствія Садковскаго по отношенію къ Польшѣ носили мирный характеръ и для соблюденія хорошихъ отношеній къ полякамъ и униатамъ онъ позволялъ даже себѣ жестокія дѣйствія по отношенію къ православному клиру ³⁾, тревога эта не уменьшалась и нельзя сказать, чтобы она была вполнѣ неосновательна: вскорѣ послѣ назначенія Виктора въ Украинѣ началось сильное стремленіе среди обращеннаго въ унию народа къ воссоединенію съ православіемъ; въ короткое время болѣе двухсотъ приходоу приняло православіе и, такъ какъ это произошло вскорѣ послѣ объѣзда Украины Садковскимъ, то не трудно увидѣть связь между этими фактами. Конечно, самъ по себѣ Садковскій не могъ произвести такого движенія; причины его лежали въ сознаніи самого народа, въ глубокой ненависти къ насильственно навязанной ему униі, но назначеніе Россіей православнаго епископа въ Польшу могло ободрить южно-русскій народъ и дать ему вѣру въ покровительство Россіи. Въ такомъ положеніи находились дѣла Украины предъ четырехлѣтнимъ сеймомъ. Когда

¹⁾ Buntj Ukrainskie, Makulskiego, 1790 roku.

²⁾ Кояловичъ, Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ времени. Спб., 1873, стр. 282—3, 293—307.

³⁾ Тамже, стр. 290—291.

на этомъ послѣднемъ вспыхнула сильная борьба партій, предводитель одной изъ нихъ, гетманъ Браницкій, рѣшилъ воспользоваться такимъ положеніемъ и произвести въ странѣ замѣшательство, во время котораго онъ могъ бы захватить въ свои руки власть, ускользавшую отъ него на сеймѣ. Уже въ концѣ 1788 года одинъ изъ начальниковъ расположеннаго на Украинѣ польскаго войска, генераль Любовидскій, прислалъ донесеніе, что между крестьянами готовится бунтъ ¹⁾. Въ началѣ слѣдующаго года, на засѣданіи сейма 3 февраля, Курдвановскій, одинъ изъ ближайшихъ сторонниковъ Браницкаго, заявилъ, что онъ самъ, будучи на Волыни, узналъ, что православные попы собираютъ сходки крестьянъ въ уединенныхъ хуторахъ, монастыряхъ и по лѣсамъ и убѣждаютъ ихъ рѣзать поляковъ. Въ предупрежденіе возстанія онъ совѣтовалъ перевести такъ называемыхъ городскихъ козаковъ въ глубь Польши, а на Украину двинуть все польское войско, совѣтъ, который, въ случаѣ его исполненія, по вѣрному замѣчанію короля, несомнѣнно вызвалъ бы бунтъ. Предложеніе это было однако отвергнуто ²⁾. Въ то время, какъ сторонники гетмана распускали подобныя заявленія, Щенскій Потоцкій, отправившійся на Украину, чтобы убѣдиться на мѣстѣ, справедливы ли слухи о бунтахъ, писалъ оттуда, что ни о какомъ бунтѣ не можетъ быть и рѣчи ³⁾. Но волненіе, вызванное предыдущими извѣстіями, было уже такъ сильно, что мало находилось людей, которые бы вѣрили словамъ Щенскаго. Вѣсти, одна другой удивительнѣе, приходили въ Варшаву. Такъ, доносили, что въ предѣлы Польши вошелъ русскій полкъ Сталя съ 140 возами оружія и 50 православными попами, съ цѣлью возбуждать крестьянъ. По поводу этого извѣстія Стройновскій предложилъ собрать посполитое рушеніе шляхты противъ хлоповъ, но сеймъ былъ еще не настолько ослѣпленъ, чтобы не увидѣть, что за этимъ кроется нѣчто другое, и отклонилъ предложеніе. За то принято было предложеніе Станислава Потоцкаго издать

¹⁾ Kalinka, Sejm czteroletni, t. I, s. 336.

²⁾ Тамже, s. 338. Здѣсь помѣщено между прочимъ, письмо короля по этому поводу, который говоритъ: «Намѣреніе Браницкаго не что иное, какъ зажечь такимъ образомъ огонь, произвести смуту въ странѣ и поставить себя подъ видомъ опасной домашней войны во главѣ войска, а затѣмъ... ловить рыбу въ мутной водѣ». Интересно въ этомъ письмѣ сознаніе короля, что «народная кавалерія жестока и безчеловѣчна къ тамошнему (украинскому) хлопству». Тамже, s. 339.

³⁾ См. его письма тамже, s. 340, 362.

универсаль, обращенный исключительно къ шляхтѣ русскихъ воеводствъ, «чтобы обыватели смотрѣли за своими крѣпостными и отбирали у нихъ оружіе, если найдутъ таковое» ¹⁾. Черезъ нѣсколько времени принятъ былъ проектъ того же Потоцкаго, по которому комиссіямъ, учрежденнымъ въ четырехъ украинскихъ воеводствахъ для продажи провіанта русскимъ войскамъ изъ мѣстной шляхты, придавалась полицейская власть и онѣ получали названіе порядковыхъ комиссій ²⁾. Прошло нѣсколько времени и хотя слухи о готовящемся возстаніи продолжались ³⁾, но такъ какъ они не находили никакого подтвержденія, то шляхта начала уже было успокоиваться, когда одно, случайное въ сущности событіе, вновь отняло у нея присутствіе духа. Въ селѣ Невѣрковѣ, на Волини, зарѣзали помѣщика Вылежинскаго и всю его семью, зарѣзали, какъ оказалось потомъ, разбойники изъ-за денегъ. При тогдашнемъ настроеніи шляхты это убійство произвело однако страшный переполохъ, такъ какъ въ немъ увидѣли начало хлопскаго бунта. Испуганная шляхта толпами кинулась изъ селъ въ города, спасаясь отъ воображаемой мести хлоповъ ⁴⁾. Не замедлили послѣдовать и другія происшествія, еще болѣе убѣдившія ее въ существованіи опасности, хотя при болѣе спокойномъ настроеніи эти самыя происшествія должны бы скорѣе доказать противное. Въ имѣніи помѣщицы Прушинской толпа деревенскихъ парней на канунъ Рождества пришла колядовать подъ окна господскаго дома. Помѣщица, почему-то недовольная этимъ, приказала разогнать ихъ палками. Одинъ изъ побитыхъ парней вымолвилъ: «какая недобрая наша пани! Надобно на нее Гонтиня сына, чтобъ научилъ ее по-людски обращаться съ людьми!» Слово этихъ, переданныхъ помѣщицѣ, было достаточно для того, чтобы послѣдняя забила въ колодки

¹⁾ Тамже, с. 346, 347.

²⁾ Тамже, с. 349.

³⁾ Въ концѣ марта прислано было сейму воззваніе изъ Житомира, подписанное 60-ю обывателями и говорившее о приготовленіяхъ хлоповъ къ бунту; оно не произвело однако особаго дѣйствія, а король писалъ: «Я почти увѣренъ, что образецъ этого письма былъ посланъ Кіевлянамъ изъ Варшавы», тамже, с. 363.

⁴⁾ Widok przemosy na słaбą niewinność srogo wywartéj. Историческіи Записки Феодосія Бродовича, часть I, второе изданіе, Львовъ, 1861. с. 12—13.

нѣсколько десятковъ крестьянъ и отправила ихъ въ Дубно, въ порядковую комиссію, присвоившую себѣ судебную власть. Нѣкоторымъ изъ этихъ крестьянъ были, по приговору комиссіи, отрублены головы, другихъ повѣсили, третьихъ сбѣкли до полусмерти и затѣмъ отправили обратно ¹⁾. Подобная же исторія, но погораздо болѣе худшимъ побужденіямъ, повторилась въ лудкомъ повѣтѣ. Нѣкто Вильчинскій, посессоръ имѣнія князя Воронежскаго, сильно угнеталъ крестьянъ. Послѣдніе жаловались помѣщику, но не получили отъ него ничего, кромѣ обѣщаній помощи. Теперь Вильчинскій воспользовался возможностью отомстить жалобщикамъ и обвинилъ ихъ въ намѣреніи произвести бунтъ, ссылаясь въ доказательство на то, что у нихъ имѣется огнестрѣльное оружіе. Лудская комиссія въ которую онъ доставилъ крестьянъ, постановила приговоръ, «что если помѣщикъ или посессоръ, представляющій какогонибудь возмутителя, подтвердить истину своего обвиненія противъ него присягой, послѣ этой присяги слѣдствіе должно быть признано достаточнымъ и обвиняемый понесетъ наказаніе за свое преступленіе» ²⁾. Вильчинскій присягнулъ и несчастные хлопы сдѣлались жертвой его мести: одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ, другой—восьмидесятилѣтній старикъ—умеръ въ тюрьмѣ, не вынеся мученій пытки, а остальные были отправлены домой, причемъ въ каждомъ встрѣчномъ селеніи они должны были получить по сту палочныхъ ударовъ ³⁾. На шляхту напалъ просто паническій страхъ: многіе бѣжали даже изъ Польши за границу. По Украинѣ разносились все болѣе тревожные слухи: говорили, что московскіе извозчики и маркитанты (markietany—офени) въ небываломъ количествѣ появились въ странѣ и подговариваютъ отъ имени русской царицы поповъ, а тѣ хлоповъ вырѣзать ляховъ. Дѣйствительно, по Украинѣ теперь, какъ и ранѣе, разѣзжало довольно большое

¹⁾ Widok przemocy, s. 20.

²⁾ Приводя этотъ приговоръ, Kalinka (I. c., s. 370) замѣчаетъ: «Такимъ образомъ обвинитель одинъ въ своемъ лицѣ совмѣщалъ всѣхъ свидѣтелей въ требуемомъ закономъ числѣ; его обвиненіе было уже доказательствомъ, а слѣдовательно и приговоромъ».

³⁾ Widok przemocy, s. 21—22. Такихъ селеній было 10, да въ Лудкѣ они получили по 100 ударовъ, всего по 1100; тамже, s. 22, пр. 2.

⁴⁾ См. письмо Стемпковскаго у Kalinki, I. c., s. 365.

количество русских мелких торговцев, продававших различные необходимые в хозяйствѣ вещи, между прочимъ и ножи. Последнее обстоятельство подало поводъ къ слуху, что они раздаютъ народу оружіе по порученію Екатерины, а такъ какъ они, для большей безопасности своего товара, чаще всего останавливались на ночлегъ у священниковъ, то отсюда шляхта заключила, что православные священники готовы помогать маркитантамъ въ ихъ пагубномъ замыслѣ. Началось преслѣдованіе духовенства ¹⁾. По ничтожнымъ оговорамъ комиссіи приказывали арестовывать и сажать въ тюрьму деревенскихъ поповъ и дьячковъ. Нашелся среди нихъ одинъ, Лукаевичъ, не устоявшій предъ угрозами и обѣщаніями и рѣшившійся ради собственнаго спасенія обвинить другихъ. Онъ объявилъ, что у него былъ русскій маркитантъ, подговаривалъ его возбуждать къ бунту крестьянъ и показывалъ какую-то грамоту, прочесть которой онъ не могъ; разобралъ только буквы на подписи: «Екат...». Это нелѣпое заявленіе окончательно убѣдило комиссію въ томъ, что она напала на слѣды заговора. Указанный Лукаевичемъ маркитантъ былъ отысканъ, схваченъ и приговоренъ къ смерти, несмотря на то, что никакихъ бумагъ, кромѣ паспорта, при немъ не нашли. Онъ шелъ на висѣлицу, повторяя: «Напрасно гину», и съ этими словами и умеръ ²⁾. После этого тиранство надъ хлопами еще болѣе усилилось. Цѣлыми громадами брали ихъ въ города по доносу эконома, помещика или самого помѣщика, и здѣсь нещадно наказывали. «Ихъ очищали—говоритъ современникъ—лозами отъ мятежническаго задора, чаще всего безвинно; трудно представить себѣ всѣ эти мучительства надъ крестьянами и нужно только желать, чтобы такое поведеніе не довело хлоповъ до послѣдняго отчаянія» ³⁾. Шляхта употребляла всѣ усилія, чтобы навести на хлоповъ страхъ, неудержимо овладѣвавшей ею самою. «Отъ самаго Владиміра—пишетъ Стемковскій королю—всѣ мѣстечки

¹⁾ Widok przemocy, s. 11, 23—24.

²⁾ Тамже, s. 24—27, 29—31. Комиссаръ Аксакъ, уговорившій Лукаевича сдѣлать такое показаніе, впоследствии, по свидѣтельству Бродовича, самъ рассказывалъ объ этомъ, тамже, s. 26, прим. 4. Шпендовскій, пріоръ лужскихъ базилианъ, упрекалъ Лукаевича въ ложной присягѣ, а собственный коляторъ послѣдняго, Манецкій, не хотѣлъ видѣть его въ своей деревнѣ, см. Kalinka, Sejm czteroletni, t. I, s. 372.

³⁾ Тамже, s. 376.

и деревни полны висѣлицъ и различныхъ орудій» ¹⁾. Въ ожиданіи бунта обыватели учредили по городамъ милицію изъ одной шляхты; фанатизмъ и страхъ разыгрались до того, что въ каждомъ русскомъ, будь онъ униатъ или православный, видѣли измѣнника и бунтовщика. Только одинъ Щенный на Украинѣ не вѣрилъ бунтамъ и настойчиво увѣрялъ, что шляхта боится «собственной тѣни» ²⁾. Въ Варшавѣ также не всѣ довѣряли слухамъ, но громадное большинство настолько прониклось увѣренностью въ нихъ, что не хотѣло и слышать ничего противнаго: Щенный, оскорбленный недовѣріемъ сейма, оставилъ должность генерала артиллеріи, которую онъ занималъ до сихъ поръ, и поселился въ своихъ имѣніяхъ, чтобы защищать по крайней мѣрѣ своихъ крестьянъ отъ притѣсненій ³⁾. Поляки почему-то прониклись убѣжденіемъ, что рѣзня начнется въ великую субботу, хотѣли запретить исповѣдь хлопамъ, въ убѣжденіи, что на исповѣди попы подговариваютъ крестьянъ, но, узнавъ, что исповѣдь уже отбыта, ограничились запрещеніемъ служить заутреню въ великую субботу. Милиція была наготовѣ, выѣзжала за города искать хлопскія ополченія подъ предводительствомъ русскихъ маркитантовъ и, ничего не найдя, возвращалась назадъ. Когда русскій праздникъ Пасхи прошелъ спокойно, стали ожидать рѣзни на польскій праздникъ, но и тотъ миновалъ спокойно. Это, однако, не совсѣмъ еще отрезвило шляхту и бунта продолжали ожидать ⁴⁾.

Въ то время, какъ это творилось въ провинціи, на Волыни, на сеймѣ также господствовало великое безпокойство. Многіе послы были искренно убѣждены, что русская царица съ помощью своихъ извозчиковъ и маркитантовъ, продающихъ ножи, намѣрена поднять возстаніе хлоповъ и вырѣзать польскую шляхту, другіе—партія Браницкаго—продолжали делѣять надежду, что имъ удастся воспользоваться для своей цѣли начавшимися смутами и потому усердно поддерживали слухи о бунтѣ ⁵⁾. Несмотря однако на это, злоупотребленія порядко-

¹⁾ Kalinka, Sejm czteroletni, t. I, s. 376.

²⁾ См. его письмо тамже, s. 378.

³⁾ Тамже, s. 342.

⁴⁾ Widok przemocy, s. 34—35.

⁵⁾ Браницкій составилъ планъ образовать конфедерацію въ провинціи, какъ бы для противодѣйствія бунтамъ, но суровое порицаніе Малаховскаго остановило его, см. Kalinka, I. c., s. 367 и прим. 1.

выхъ комиссій были такъ велики, что сеймъ запретилъ имъ долге пользоваться судебною властью, не наказывая, однако, за незаконное присвоеніе ея. Дѣла обвиняемыхъ въ бунтахъ должны были впредь разбираться въ гродскихъ судахъ, а за комиссіей оставалась только полицейская власть ¹⁾. Это распоряженіе, уменьшивъ до нѣкоторой степени произволь, не особенно улучшило однако положеніе русскихъ крестьянъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго письма короля: «Маршалъ (Малаховскій) сожалѣетъ, что такъ много дѣлается непристойностей въ гродскихъ судахъ, такъ какъ по всякому обвиненію бьютъ и сбьютъ розгами почти cadaго обвиняемаго, и тѣ изъ нихъ, которые не признаются, терпятъ мученичество, часто невинно, а между тѣми, которые отъ боли признаются, многіе, конечно, не виноваты, а однако идутъ на смерть. Такіе поступки противны закону, уничтожившему у насъ пытки, и это не мало мучить мою душу» ²⁾. Вскорѣ сеймъ получилъ донось на Виктора Садковскаго, что онъ возбуждаетъ народъ къ бунту и приводитъ подвластныхъ ему православныхъ священниковъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ. Сеймъ приказалъ арестовать Садковскаго. Онъ былъ схваченъ, привезенъ сперва въ Несвижъ, откуда издалъ 25 апрѣля окружное посланіе къ своей паствѣ, въ которомъ приказывалъ ей быть вѣрной панамъ и не противиться имъ ни дѣломъ, ни даже словомъ, а всякаго духовнаго, который бы осмѣлился подговаривать народъ къ бунту, предавалъ проклятію; затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Варшаву и тамъ подвергнутъ строгому заключенію, въ которомъ находился до 12 іюня 1792 года ³⁾. Еще ранѣе ареста Садковскаго сеймъ издалъ универсалъ, ко-

¹⁾ Widok przemocy, s. 31. Это запрещеніе не помѣшало однако казнить того русскаго офеню, о которомъ шла выше рѣчь. Оно спасло на время другаго обвиняемаго, нѣкаго попа Бендеровскаго, но раздраженіе противъ него было слишкомъ сильно: несмотря на отсутствіе всякихъ уликъ, кромѣ словъ двухъ хлоповъ, которые были обвинены вмѣстѣ съ нимъ и которымъ обѣщали прощеніе, если они сознаются и покажутъ на священника, гродскій судъ осудилъ его на смерть. Отъ униатскаго епископа почти силой вытребовали наложеніе Бендеровскаго и повѣсили его. Такъ какъ ждали отъ сейма запрещенія этой казни, то не впускали почты въ Луцкъ до ея совершения. Фанатизмъ доходилъ до того, что дамы собирали процессію съ цѣлью совершения казни въ случаѣ отказа епископа, Widok przemocy, s. 41—8.

²⁾ См. Kalinka. I. с., s. 379.

³⁾ Кояловичъ, I. с., с. 329—330.

торымъ приказывалъ все́мъ русскимъ подданнымъ, маркитантамъ, извоицамъ и филипонамъ втеченіе двухъ недѣль оставить предѣлы Польши, а православнымъ священникамъ принести присягу на вѣрность Рѣчи Посполитой. Последнее постановленіе подало поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ духовенства, въ которыхъ особенно отличился нѣкій шляхтичъ Моравскій, собственной властью наказывавшій и даже осуждавшій на смерть крестьянъ и поповъ ¹⁾. Между тѣмъ въ Варшаву не переставали приходиться чудовищные слухи: присланъ былъ даже списокъ 370-ти заговорщиковъ, въ которомъ многіе были названы даже по именамъ съ указаніемъ, сколько взято каждымъ изъ нихъ денегъ отъ Россіи. Посоль пинскій Бутримовичъ доносилъ сейму, что на его родинѣ хлопы, возбуждаемые попами и маркитантами, также готовятся къ рѣзнѣ. Стремясь открыть слѣды бунта, сеймъ принялъ предложеніе Суходольскаго прощать сознающихся и указывающихъ на своихъ возмутителей обвиняемыхъ. Это постановленіе усилило еще болѣе доносы, и безъ того уже распространившіеся. Чтобы спасти себя, схваченные сознавались въ небывалой винѣ и оговаривали другихъ. Такъ, много народу было взято по наговору священника Глодовскаго и еще болѣе по наговору нѣкоего Кирилла Пундика, приговореннаго къ наказанію за воровство и стремившагося спасти себя, обвиняя другихъ въ приготовленіяхъ къ бунту. Обвиненные содержались въ смрадныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, закованные въ колоды; пищу давали имъ самую плохую, и, благодаря плохому помѣщенію и питанію, многіе изъ нихъ заболѣвали и умирали. Доносы, аресты и казни еще продолжались, но уже страхъ шляхты началъ мало-по-малу ослабѣвать: многіе перестали присылать провіантъ членамъ порядковыхъ комиссій, а нѣкоторые отказывались даже выдавать своихъ хлоповъ, на которыхъ падало обвиненіе ²⁾. Въ Луцкѣ сами члены комиссій старались поддерживать слухи о бунтахъ, опасаясь лишиться своихъ выгодныхъ мѣстъ: съ этой цѣлью, когда прошла и Пасха, и Ѳоминая недѣля, а бунта не было, срокомъ его назначали Преполовеніе, Вознесеніе, наконецъ

¹⁾ О немъ см. тамже, 333—336.

²⁾ Такъ поступилъ, между прочимъ, староста Овруцкій, отказавшійся выдать суду двухъ обвиненныхъ, говоря, что не хочетъ доводить людей до смерти за сказанныя въ шутку слова, Widok, s. 48, 83.

Троицынъ день. Прошли и эти праздники; тогда явился новый поводъ для тревоги: распространился слухъ, что православные поминають въ своихъ церквахъ царицу. Оказалось однако, что это царица не русская, а небесная, Богородица, поминаемая въ молитвахъ на Троицынъ день, чему, впрочемъ, комиссія повѣрила только тогда, когда это было подтверждено католическими ксендзами, знавшими русскій языкъ и русскія церковныя книги ¹⁾. Этимъ смѣхотворнымъ эпизодомъ закончили ся опасенія шляхты. Бунтъ назначали еще на Петровъ день, но уже мало кто вѣрилъ этому. Сеймомъ была между тѣмъ назначена депутація для суда надъ Садковскимъ и другими обвиняемыми въ бунтахъ. Депутація эта признала виновность его и нѣкоторыхъ другихъ, но документы, напечатанные ею, не подтверждаютъ этого обвиненія ²⁾.

Вообще нужно сказать, что вся эта исторія украинскаго бунта, всѣ эти нескладныя сказки о московскихъ извозчикахъ, возбуждающихъ къ бунту малороссовъ, маркитантахъ, продающихъ ножи для рѣзни и возящихъ съ собою грамоты Екатерины II, о понахъ, съ согласія русской царицы и благословенія православнаго архіерея подговаривающихъ народъ на великопостной исповѣди вырѣзать ляховъ, всѣ эти сказки и возбужденныя ими опасенія шляхты могли бы въ настоящее время вызвать у безпристрастнаго наблюдателя только смѣхъ, еслибы они не стоили въ свое время жизни и здоровья столькимъ людямъ. Въ этой исторіи ярче, чѣмъ когда-либо, проявился страхъ шляхты предъ подавленнымъ ею народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безграничный произволъ ея надъ этимъ народомъ. Ожидая постоянно мести со стороны украинскихъ хлоповъ, шляхта жила въ вѣчной тревогѣ и, всполошившись при первомъ слухѣ о бунтѣ, потеряла голову и безпощадными казнями ни въ чемъ невинныхъ людей старалась навести страхъ на крестьянъ. Если эти казни и истязанія не привели народъ къ возстанію и не вызвали на свѣтъ втораго Желѣзняка, то этимъ поляки менѣе всего обязаны себѣ, а скорѣе тому обстоятель-

¹⁾ Бродовичъ, с. 89—91.

²⁾ Relacya deputacyi do examinowania sprawy o bunt oskarzonych na seymie 1790 roku uczyniona. Część pierwsza, w Warszawie. Самъ я, къ сожалѣнію, этихъ документовъ не видалъ, по неимѣнію ихъ въ Публ. Библ. и сужу о нихъ только по передачѣ Костомарова и Кояловича.

ству, что опыты 1768 года отучили хлопковъ разсчитывать при возстаніи на помощь Россіи и что съ другой стороны уничтоженіе Запорожья устранило возможность появленія регулярнаго войска у хлопковъ, хотя бы въ такомъ небольшомъ числѣ, какое было у Желѣзняка. Но каковы бы ни были причины того, что въ средѣ украинскаго народа не вспыхнуло въ эту эпоху возстанія, на памяти волынской шляхты и даже самого четырехлѣтняго сейма остается неизгладимое пятно безцѣльныхъ насилій и издѣвательствъ надъ беззащитными украинскими хлопками. Не такими дѣйствіями могли привязать къ себѣ народъ люди, намѣревавшіеся реформировать старую Польшу! ¹⁾

Настроеніе сейма и вообще шляхты по крестьянскому вопросу обнаружилось еще нѣсколько разъ на 4-хъ-лѣтнемъ сеймѣ до установленія конституціи 3-го мая. Когда 21-го декабря 1789 г. былъ представленъ на обсужденіе проектъ Игнатія Потоцкаго, первый пунктъ этого проекта, заключавшійся въ объявленіи свободными всѣхъ жителей Рѣчи Посполитой, былъ единогласно отвергнутъ сеймомъ. Тѣмъ не менѣе среди шляхты началась тревога, чтобы при предстоящемъ исправленіи государственнаго устройства сеймъ не вздумалъ коснуться и отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Тревога эта выразилась въ инструкціяхъ, составленныхъ для добавочныхъ пословъ на сеймикахъ въ 1790 г., когда сеймъ рѣшилъ продолжить свои занятія еще на два года. Въ одной изъ такихъ инструк-

¹⁾ Взгляды ученыхъ по поводу этого «украинскаго бунта» раздѣляются. Русскіе изслѣдователи, Костомаровъ (Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой, Спб., 1886, т. I, с. 275—300) и Кояловичъ (Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ, Спб., 1873, с. 327—338) отрицаютъ существованіе какъ самаго бунта, такъ и подушеній къ нему, со стороны ли русскихъ властей или православнаго духовенства. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и ксендзь Wal. Kalinka въ своемъ трудѣ *Sejm czteroletni* (см. т. I, с. 335—400). Von der Brüggен, признавая, что «большую часть сдѣлалъ страхъ поляковъ» и что нельзя доказать вины ни Садковскаго, ни русскаго правительства (*Polen's Auflösung*, s. 363, прим. 1), бросаетъ, однако, нѣкоторую тѣнь на послѣднее, замѣчая, что волненія въ Украинѣ происходили всегда именно въ то время, когда это нужно было Екатеринѣ (*ibidem*, с. 334). Наконецъ, Korzon прямо обвиняетъ русское правительство въ возмущеніи Украины чрезъ Садковскаго, хотя главная сила его доказательствъ сводится къ тому, что С. былъ дурной и нерасположенный къ Польшѣ человекъ. Главнымъ доводомъ въ пользу виновности С. служить у него то, что иначе его не осудила бы сеймовая депутатія, въ чемъ мы, однако, сомнѣваемся. Korzon, l. с., § 19.

цій посламъ поручалось строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ будущемъ устройствѣ было соблюдено отношеніе сословіи и ихъ прерогативы ¹⁾. Еще яснѣе другая инструкція, изъ которой, въ виду ея характерности, я позволяю себѣ цѣликомъ привести относящееся сюда мѣсто: «Внутренняя власть въ странѣ, заключенная въ приличныя границы, будучи однимъ изъ наилучшихъ способовъ къ доведенію страны до ея настоящей силы, не можетъ не быть крайне нужной для нашей республики, но такъ какъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ мы можемъ догадываться, что полицейская власть, замышляемая въ новой формѣ правленія, наиболѣе направлена къ той цѣли, чтобы подѣ различными видами ей можно было вмѣшиваться въ управленіе деревнями, земскими имѣніями и крѣпостными, то послы обязаны внимательно слѣдить за этимъ и самымъ усиленнымъ образомъ стараться, чтобы права собственности и свободы распоряжаться въ своихъ имѣніяхъ и деревняхъ какъ можно прочнѣе были закрѣплены за шляхетскимъ сословіемъ и чтобы какъ можно болѣе былъ прегражденъ доступъ вліянію на нихъ полицейской власти и всякой другой» ²⁾. Такимъ образомъ шляхта не хотѣла допустить никакого вмѣшательства въ свои отношенія къ крѣпостнымъ, не хотѣла дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу послѣднихъ. Что приведенныя нами инструкціи не составляютъ единичнаго факта, что таково было дѣйствительно настроеніе, если не всей, то громаднаго большинства шляхты въ это время, доказываетъ лучше всего сеймовое засѣданіе, происходившее 9-го сентября 1790 года. На немъ была внесена на обсужденіе 6-я статья проекта Игнатія Потоцкаго, въ которой между прочимъ заключались слова «Рѣчь Посполитая или народъ». По этому поводу посолъ Брацлавскій, Холоневскій, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Нельзя быть достаточно осторожнымъ въ установленіи основныхъ законовъ: такъ, въ этой статьѣ слова Рѣчь Посполитая и народъ употреблены, какъ синонимы, и какъ будто означаютъ, что весь народъ составляетъ Рѣчь Посполитую, между тѣмъ какъ послѣднюю составляетъ только шляхетское сословіе и ему обязаны послушаніемъ другія, не имѣющія при-

¹⁾ Pawiński, Dzieje ziemi Kujawskiej, t. V, № 115, s. 364.

²⁾ Pawiński, Dzieje ziemi Kujawskiej, t. V, № 119, s. 380.

вилегій. Сословіе, не обладающее привилегіями шляхетства, не выбираеть судей, но подчиняется судьямъ, шляхетское сословіе одно только избираеть королей, а не весь народъ. Такимъ образомъ Рѣчь Посполитая только шляхта». Поэтому Холоневскій предлагалъ исправить эту статью проекта, вставивъ въ нее объясненіе, что Рѣчь Посполитая составляется только изъ шляхты, и поправка эта была принята сеймомъ. Она прошла, правда, не безъ оппозиціи, но возраженія дѣлались исключительно во имя интересовъ мѣщанъ; о крестьянахъ не упоминалъ ни одинъ изъ ораторовъ, какъ будто ихъ и не существовало ¹⁾. Сеймъ, какъ видно, не помышлялъ исполнить совѣты публицистовъ и признать, что шляхта составляетъ часть народа, не болѣе. Нельзя думать, чтобы среди пословъ совѣмъ не было доброжелателей крестьянъ: они существовали, но шляхта такъ упорно держалась за свою власть надъ крѣпостными, что имъ не представлялось никакой возможности проводить свои убѣжденія въ законодательство, хотя порою они и высказывались за освобожденіе крестьянъ, нѣкоторые, какъ Нѣмцевичъ, даже очень смѣло. Эти смѣлыя рѣчи не приносили однако крестьянамъ никакой существенной пользы и до самой конституціи 3 мая не было сдѣлано сеймомъ никакого постановленія въ пользу ихъ. Самая эта конституція не произвела въ положеніи ихъ коренной реформы. Прежде чѣмъ говорить однако объ этой конституціи, я, въ виду важности, обыкновенно ей приписываемой, приведу здѣсь 4 статью ея, трактующую о крестьянахъ: «Земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течеть богатѣйшій источникъ богатствъ страны, который составляетъ самое многочисленное населеніе въ народѣ, и поэтому самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, челоуѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ опеку закона и правительства страны, постановляя, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, пожалованія и договоры, то эти льготы, пожалованія и договоры, будутъ ли они заключены съ цѣлыми громадами

¹⁾ Dziennik czynności seymu głównego ordynaryjnego Warszawskiego pod związkiem konfederacji Obojga Narodow agitującego się. 1790. Sessya 9 Września. За отсутствіемъ нумераціи въ немъ, не отмѣчаю страницъ.

или съ каждымъ жителемъ села по одиночкѣ, должны имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго опекѣ правительства страны по силѣ существеннаго смысла условій и содержанию таковыхъ пожалованій и договоровъ. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, добровольно принятыя владѣльцемъ земли, будутъ обязывать не только его самого, но и его наслѣдниковъ или приобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что имъ никогда уже нельзя будетъ самовольно измѣнять ихъ. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и пожалованій и соединенныхъ съ ними повинностей, какъ только сообразно съ такими способами и условіями, какіе значатся въ постановленномъ договорѣ, который будетъ для нихъ въ точности обязательенъ навсегда или на срочное время, смотря по тому, какъ онъ составленъ. Обеспечивъ такимъ образомъ владѣльцамъ всѣ доходы отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ и желая, насколько возможно, содѣйствовать увеличенію населенія страны, мы провозглашаемъ полную свободу всѣмъ вновь прибывающимъ, равно какъ и тѣмъ, которые, раньше удалившись изъ страны, захотятъ теперь воротиться въ отечество, до такой степени, что каждый человекъ, вновь откуда бы то ни было прибывшій въ государства Рѣчи Посполитой, или возвращающійся въ нихъ, какъ только ступить ногою на польскую землю, вполнѣ свободенъ заниматься своимъ промысломъ, какъ и гдѣ захочетъ. Онъ воленъ заключать договоры на осѣдность, работу или чиншъ, какъ и на какой срокъ уговорится; воленъ поселяться въ городахъ или деревняхъ, воленъ жить въ Польшѣ или возвратиться въ ту страну, въ какую захочетъ, выполнивши добровольно принятыя на себя обязательства»¹⁾.

Эта конституція такимъ образомъ распространяетъ опеку закона лишь на тѣхъ крестьянъ, съ которыми владѣльцы ихъ заключили или заключать какіе-нибудь договоры, дѣлающіеся въ такомъ случаѣ обязательными для обѣихъ сторонъ; всю остальную массу крестьянъ она оставляетъ въ

¹⁾ Prawo Polityczne Narodu Polskiego czyli Układ rządu rzeczywospolitey. Xiega. I. w Lublinie. 1792, w drukarni J. K. Mei XX. Trynitartzów, s. 7—9.

прежнемъ положеніи, ничѣмъ не пытаясь улучшить его ¹⁾. Дѣло реформы въ силу этой конституціи переходило въ руки частной инициативы и только сдѣланное послѣдней подлежало утвержденію закона. Но мы видѣли выше, какъ шло крестьянское дѣло въ Польшѣ путемъ частной инициативы и, конечно, не на этомъ пути могло встрѣтить польское крестьянство облегченіе своей участи. Если мы сравнимъ однако это постановленіе съ рѣшеніями предыдущихъ сеймовъ, мы должны будемъ признать въ немъ несомнѣнный прогрессъ: тогда какъ въ 1776 году сеймъ не хотѣлъ согласиться на позволеніе каждому помѣщику освобождать своихъ крестьянъ, теперь онъ не только соглашается на это, но и дѣлаетъ всякія условія, заключаемыя въ этомъ смыслѣ, обязательными для всѣхъ наслѣдниковъ. Прогрессъ есть несомнѣнно, но прогрессъ очень небольшой и во всякомъ случаѣ недостаточный для того, чтобы говорить о всеобщемъ будто бы желаніи шляхты освободить своихъ крѣпостныхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые польскіе историки. ²⁾ Изъ фактовъ, приведенныхъ нами, можно вывести, намъ кажется, скорѣе другое заключеніе, именно, что шляхта упорно держалась за крѣпостное право, не выказывая ни малѣйшаго намѣренія отмѣнить его и съ трудомъ дѣлая самыя ничтожныя уступки въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Не нужно забывать при этомъ, что самая конституція 3 мая представляетъ учрежденіе революціонное и, какъ таковое, она могла быть въ своихъ желаніяхъ относительно крестьянъ смѣлѣе, чѣмъ этого желало большинство; если же мы не находимъ въ ней никакого общаго постановленія въ пользу крестьянъ, то это можетъ служить намъ явнымъ доказательствомъ, что творцы ея не считали возможнымъ провести на сеймѣ, хотя бы и съ помощью революціонныхъ средствъ, сколько-нибудь болѣе широкую реформу крестьянскаго вопроса. ³⁾ Что сами эти творцы конституціи шли въ своихъ желаніяхъ далѣе, видно уже изъ второй части приведенной нами статьи ея, гдѣ объ-

¹⁾ Это ясно доказывается самымъ расположеніемъ: „pod opiekę Prawa i Rządu Kraiowego przyjmujemy, stanowiąc, iż odtąd iakiekolwiek swobody, nadania lub umowy...» и т. д.

²⁾ Lubomirski, l. c., Bibl. Warszawska, 1862, II, s. 223.

³⁾ Любопытно, что во 2 статьѣ конституціи, относящейся къ шляхтѣ, послѣдней торжественно объявляется непрямосновенность земельной собственности, Prawo polityczne..., s. 6.

щается полная личная свобода все́мъ пришельцамъ въ Польшу и даже ворочающимся въ отечество бѣглымъ хлопамъ. Явная несправедливость этой статьи, какъ бы заставляющей крестьянъ для полученія свободы бѣжать изъ Польши и затѣмъ вновь въ нее возвращаться, не можетъ, какъ замѣтилъ уже Корзонъ ¹⁾, быть объяснена чѣмъ другимъ, кромѣ желанія вожаковъ партіи реформы на сеймѣ облегчить участь хотя части народа. Существуетъ даже извѣстіе, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по принятіи конституціи 3 мая подготавливался проектъ освобожденія крестьянъ, который долженъ былъ быть внесенъ на сеймъ ²⁾, чего, однако, не послѣдовало, какъ можно думать, именно изъ страха ожидаемаго сопротивленія большинства пословъ. Опасенія эти не были напрасными: даже сама конституція 3 мая, при всей своей умѣренности, возбудила уже сильное неудовольствіе въ крайнемъ консервативномъ лагерѣ. «Польскій хлопь—писаль Щенный Потоцкій маршалу Малаховскому въ отвѣтъ на извѣщеніе его о состоявшейся конституціи—у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать нельзя: правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопь получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація...» ³⁾.

Какъ бы то ни было, конституція 3 мая осталась для насъ послѣднимъ выраженіемъ воли четырехлѣтняго сейма по крестьянскому вопросу и, основываясь на этомъ, мы должны сказать, что послѣдній не получилъ разрѣшенія и на этомъ сеймѣ, какъ не получилъ на предыдущихъ. Помѣщичьи предразсудки и личная выгода также руководили шляхтой въ этомъ дѣлѣ къ концу описываемаго періода, какъ и въ его началѣ, и если въ немногихъ преобразованіяхъ, введенныхъ нѣкоторыми частными лицами въ своихъ имѣніяхъ, отражались взгляды прогрессивной литературы, то въ настроеніи сеймовъ

¹⁾ Korzon, I. c., s. 435.

²⁾ Въ дневникъ Булгакова мы находимъ подъ 25 февр. 1792 г. такую записку: «Въ клубъ происходятъ совѣщанія о средствахъ освобожденія крестьянъ. Магцей написаль трудъ въ этомъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію, это дѣло должно быть немедленно представлено на сеймъ и окончено втеченіе одного дня». *Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Pamiętniki z XVIII wieku, t. X, cz. 2, s. 307.* Клубъ, о которомъ здѣсь говорится, вѣроятно клубъ «Друзей конституціи 3 мая».

³⁾ Костомаровъ, I. c., т. I, с. 515.

по крестьянскому вопросу мы не видимъ условий для благоприятнаго разрѣшенія его: напротивъ, каждый разъ, когда крестьянское дѣло выступало передъ сеймомъ, немногочисленные приверженцы реформы должны были отступать передъ громаднымъ большинствомъ крѣпостниковъ, и въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и четырехлѣтній сеймъ, запятнавшій себя къ тому же жестокостью къ крестьянамъ въ дѣлѣ украинскаго бунта 1789 года ¹⁾).

Не удивительно, что при такомъ отношеніи шляхты и законодательной власти къ народу этотъ послѣдній не чувствовалъ особой привязанности къ своему отечеству. Мы говорили уже выше объ эмиграціи крестьянъ изъ Польши и нужно замѣтить, что такая эмиграція продолжалась втеченіе всего описываемаго періода. Въ 1782 году сеймикъ брестъ-куявскаго и иновроцлавскаго воеводства, свидѣтельствуя о сильной эмиграціи крестьянъ въ сосѣднюю Пруссію, постановилъ хлопотать о выдачѣ такихъ эмигрантовъ ²⁾. Въ 1784 г. обыватели этихъ воеводствъ жалуются на сеймикъ на бѣгство хлоповъ ³⁾, въ 1786 г. опять возобновляютъ жалобы на эмиграцію и про-

¹⁾ Въ доказательство того, что такое отношеніе 4-лѣтняго сейма къ крестьянамъ сознавали и современники, привожу свидѣтельство Сташица: «Она (шляхта), по природѣ чловѣка, всегда будетъ щадить себя. Свидѣтелемъ служить этотъ добродѣтельнѣйшій сеймъ, который, когда шляхта разложила временную подать на хлоповъ, отказалъ въ справедливости обиженнымъ. Когда трактовали о рекрутахъ, онъ щадилъ шляхетскія деревни; когда говорили о подводахъ и другихъ тяжестяхъ солдатскихъ переходовъ, все не-шляхетское не нашло защиты. Когда шли пренія о податяхъ, шляхта сдѣлала пожертванія болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; она хочетъ на 6.000.000 держать 100.000 войска, а на городское и хлопское сословія, хотя они платятъ уже педымное, чоповое, подати съ табаку и съ соли, нынѣшній сеймъ наложилъ еще новую подать шкурями, исключая изъ нея шляхту». Dzieła St. Staszica, 1816, t. I. Przystrogi dla Polski, s. 185. Правда, это писано до конституціи 3 мая, но вотъ слова другаго современника поляка о послѣдней: «Что касается крестьянъ, то льготы этого класса означены только въ общихъ словахъ, продиктованныхъ скорбемъ страхомъ показаться варварами въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ справедливостью, чловѣколюбиемъ и разумомъ». Histoire de la revolution de Pologne en 1794 par un témoin oculaire. A Paris. An V—1797, p. 28.

²⁾ Pawiński, Dzieje ziemi Kujawskiéj, Warszawa, 1888, t. V, № 98, s. 325.

³⁾ Pawiński, t. V, № 102, s. 334. Любопытно, что для прекращенія бѣгства обыватели совѣтуютъ, «чтобы можно было хватать и секвестровать» всѣхъ идущихъ безъ паспортовъ; это нѣсколько напоминаетъ проектъ Понинскаго.

сять пословъ найти на сеймѣ способъ къ прекращенію ея ¹⁾. То же явленіе существовало и на югѣ, въ чемъ насъ убѣждаетъ, между прочимъ, универсалъ военно-гражданской комиссіи Каменецкой земли Подольскаго воеводства, изданный 12 марта 1791 года и предлагающій обывателямъ учредить пограничную стражу для ограниченія эмиграціи крестьянъ ²⁾. Конституція 3 мая не могла измѣнить положенія крестьянъ, принимая подъ опеку закона только тѣхъ изъ нихъ, которые заключили какіе-либо договоры съ помѣщиками, и, дѣйствительно, мы имѣемъ прямые свидѣтельства, что хлопамъ жилось при ней не легче, чѣмъ безъ нея. «Народъ, которому обезпечили опеку закона, благословляетъ короля,—пишетъ полковникъ Коморовскій 20 февраля 1792 года къ Станиславу Августу,—но при этой опекѣ положеніе хлоповъ не улучшилось: они такъ же страдаютъ, какъ страдали во времена анархіи, такъ какъ до сихъ поръ не опредѣлено, чѣмъ они обязаны панамъ и что должны соблюдать паны въ отношеніи ихъ» ³⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, хлопы поняли эту конституцію по своему и отказались повиноваться панамъ. «Когда прошлымъ лѣтомъ — читаемъ мы въ письмѣ короля къ польскому посланнику въ Лондонѣ, Букатому, отъ 25 апрѣля 1792 года — въ четырехъ мѣстахъ въ Литвѣ и въ Коронѣ показались четыре искорки между хлопами, не хотѣвшими уже ни платить податей, ни отбывать повинностей, я придушилъ ихъ универсалами *et brachio militari*» ⁴⁾. Двѣ изъ подобныхъ «искорокъ» извѣстны намъ въ подробностяхъ. 13 сентября 1791 года арендаторъ имѣнія Рембкова въ староствѣ Гарволинскомъ донесъ, что тамошніе хлопы отказываютъ въ послушаніи двору. Мѣстная гражданско-военная комиссія отправила сперва одного изъ своихъ членовъ, Станишевскаго, съ двумя солдатами для успокоенія крестьянъ, приказавъ поручику на-

¹⁾ Тамже, т. V, № 107, с. 345. Обыватели жалуются, что хлопы «по обыкновенной своей къ панамъ ненависти» не только сами уходятъ, но и панскія вещи уносятъ.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, часть 6, т. I, приложение, Кіевъ, 1876, № 184, с. 623—4.

³⁾ Приведено у Limanowskiego, Ruch społeczny w drugiej połowie XVIII stulecia, Lwów, 1888, с. 349.

⁴⁾ Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, Pamiętniki z XVIII wieku, т. X, cz. 2, с. 208—9.

родной кавалеріи въ ближнемъ городѣ подать ему въ случаѣ нужды военную помощь, но когда тотъ не исполнилъ этого требованія, а крестьяне не хотѣли слушать увѣщаній Станишевскаго, вытребованы были войска изъ Варшавы, которыя и водворили порядокъ: 4 главныхъ виновника были присуждены къ 40 ударамъ на рынкѣ въ Гарволинѣ, и сверхъ того одинъ день должны были простоять въ костелѣ, имѣя на себѣ дощечку съ надписью: «за непослушаніе». Другой подобный случай произошелъ въ апрѣлѣ 1792 года въ староствѣ Черскомъ. Арендаторъ Жуховскій жаловался, что хлопы въ его отсутствіе приходили къ нему на дворъ и напугали его жену. Комиссія отправила одного своего члена, которому съ помощью угрозы военной экзекуціей удалось успокоить волненіе и заставить крестьянъ выдать главнаго его зачинщика; послѣдній былъ наказанъ нѣсколькими десятками ударовъ¹⁾. Тождественны ли эти случаи съ тѣми, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ король, трудно судить; но, принимая во вниманіе опредѣленіе времени бунтовъ въ этомъ письмѣ, можно скорѣе предполагать противное. Во всякомъ случаѣ никакого общаго движенія крестьянъ въ это время не произошло и отдѣльныя попытки ихъ къ насильственному улучшенію своего положенія носили исключительно мѣстный характеръ и легко были усмиряемы. Это не можетъ однако служить доказательствомъ того, что крестьяне были не особенно угнетены своимъ положеніемъ. Они были, напротивъ, черезчуръ угнетены имъ, до того, что погрузились въ полнѣйшую апатію, которая особенно выразилась во время образованія Тарговицкой конфедераціи и войны Россіи съ Польшей. Нѣкоторые помѣщики, понимавшіе, что было бы чрезвычайно важно привлечь крестьянъ къ защитѣ отечества, приняли мѣры для этого, но такихъ было очень немного. На Украинѣ панъ Хоецкій объявилъ, что тѣхъ изъ своихъ крѣпостныхъ и шляхты, живущей на его землѣ, которые пойдутъ въ войско, онъ освобождаетъ на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей и обязывается платить за нихъ казенныя подати; еслибы изъ одного дома пошло двое, то льготы

¹⁾ См. Korzon, I. c., s. 365—6. Какой-то бунтъ, какъ сообщаетъ онъ же, происходилъ еще въ 1788 г. въ шавельской экономіи; крестьянъ собралось до 10.000, такъ что на усмиреніе ихъ потребовалось до 1000 ч. войска. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ бунтѣ я однако нигдѣ не встрѣтилъ.

удвоивались, а если болѣе, то такой домъ получалъ вѣчную свободу отъ пана вмѣстѣ съ принадлежащей ему землей. Другой панъ, Валицкій, въ Сохачевской землѣ, объявилъ свободными отъ крѣпостнаго права всѣхъ своихъ крестьянъ, которые пойдутъ въ войско, обязавшись сверхъ того платить имъ во время службы по 100 злотыхъ и по окончаніи войны дать, если они захотятъ, для поселенія по пол-волоки земли, безъ всякихъ съ нея повинностей ¹⁾). Подобныхъ примѣровъ мы однако не знаемъ болѣе. Въ виду этого и крестьяне не обнаружили никакой особой ревности къ спасенію отечества. Были, правда, пожертвованія отъ крестьянъ, но они были такъ ничтожны, что по нимъ нельзя заключить о сильномъ патріотическомъ движеніи въ средѣ крестьянъ ²⁾). Польскіе хлопы спокойно смотрѣли, какъ рушится зданіе Рѣчи Посполитой, въ которомъ они не имѣли никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какими угодно было надѣлать ихъ помѣщику. Не даромъ польскіе публицисты такъ настойчиво предупреждали шляхту, что у невольника не можетъ быть патріотизма: невольники не двигались на спасеніе Польши, въ которомъ они не видѣли облегченія собственной участи ³⁾).

Эту роковую ошибку Польши сознавали, какъ мы видѣли выше, многіе изъ либеральныхъ польскихъ публицистовъ того времени, но съ полною ясностью предстала она глазамъ патріотовъ уже послѣ втораго раздѣла Польши. Когда вспых-

¹⁾ См. Костомаровъ, I. с., т. II, с. 89—90.

²⁾ Korzon (I. с., с. 448—9) приводитъ списки крестьянскихъ жертвованій въ 1789 и 92 гг., но даже и онъ, вообще способный нѣсколько увлекаться въ этомъ вопросѣ, позволяетъ себѣ по поводу ихъ только слѣдующій скромный выводъ: «Мы не утверждаемъ, что крестьянскія жертвованія были общими, что они сыпались изъ всѣхъ земель и повѣтовъ, но думаемъ, что первый списокъ можетъ служить указаніемъ, что въ груди польскаго, и даже русинскаго хлопа тлѣла искра, если не любви, то по крайней мѣрѣ доброжелательства къ родному краю...» I. с., с. 450.

³⁾ Исключеніе изъ общаго правила составили крестьяне Павлова, которые вообще отличались приверженностью къ конституціи 3 мая (см. рѣчь одного изъ нихъ по поводу провозглашенія этой конституціи, пѣснь Павловскихъ крестьянъ въ именины короля и молитву ихъ у Корзона, I. с., с. 451, 452), но не нужно забывать, что эта конституція ставила ихъ въ исключительное положеніе, утверждая на вѣчныя времена ихъ договоръ съ Бржостовскимъ. За остальныхъ же крестьянъ полякамъ приходилось скорѣе бояться, чтобы они не сдѣлались ихъ врагами. См. донесенія въ этомъ смыслѣ польскихъ военныхъ начальниковъ, тамже, с. 454—7.

нуло возстаніе Костюшки, всѣ надежды его были возложены на народную массу, которую надѣялись привлечь къ дѣлу возстанія. Руководителями послѣдняго были люди, принадлежавшіе къ крайней либеральной партіи, проникнутые началами французской революціи. Таковъ былъ и самъ Костюшко, участвовавшій въ американской революціи и мечтавшій о такомъ же обще-народномъ движеніи въ Польшѣ. Скоро однако ему пришлось убѣдиться, что между Америкой и Польшей существуетъ большая раница.

Уже 25 марта 1794 года, былъ изданъ Порядковой Коммиссіей Краковскаго воеводства универсалъ, предписывавшій каждому городу, мѣстечку и деревнѣ съ 5 дымовъ ставить въ войско одного человѣка, вооруженнаго карабиномъ или пикой, одѣтаго въ крестьянское платье, съ запасомъ сухарей на 6 дней и денегъ на мѣсяць, въ количествѣ 15 злотыхъ ¹⁾. Но, видно, это распоряженіе подало поводъ къ нѣкоторымъ насиліямъ, такъ какъ уже черезъ 3 дня коммиссія «просить и закликаетъ любовью къ отечеству обывателей и жителей краковскаго воеводства», чтобы они не совершали никакихъ насилій ни при выборѣ, ни при доставкѣ крестьянъ, но ласкою и добротой заохочивали ихъ къ защитѣ отечества. ²⁾. Расположеніе начальниковъ возстанія къ крестьянамъ еще болѣе усилилось послѣ того, какъ первая побѣда Костюшки—при Рацлавицахъ—была одержана главнымъ образомъ при ихъ помощи. Послѣ этой побѣды однако крестьяне начали расходиться по домамъ и коммиссіи пришлось издать универсалъ, поручающій всѣмъ поссессорамъ и управляющимъ имѣній ласкою возбуждать такихъ хлоповъ къ дальнѣйшей оборонѣ отечества и доставлять ихъ въ лагерь Костюшки ³⁾. Еще менѣе усердія и ревности къ дѣлу возстанія обнаружила, повидимому, шляхта, такъ какъ того же 7 апрѣля, когда былъ изданъ предыдущій универсалъ, порядковая коммиссія обнародовала другой, въ которомъ жалуется, что обыватели не доставляютъ въ

¹⁾ Zbiór uniwersałów i urzędzeń od Tadeusza Kościuszki, najwyższego siły zbroyney naczelnika, i od Kommissyi Porządkowey woiewodztwa Krakowskiego od czasu aktu powstania narodowego wyszłych. w Warszawie, 1794 roku, s. 41—2.

²⁾ Тамже, s. 67—8.

³⁾ Тамже, s. 104—105.

должномъ количествѣ рекрутовъ и провіанта ¹⁾). Если однако власти возстанія, думая опереть его силу на массѣ крестьянскаго населенія, выказывали участіе къ судьбѣ послѣдняго и старались ласкою привлечь его къ себѣ, то шляхта, привыкшая думать, что Рѣчь Посполитую составляетъ она одна, не оставляла стараго образа дѣйствій по отношенію къ крестьянамъ, и хотя пользовалась ихъ помощію въ дѣлѣ возстанія, продолжала все-таки смотрѣть на нихъ, какъ на вполнѣ подневольныхъ людей. Опасеніе этого, если не совершившійся уже фактъ, проглядываетъ уже въ распоряженіи комиссіи не дѣлать никакихъ насилій крестьянамъ при наборѣ ихъ въ войско. Кромѣ того опасна была для возстанія и другая сторона отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ: наборъ послѣднихъ въ войско оттягивалъ отъ хозяйства рабочія руки, именно въ ту пору, когда онѣ были особенно нужны, такъ какъ начинались полевыя работы. Помѣщики старались вознаграждать этотъ ущербъ, или задерживая наборъ крестьянъ, или же заставляя семьи ушедшихъ въ войско отработать паящину за нихъ. Жалобы крестьянъ на такіе поступки заставили порядковую комиссію Краковскаго воеводства уже 16 апрѣля издать универсалъ, въ которомъ она, однако, показываетъ видъ, что не вѣрять этимъ жалобамъ ²⁾). 20 апрѣля послѣдовалъ новый, уже болѣе рѣшительный и грозный универсалъ. «Развѣ не необходимо, спрашиваетъ комиссія, чтобы народъ, борющійся противъ общаго врага, находилъ въ этой борьбѣ облегченіе и улучшеніе своей судьбы? Находясь въ этомъ убѣжденіи, комиссія съ величайшимъ удивленіемъ и крайнимъ огорченіемъ получаетъ донесенія и жалобы, что во многихъ мѣстахъ жены и бѣдныя семьи этихъ храбрыхъ мужей и отцовъ, въ то время, когда послѣдніе гоняются за врагами, когда своимъ мужествомъ и смѣлостью они одержали памятную побѣду въ глазахъ собственнаго воеводства, не только не испытываютъ никакого облегченія, но напротивъ подвергаются величайшимъ тягостямъ, какъ бы страдая за то, что

¹⁾ Тамже, с. 100.

²⁾ «Далекая отъ оскорбленія вашей добродѣтели, комиссія не убѣждена въ искренности этихъ жалобъ и дай Богъ, чтобы подобныя жалобы никогда не были справедливы». См. Korzon, l. c., s. 466. Въ цитованномъ выше Zbiorze uniwersałów etc. этотъ универсалъ не помѣщенъ, но упоминаніе объ немъ есть въ универсалѣ 20 апрѣля.

ихъ мужья и отцы вѣрно служатъ краю, жертвуя собственной жизнью». Усматривая въ этомъ опасность для успѣха возстанія, комиссія считаетъ своею обязанностью помочь злу. «Поэтому комиссія объявляетъ и провозглашаетъ, что крестьяне были и остаются всегда подъ опекой правительства страны, что для каждаго утѣсненнаго человѣка открыть путь отысканія въ порядковой комиссії обидъ и убытковъ, ему нанесенныхъ, и что съ этихъ поръ всякій преслѣдователь крестьянъ, этихъ мужественныхъ защитниковъ края, будетъ считаться врагомъ отечества и, какъ таковой, подвергаться наказанію». Затѣмъ устанавливаются слѣдующія, болѣе частныя, правила: 1) комиссія съ помощью люстрацій опредѣлитъ прежнія повинности крестьянскихъ семей, члены которыхъ есть въ войскѣ, и сбавитъ ихъ, сообразно нынѣшнему составу семьи. 2) Помѣщики и посессоры должны не только дать крестьянамъ, находящимся въ войскѣ, облегченіе въ работахъ, но и «стараться, чтобы ихъ хозяйство не падало и чтобы земля, источникъ богатства страны, не лежала необработанной». 3) Крестьяне, находящіеся въ войскѣ, свободны отъ всякихъ повинностей и работъ до своего возвращенія домой, но и тогда съ нихъ нельзя требовать работъ за прошедшее время. 4) Всякій помѣщикъ или посессоръ, не повинующійся этимъ предписаніямъ, подвергается уголовному суду. За исполненіемъ всего этого должны наблюдать дозорцы, устанавливаемые комиссіею по нѣскольку въ повѣтъ ¹⁾). Распоряженія краковской порядковой комиссії не остановили однако помѣщичьихъ притѣсненій, которыя существовали къ тому же не въ одномъ краковскомъ воеводствѣ. Въ дѣло это пришлось вмѣшаться самому «Высшему Начальнику вооруженной народной силы», т. е. Костюшкѣ. 2 мая онъ издалъ въ Винярахъ универсалъ, въ которомъ, указывая народу на интриги москалей, стремящихся будто бы затянуть крестьянъ въ свои войска, требовалъ, въ предупрежденіе этого, слѣдующихъ облегченій для крестьянъ: всякой хлопской семьѣ, одинъ изъ членовъ которой отправился въ войско, долженъ быть прощенъ по крайней мѣрѣ 1 день панщины, а громады, участвующія въ посполитомъ рупеньи или облавой идущія на врага, должны быть освобождаемы отъ работъ на все время пребыванія ихъ въ лагерѣ, причемъ

¹⁾ Zbiór uniwersałów i urzędzeń... etc. s. 127, 129, 129—132.

помѣщичьи дворы должны заботиться о вдовахъ, женахъ и дѣтяхъ крестьянъ¹⁾). Скоро событія заставили Костюшку пойти еще далѣе. Еще 30 апрѣля объявлено было имъ посполитое рушеніе, но отправленные для сбора его Ташицкій, братья Иляскіе и нѣкто Бернье, французъ по происхожденію, ополячившійся благодаря долгому пребыванію въ Польшѣ, могли собрать только 2.000 человекъ. Къ этому присоединялись жалобы вновь набранныхъ хлоповъ на плохое обхожденіе помѣщиковъ и поссессоровъ съ ихъ семьями, томящимися подъ тяжелымъ игомъ панщины. Начальникъ возстанія увидѣлъ, что для того, чтобы дѣйствительно поднять и воодушевить народъ, нужно сдѣлать для него болѣе, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ, нужно связать его собственную судьбу съ судьбою падающей Польши, и результатомъ этого явился знаменитый Полавецкій универсалъ 7 мая. Въ виду важности этого документа, представляющаго послѣднюю практическую попытку разрѣшенія крестьянскаго вопроса либеральной партіей въ Польшѣ XVIII вѣка, мы приводимъ его здѣсь въ дословномъ переводѣ, пропуская только начало, имѣющее общій характеръ:

«Я указываю націи, говорить здѣсь Костюшко, на вѣроломное средство, какое хотятъ употребить москали для нашей гибели. Они думаютъ возбудить противъ насъ поселянъ. Они изображаютъ въ преувеличенномъ видѣ произволъ надъ ними обывательской власти, ихъ старинную нищету, обѣщаютъ имъ улучшеніе ихъ участи подъ вліяніемъ Екатерины II и въ то же время подстрекаютъ ихъ грабить обывательскія усадьбы. Обманутые простаки могутъ попасть въ разставленныя сѣти, какъ часто бываетъ; всѣмъ извѣстно, какъ москали надѣвали свои мундиры на легковѣрныхъ и обманули ихъ наравнѣ съ тѣми, которыхъ заставили идти за собою поневолѣ. Я сознаюсь, что безчеловѣчное обращеніе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терпитъ сельское населеніе, состоящее во владѣннн пановъ, даетъ москалямъ достаточный поводъ безчестить польскую націю. Я часто получалъ жалобы отъ старыхъ солдатъ и новыхъ рекрутовъ: не только, какъ они показываютъ, ихъ жены и дѣти не получаютъ никакого облегченія, но ихъ положеніе еще отягощается, какъ бы въ наказаніе за то, что ихъ мужья

¹⁾ Gazeta Wolna Warszawska, № 5, 10 мая, с. 60—61.

и отцы служатъ Рѣчи Посполитой. Подобные поступки во многихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, совершались безъ вѣдома и желанія обывателей, но у другихъ они могли быть слѣдствиемъ недоброжелательства или иностраннаго внушенія, которое такимъ образомъ дѣйствуетъ для того, чтобы охладить патріотическій энтузіазмъ народа. Какъ бы то ни было, человѣколюбіе, правосудіе и общественная польза внушаютъ намъ средства легко и своевременно уничтожить эти злодѣйскіе замыслы. Мы объявляемъ во всеуслышаніе, что народъ долженъ пользоваться покровительствомъ правительства, не только на это время, но это покровительство принадлежитъ ему по силѣ старинныхъ законовъ, освященныхъ волею націи. Объявляемъ, что всякій обиженный человѣкъ можетъ прибѣгать къ покровительству порядковыхъ комиссій, установленныхъ въ каждомъ воеводствѣ, а оскорбитель и утѣснитель защитниковъ отечества будетъ наказанъ, какъ врагъ отечества и измѣнникъ. Мнѣ надлежитъ указать средства достигнуть такого состоянія. Эти средства сообразны съ справедливостью и великодушіемъ народа, дороги для чувствительныхъ душъ и сопряжены съ легкими пожертвованіями личныхъ выгодъ для общественнаго блага. Я поручаю провизоріальному совѣту въ Варшавѣ, а равно и комиссіямъ въ воеводствахъ и повѣтахъ оповѣстить настоящій универсалъ и наблюдать возможно строжайшимъ образомъ надъ его исполненіемъ.

1) Народъ по силѣ закона будетъ пользоваться покровительствомъ правительства.

2) Всякій поселянинъ лично свободенъ, можетъ водворяться гдѣ ему угодно, сдѣлавши въ порядковой комиссіи заявленіе о томъ, гдѣ онъ намѣренъ поселиться, и заплативъ свои долги, если таковые окажутся, и общественныя подати.

3) Рабочіе дни, которые крестьяне будутъ посвящать своимъ помѣщикамъ, опредѣляются слѣдующимъ образомъ: тотъ, который долженъ былъ работать шесть дней въ недѣлю, будетъ работать только четыре; тотъ, кто работалъ пять, долженъ работать три; работавшій три дня—два, а работавшій два—только одинъ день; тотъ, кто работалъ только одинъ день въ недѣлю, будетъ работать одинъ день въ двѣ недѣли; кто работалъ помѣщику вдвоемъ, тому должны быть сбавлены рабочіе дни вдвойнѣ, а кто въ одиночку, тому безъ удвоенія. Такая льгота должна продолжаться во все время возстанія,

пока законодательная власть не установитъ въ этомъ отноше-
ніи строгихъ правилъ.

4) Мѣстные власти должны наблюдать, чтобы имущества
тѣхъ, которые служили Рѣчи Посполитой, не приходили въ
упадокъ и чтобы земля, источникъ богатствъ страны, не ле-
жала безъ обработки, чему должны въ каждой деревнѣ содѣй-
ствовать какъ помѣщики, такъ и сельскія громады.

5) Призываемые въ посполитое рупенне освобождаются отъ
всякой панцины во все время, пока они остаются подъ ору-
жіемъ, но обязаны возобновить ее съ того времени, когда воз-
вратятся въ свои жилища.

6) Никакой владѣлецъ не можетъ отнять у крестьянина
пашню, которой онъ владѣетъ, пока онъ исполняетъ связан-
ныя съ нею повинности по вышеуказаннымъ правиламъ;
чтобы лишить крестьянина земли, нужно помѣщику доказать
предъ мѣстною юрисдикціею, что онъ не исполняетъ своихъ
обязанностей.

7) Если какой-нибудь повѣренный, экономя или комиссарь
помѣщика нарушитъ настоящее распоряженіе и станетъ какъ-
нибудь утѣснять крестьянъ, онъ долженъ быть арестованъ,
приведенъ въ порядковую комиссію и отправленъ въ уголов-
ный судъ.

8) Если какой-нибудь помѣщикъ, что мнѣ непріятно допу-
стить, прикажетъ или самъ станетъ притѣснять крестьянъ, онъ
долженъ быть приведенъ въ судъ, какъ виновный въ намѣ-
реніи потрясти священную цѣль народнаго возстанія.

9) Въ свою очередь сельское населеніе, пользуясь правосу-
діемъ и щедротами правительства, должно усердно работать
въ опредѣленные настоящимъ предписаніемъ дни, повиноваться
законамъ, не пренебрегать сельскимъ хозяйствомъ, напротивъ,
стараться обрабатывать землю и засѣвать ее. Такъ какъ вы-
годы отечества заставляютъ насъ установить это уменьшеніе
обязанностей, лежащихъ на народѣ, и обыватели принимаютъ
его охотно, изъ любви къ отечеству, то необходимо, чтобы земли
обывателей не оставались необработанными, и поселяне также
не должны отказываться, если ихъ будутъ нанимать на ра-
боту за надлежащую плату.

10) Чтобы повсюду соблюдался порядокъ и чтобы настоя-
щее предписаніе сохранялось въ точности, порядковыя комис-
сіи раздѣлять воеводства и повѣты на дозоры, такъ, чтобы

каждый дозоръ заключалъ не менѣе тысячи и не болѣе тысячи двухсотъ земледѣльцевъ. Этимъ дозорамъ должно дать имя села или главнаго мѣстечка и означить ихъ взаимныя границы, съ соблюденіемъ удобства сообщенія между ними.

11) Во всякомъ дозорѣ будетъ назначенъ дозорца, человекъ, достойный по своимъ способностямъ и честности; кромѣ обязанностей, которыя налагаются на него порядковою комиссіею, онъ будетъ принимать жалобы отъ народа, въ случаѣ притѣсненій, и отъ владѣльцевъ, въ случаѣ неповиновенія со стороны народа, рѣшать споры, а если ссорящіяся стороны не подчинятся его рѣшенію, отсылать ихъ въ порядковую комиссію.

12) Оказанное народу правосудіе, послѣдствія котораго онъ увидитъ въ облегченіи своихъ повинностей, должно еще болѣе побуждать его къ труду, къ воздѣлыванію земли и къ защитѣ отечества. Если какіе-нибудь гультаи, во зло употребляющіе правосудіе и благодѣянія правительства, будутъ отвращать народъ отъ работы, возбуждать къ бунту противъ помѣщиковъ, отговаривать отъ защиты отечества, порядковыя комиссіи въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ должны ихъ арестовывать и предавать уголовному суду. Порядковыя комиссіи должны также наблюдать за бродягами, которые оставляютъ свои дома и будутъ скитаться, арестовывать ихъ и, если, по учиненномъ обыскѣ о ихъ поведеніи, окажется, что они лѣнивцы и бродяги, употреблять ихъ на общественныя работы.

13) Духовные, какъ ближайшіе учителя народа, должны внушать ему его долгъ къ отчизнѣ, истинной его матери. Они должны объяснять ему, что обрабатывать землю, какъ собственную, такъ и помѣщичью, такая же служба отечеству, какъ и сражаться и защищать его отъ опустошеній и грабежа непріятельскихъ солдатъ, и что, исполняя свои обязанности, облегченныя настоящимъ предписаніемъ, они только вознаграждаютъ помѣщиковъ за тѣ земли, которыя получаютъ отъ нихъ.

14) Духовные обоихъ обрядовъ должны обнародовать этотъ универсаль втеченіе четырехъ недѣль, съ амвоновъ въ костелахъ и церквахъ. Сверхъ того, порядковыя комиссіи выберутъ сами изъ своихъ членовъ или изъ ревностныхъ къ отечеству обывателей лицъ, обязанныхъ отправляться во всѣ села и приходы, собирать народъ, читать ему настоящее распоря-

женіе, и объяснять ему, что возстаніе имѣетъ цѣлью его благосостояніе, и что онъ, народъ, въ благодарность за такое великое благодѣяніе, долженъ употребить всѣ силы къ защитѣ Рѣчи Посполитой» ¹⁾).

Таковы были распоряженія Костюшки относительно крестьянъ за время возстанія. Мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что въ этихъ распоряженіяхъ, занимавшихъ менѣе одного мѣсяца времени, было сдѣлано для крестьянъ болѣе, чѣмъ въ продолженіе предшествовавшихъ 19 лѣтъ. Можно даже сказать болѣе, эти распоряженія находятся въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ отношеніемъ большей части шляхетскаго общества Польши къ крестьянскому вопросу, которое мы видѣли втеченіе всего этого періода. Тогда какъ на сеймахъ либеральная партія не могла добиться ни малѣйшаго облегченія для крестьянъ, кромѣ обезпеченія ихъ жизни отъ произвола помѣщика и утвержденія вѣки договоровъ, добровольно заключенныхъ съ ними властями, Костюшко объявляетъ всѣхъ крестьянъ Рѣчи Посполитой лично свободными и находящимися подъ покровительствомъ закона, устанавливаетъ судъ, долженствующій рѣшать ихъ дѣла съ помѣщиками, обезпечиваетъ имъ владѣніе землею и уменьшаетъ лежація на нихъ повинности. Не все въ этихъ постановленіяхъ безусловно благопріятно крестьянамъ: барщина продолжаетъ тяготѣть надъ ними въ обоихъ своихъ видахъ, въ видѣ прямой повинности и въ видѣ принудительнаго найма, и самое уменьшеніе повинностей произведено непропорціонально: крестьяне, наиболѣе обремененные панской работою, наименѣе получаютъ облегченія въ ней. Тѣмъ не менѣе устанавливавшійся универсалами Костюшки порядокъ представляетъ громадный шагъ впередъ, но именно самая величина этого шага невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ его прочности. Во время революціи болѣе, чѣмъ во всякое другое, недостаточны одни распоряженія правительства, нужно еще привести ихъ въ исполненіе. Къ этому нужно прибавить, что въ самыхъ универсалахъ Костюшки заключался коренной недостатокъ, который могъ уничтожить всѣ ихъ послѣдствія:

¹⁾ См. *Gazeta Wolna Warszawska*, № 12, 3 іюня, с. 165—6. (Здѣсь универсалъ приведенъ не вполне: пропущено все вступленіе) и у Зайончека въ приложеніяхъ къ *Histoire de la revolution de Pologne en 1794 par un témoin oculaire*. Paris. An V—1797, p. 271—277.

они прямо противорѣчили акту возстанія, одиннадцатая статья котораго объявляла, что ни одна изъ властей, учреждаемыхъ на время возстанія, не имѣетъ права устанавливать такихъ законовъ, которые составляли бы народную конституцію ¹⁾. Въ виду этого постановленія все, сдѣланное Костюшкой, даже въ случаѣ успѣха возстанія, могло обратиться въ ничто, если бы не нашло достаточно сочувствія въ средѣ шляхты. Но нашло-ли оно сочувствіе въ ней? Мы видѣли выше, что уже при самомъ началѣ возстанія краковской порядковой комиссіи приходилось увѣщевать помѣщиковъ ласково обходиться со своими крѣпостными, видѣли, что въ эту комиссію постоянно поступали жалобы крестьянъ на угнетенія со стороны помѣщиковъ. Самый Поланецкій универсалъ вызванъ, какъ говорить самъ Костюшко, этими же жалобами. Помѣщики не помышляли объ облегченіи участи своихъ крѣпостныхъ въ эту тяжелую для Польши эпоху. Личный интересъ стоялъ для нихъ на первомъ планѣ и выгоды сельскаго хозяйства заставляли забывать любовь къ отечеству. Безспорно, самъ Костюшко и его ближайшіе сподвижники были проникнуты сознаніемъ необходимости освобожденія крестьянъ, но это сознаніе по прежнему не распространялось на болѣе широкіе круги. Костюшко думалъ поднять и вооружить весь народъ, но шляхта рѣшительно возстала противъ этой мѣры, опасаясь за свои права, и вооруженіе шло медленно, а отъ мысли о посполитомъ рушеніи начальнику возстанія пришлось совершенно отказаться ²⁾. Взглядъ на крестьянъ, какъ на собственность шляхты, упорно держался въ послѣдней ³⁾. Такое отношеніе ея къ крестьянамъ заставило Костюшку издать Поланецкій универсалъ, но оно же подрывало надежду на исполненіе его. Даже въ газетахъ универсалъ этотъ появился почти мѣсяць спустя послѣ его изданія. Между тѣмъ, если въ краковскомъ воеводствѣ, начавшемъ дѣло возстанія и, по отзывамъ современниковъ ⁴⁾, наиболѣе усердномъ къ нему, Костюшкой и

¹⁾ Zbiór uniwersałow i urzędzeń od Tad. Kościuszki najwyższego siły zbrojney naczelnika i od Kommissyi Porządkowey wojewodztwa Krakowskiego od czasu aktu powstania narodowego wyszłych, Warszawa, 1794, s. 12.

²⁾ Histoire de la revolution de Pologne en 1794, p. 113.

³⁾ Тамже, p. 116.

⁴⁾ Histoire de la revolution de Pologne en 1794, p. 112.

порядковой комиссіи приходилось угрожать недоброжелателямъ возстанія и притѣснителямъ крестьянъ уголовнымъ судомъ, то въ другихъ воеводствахъ дѣло шло еще хуже. Варшавскій провизоріальный совѣтъ, учрежденный здѣсь послѣ очищенія Варшавы русскими до открытія Высочайшаго совѣта, въ концѣ мая обратился къ обывателямъ съ воззваніемъ, въ которомъ заявлялъ, что нѣкоторые помѣщики уплачиваютъ наложенныя на нихъ подати по старому способу, раскладывая ихъ на крестьянъ. «Провизоріальный совѣтъ, говорится здѣсь, съ величайшимъ прискорбіемъ видитъ, что при общемъ энтузіазмѣ народнаго возстанія находятся, однако, и такіе мало усердные и думающіе только о самихъ себѣ помѣщики и поссессоры имѣній, какъ свѣтскаго, такъ и (что еще хуже) духовнаго сословія, которые раскладываютъ на крестьянъ наложенную на ихъ собственные доходы подать...» Совѣтъ не одобрялъ такого поступка отъ людей свѣтскихъ, и тѣмъ болѣе отъ духовныхъ, святая обязанность которыхъ — защищать угнетенныхъ. Поэтому Совѣтъ приказывалъ, «чтобы помѣщики и поссессоры всѣхъ имѣній, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, никакимъ образомъ не осмѣливались подати съ своихъ доходовъ раскладывать на крестьянъ, а если взяли уже что-нибудь отъ нихъ, то немедленно возвратили бы, подъ страхомъ отвѣтственности въ уголовныхъ судахъ, въ случаѣ неповиновенія настоящему приказу... За исполненіемъ этого предписанія должны были слѣдить порядковыя комиссіи Мазовецкаго княжества ¹⁾. Время, прошедшее отъ начала четырехлѣтняго сейма, какъ видно, мало измѣнило владѣльцевъ и если тогда, несмотря на все возмущеніе либеральной партіи подобными поступками, сеймъ не позволилъ назначить за нихъ наказанія, то и теперь угрозы уголовнымъ судомъ оставались только на бумагѣ: за все время возстанія мы не знаемъ ни одного случая привлеченія какого либо помѣщика къ суду за плохое обхожденіе съ крестьянами или за неправильную раскладку на нихъ податей.

Въ воеводствѣ Люблинскомъ, по свидѣтельству Зайончека, шляхта отнеслась къ возстанію и особенно къ набору рекрутъ изъ хлопковъ еще недоброжелательнѣе: въ послѣднемъ увидѣли

¹⁾ Gazeta Wolna Warszawska, № 10 отъ 27 мая 1794 г., s. 131—2. Распоряженіе Совѣта помѣчено 23 мая.

опасность для шляхетской свободы и если тѣмъ не менѣе люблинская шляхта все таки пристала къ возстанію, то только изъ страха, чтобы съ нею не было поступлено по-непріятельски¹⁾. Притѣсненія крестьянъ продолжались старымъ обычаемъ: такъ бурмистръ м. Соколки, Богуфаль, жаловался самому Костюшкѣ на то, что, хотя жители этого мѣстечка исполняютъ всѣ повинности, наложенныя на нихъ возстаніемъ, экономія продолжаетъ гонять ихъ на панцину, которой они не должны отбы-

²⁾ Histoire de la revolution de Pologne en 1794, p. 124. Korzon (I. с. в. 469—70) старается ослабить свидѣтельство Зайончека, утверждая, что онъ хотѣлъ заглядеть въ своей исторіи свои военные неудачи и поэтому оклеветалъ люблинскую шляхту. Такое тяжелое обвиненіе слѣдовало бы подтвердить болѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ мы находимъ у Корзона. Если Зайончекъ проигралъ битву подъ Холмомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, ни что онъ былъ плохой генералъ, ни тѣмъ менѣе, что ему представлялась нужда клеветать на кого бы то ни было. Въ исторіи его можно, пожалуй, найти нѣкоторое самовосхваленіе, но это черта, общая очень многимъ полякамъ того времени, оставившимъ по себѣ записки. О самой битвѣ подъ Холмомъ Лимановскій (I. с., в. 373, прим.) приводитъ слѣдующее свидѣтельство Огинскаго, вообще не особенно хорошо расположеннаго къ Зайончеку: «Дѣло это, продолжавшееся 6 часовъ, могло бы кончиться благоприятно для поляковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ предводитель былъ исполненъ энергіи и доброй воли, но съ небольшимъ числомъ пушекъ они не могли устоять противъ страшной артиллеріи, поражавшей ихъ со всѣхъ сторонъ». Впрочемъ, и самъ Корзонъ приводитъ аналогичное съ показаніями Зайончека свидѣтельство Нѣмцевича: «шляхта препятствовала исполненію приказа начальника выслать 5-го крестьянина съ косой въ войско; даже сельскій людъ, такъ долго находившійся въ неволѣ, но большей части не предвидя лучшей судьбы, даже не зная ея, оставался равнодушенъ. Напрасно Костюшко поланецкимъ универсаломъ 7 мая провозгласилъ сельскій людъ свободнымъ, обезпечивая ему свободу. Универсалы эти или не доходили, или не находили вѣри... Люблинское воеводство, столица трибуналовъ и ябедничества, не оказалось усерднымъ ни въ подвозѣ припасовъ ни въ доставкѣ крестьянъ». (I. с. в. 468). Правда, Корзонъ старается ослабить и это свидѣтельство, замѣчая, что Нѣмцевичъ не былъ самъ во время возстанія въ Люблинѣ и, слѣдовательно, слышалъ это отъ другихъ; но чтобы окончательно опровергнуть показаніе Нѣмцевича, нужно было бы еще доказать, что онъ слышалъ подобное мнѣніе именно отъ Зайончека; иначе оно не теряетъ своей силы. Наконецъ шляхту обвиняютъ не только Нѣмцевичъ и Зайончекъ. Какъ замѣтилъ еще Лимановскій (I. с.), исторія Зайончека была переведена на польскій языкъ Коллонтаемъ, дѣлавшимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поправки, но мѣста, относящіяся къ шляхтѣ, остались безо всякихъ исправленій. Лимановскій въ приведенномъ у Костомарова (I. с., в. 511) свидѣтельствѣ говоритъ: «Огненные универсалы начальника читались съ восторгомъ, но дурно исполнялось то, чего онъ требовалъ. Шляхта прежде всего думала о своихъ приви-

вать. Повсюду такимъ образомъ шляхта стремилась и во время возстанія удержать свои старыя права, сохранить крѣпостную зависимость крестьянъ и свой безграничный надъ ними произволъ. Понятно, что и хлопы при такомъ отношеніи къ нимъ помѣщиковъ не могли особенно доброжелательно относиться къ возстанію, такъ какъ они не видѣли въ немъ своего собственного дѣла. Самъ Костюшко употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы сблизиться съ народомъ, одѣвалъ крестьянскую сермягу, ѣлъ и пилъ съ своими рекрутами изъ хлоповъ, но тѣмъ болѣе сблизался онъ съ ними, тѣмъ болѣе привязывалъ ихъ лично къ себѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ сердцахъ ихъ залегло глубокое недовѣріе, даже ненависть къ шляхтѣ¹⁾. Образъ дѣйствій послѣдней во время возстанія могъ, какъ мы видѣли, только усилить это недовѣріе и потому хлопы относились къ самому возстанію не особенно доброжелательно. Они шли, конечно, въ войско тамъ, гдѣ за повстанцами была сила но это не можетъ еще доказывать ихъ ревности и усердія. Членъ Высочайшаго Совѣта Гораинъ, завѣдывавшій, по порученію Костюшки, дѣломъ посполитаго рушенія, писалъ: «Дурно идутъ дѣла съ комиссіями, еще хуже съ обывателями, а народъ, утраченный, не хочетъ и думать составлять оборонную силу»²⁾. Но если такъ шло дѣло въ коренныхъ областяхъ самой Польши, гдѣ притомъ возстаніе было въ полной силѣ, то еще хуже было въ провинціяхъ, населенныхъ малорусскимъ племенемъ. Въ Люблинскомъ воеводствѣ 3.000 хлоповъ, доставленныхъ въ лагерь Зайончека, въ ту же ночь разбѣжались³⁾. На Волыни поднималось волненіе среди хлоповъ, и хотя оно не разрѣшилось ничѣмъ, благодаря присутствію русскихъ войскъ,

легіяхъ и выгодахъ». Наконецъ, справедливость замѣчаній Зайончека о люблинской шляхтѣ подтверждается лучше всего тѣмъ фактомъ, что, какъ только появились въ этомъ воеводствѣ австрійскія войска, уменьшеніе панцины было уничтожено и она была восстановлена въ старомъ видѣ, какъ это заявляла сама Люблинская порядковая комиссія, приказывая по выходѣ австрійцевъ устранить это злоупотребленіе, см. у Korzon'a, s. 490.

¹⁾ Histoire de la revolution de Pologne en 1794, p. 114.

²⁾ Костомаровъ, I. с., т. II, с. 559.

³⁾ Относительно Сендомарскаго воеводства Зайончекъ даже говоритъ, что тамъ сама шляхта уговаривала крестьянъ къ бѣгству. Histoire de la revolution de Pologne en 1794, p. 117.

но навело большой страх на обывателей ¹⁾. Провозглашенная Костюшкою свобода крестьянъ болѣе пугала русскихъ военачальниковъ ²⁾, чѣмъ привлекала къ нему въ дѣйствительности хлопотъ, такъ какъ послѣдніе опасались—и, конечно, не безъ основанія — что шляхта не допуститъ ихъ до пользованія этой свободой. Польскіе крестьяне, по сознанію Краковской порядковой комиссіи и самого Костюшки ³⁾, участвовали даже въ русскихъ войскахъ и помогали послѣднимъ въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ послѣднее время нѣкоторые писатели упрекаютъ Костюшку въ томъ, что онъ не нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы преслѣдовать открыто недоброжелательство шляхты къ крестьянамъ и ея притѣсненія послѣднихъ. Намъ кажется однако невозможнымъ присоединиться къ этому упреку. Костюшко сдѣлалъ все, что могъ; иди онъ дальше, онъ окончательно вооружилъ бы противъ себя всю шляхту, за исключеніемъ лишь небольшой ея части и, еслибы ему и удалось встать во главѣ вооруженныхъ крестьянъ всей Польши, то съ другой стороны ему пришлось бы имѣть дѣло уже не только съ русскими и пруссаками, но и съ значительной частью польскихъ же помѣщиковъ. Успѣхъ такого возстанія, не говоря

¹⁾ См. у Костомарова письмо одного изъ нихъ (I. с. т. II, с. 512) и донесеніе губернатора Волыни, Берхмана, Суворову (тамже, с. 583—4).

²⁾ Особенно боялся за крестьянъ кн. Репнинъ, начальствовавшій надъ русскими войсками въ Литвѣ, но и онъ писалъ, что въ Бѣлоруссіи крестьяне «болѣе на нашей сторонѣ, нежели на мятежничей». См. Де-Пуле, Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ etc. СПБ., 1871, с. 34.

³⁾ См. выше, с. 219. Костюшко приписываетъ это «интригамъ москалей». Того же мнѣнія держится и современный историкъ, Корзонъ, (I, 480 и пр. 1) ссылаясь въ доказательство на прокламацію Репнина, приведенную у Де-Пуле но ссылка его не особенно удачна. Прокламація эта, напротивъ, такого рода что заставила Де-Пуле сказать, будто русскіе военачальники, вступивъ въ Литву, болѣе довѣряли мятежникамъ, чѣмъ крестьянамъ; съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ также трудно однако согласиться. Репнинъ увѣщевалъ только крестьянъ оставаться спокойными и не слушать даже своихъ помѣщиковъ, если бы въ пристаи къ бунтовщикамъ, а представлять ихъ русскимъ. (Де-Пуле, с. 55—6). Вообще къ выводамъ Корзона за этотъ періодъ надо относиться осторожно: такъ, въ доказательство того, что Поланецкій универсалъ исполнялся въ Польшѣ, онъ приводитъ Келецкій универсалъ отъ 10 іюня, въ которомъ Костюшко приказываетъ всѣмъ командирамъ корпусовъ идти въ Россію и Пруссію и провозглашать тамъ свободу крестьянъ; по мнѣнію Корзона, онъ не рѣшился бы на такой шагъ, еслибы свобода эта не была установлена въ самой Польшѣ. Шаткость такого доказательства очевидна (Korzon, I, 497).

уже о томъ, что оно противорѣчило вынесеннымъ изъ Америки понятіямъ Костюшки, представляется намъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ сомнительнымъ.

Но исторія имѣетъ дѣло не съ предположеніями, хотя бы и вѣроятными, а съ фактами. Костюшковское возстаніе было подавлено и вмѣстѣ съ нимъ исчезла послѣдняя попытка либеральной партіи возвратить свободу крестьянамъ. Попытка эта,—сама по себѣ благородная и смѣлая,—не имѣла однако никакихъ практическихъ результатовъ и въ сознаніи самого народа прошла почти безслѣдно ¹⁾. Причина неуспѣха этой попытки, неуспѣха, погубившаго Польшу, лежитъ, однако, не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ противодѣйствіи шляхты, длившемся все послѣднее время существованія Рѣчи Посполитой, и хотя ослабѣвавшемъ, но слишкомъ медленно, для того, чтобы эта шляхта добровольно могла рѣшиться на коренную реформу крестьянскихъ отношеній. Шляхта не сумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки.

К о н е ц ъ .

¹⁾ Korzon (I. с. s. 494—5) считаетъ это результатомъ реакціи, наступившей подъ русскимъ владычествомъ, но онъ забываетъ, что для такой реакціи мало было однихъ внѣшнихъ условій.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
17	40	Brüggen'	Brüggen'a.
29	8	Strojnowsk.	Strojnowski
51	29	какъ и,	и, какъ
57	39 (прим. 3).	l. s. 64 с 7	l. с., s. 647.
73	39 (прим. 5).	polrkich	polskich
84	34 (прим. 3).	Галиціи	Галицію
88	28	козаковъ	козаковъ,
89	5	говорять	говорять,
93	16	czulości	czulości
98	32	поправиться	поправиться
99	36 (прим. 1).	Aucil	Auril
103	4	1885	1775
—	19	Tarczynie	Tarczynie
—	30	второго, и	второго и
104	27	то когда	то, когда
107	12	торгуетъ	торгуетъ,
109	23	судьѣ	судьѣ,
120	25	реформу,	реформу
129	30	одобной	подобной
132	1	благодаря	благодаря
—	32	достаточно	достаточное
142	33	Потому	«Потому
144	22	мѣщане;	мѣщане,
153	30 (прим. 1).	нивъ	ивъ
154	13	Руссо	Руссо,
159	1	сеніе	теніе
161	2	и	и
166	1	А сколько	«А сколько
167	35 (прим. 1).	избираемыя	избираемые

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введение	5—10
Библиографія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ.	11—36

ГЛАВА I.

Положеніе польскихъ крестьянъ къ послѣдней четверти XVIII вѣка.

Краткій историческій очеркъ положенія крестьянъ въ Рѣчи Посполитой. Положеніе ихъ въ XVIII вѣкѣ. Королевскія имѣнія. Имѣнія духовныя. Положеніе шляхетскихъ крестьянъ. Существованіе болѣе свободныхъ крестьянъ. Общее положеніе. Произволъ помѣщичьей власти. Панщина и другія повинности. Поссессоры и роль ихъ по отношенію къ крестьянамъ. Пропинація. Экономическое положеніе польскихъ крестьянъ. Паденіе сельскаго ховяйства. Отдѣльныя исключенія. Эмиграція крестьянъ. Гайдамачество на Украинѣ и бунтъ Гонты и Желѣзняка. Заключеніе 37—92

ГЛАВА II.

Публицистика по крестьянскому вопросу въ эпоху раздѣловъ.

Начало публицистическаго движенія. Мабли и Руссо. Французскія брошюры, вышедшія въ Польшѣ. «Тарчинскій проектъ». Брошюры либеральной партіи: Поплавскій, Выбицкій, Сташица «Uwagi nad życiem J. Zamojskiego». Журналы и ученые сочиненія (Сяшетускій, Стройновскій и Трембицкій). Время четырехлѣтняго сейма. Курпъ, Пильховскій и авторъ «Uwag praktycznych o poddanych polskich względem ich wolności i niewoli». Тадеушъ Морскій; «Uwagi ogólne nad stanem rolnictwem i miejskim w Polsce». «Bunt Ukrainie». Коллонтай. Езерскіе, Францискъ Салевій и Яцекъ. «Nie wszyscy błędzą». «Przestrogi dla Polski», Сташица. «O włościanach». Общій выводъ относительно программы писателей либеральной партіи и сличеніе этой программы съ крестьянскими требованіями въ «Тарчинскомъ проектѣ». Брошюры консервативной партіи: «Myśli Obywatelskie» и «Reflexye nad projektem p. t. Zbiór praw sądowych». «Uwagi nad Uwagami». «Projekt Sejmowy z Autora Zgoda i Niezgoda wynikający». «Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym», кс. Игнатія. «Uwagi Dyzmy Bonezy Tomaszewskiego». Заключеніе 93—172

Мѣры частныхъ лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

Реформы частныхъ землевладѣльцевъ: Замойскаго, Павла Ксаверія Бржостовскаго, Станислава Понятовскаго, литовскаго подканцлера Хребтовича, княгини Яблоновской, маршала Малаховскаго, Красинскаго. Мѣне извѣстныя реформы: Масальскаго, Езерскаго, Вавржецкаго. Имѣнія Щенснаго Потоцкаго. Адама Чарторыйскаго. Общій выводъ. Законодательство. Огражденіе жизни крестьянъ на сеймѣ 1768 г. Попытки реформы положенія крестьянъ на сеймѣ 1774—75 гг. Сеймъ 1784 г. и его постановленіе, дополняющее конституцію 1768 г. Четырехлѣтній сейма дѣло о податяхъ; постановленія о крестьянахъ, служащихъ въ войска, и о старостахъ; дѣла на Украинѣ въ 1789 году и отношеніе къ новымъ сейма. Сеймики въ 1790 году. Крестьянское дѣло въ конституціи 3 мая 1791 года. Положеніе крестьянъ послѣ этой конституціи; эмиграція и бунты ихъ за этотъ періодъ. Отношеніе крестьянъ къ Польшѣ во время войны съ Россіей. Восстаніе Костюшки. Мѣры властей восстанія—Краковской Порядковой Коммиссіи и Костюшки—относительно крестьянъ. Значеніе этихъ мѣръ. Пріемъ ихъ шляхтой. Отношеніе крестьянъ къ восстанію. Заключение. 173—229

129 11291948

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

„Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ“:

1. Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Н. Карѣва. Варшава. 1881 г. Ц. 1 р.

2. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Н. Карѣва. Москва 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

3. Историческій очеркъ польскаго сейма. Н. Карѣва. Москва 1888 г. Ц. 1 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

**5. Очеркъ польскихъ реформъ прошлаго вѣка.
Н. Карѣва.**

